

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ N4(160)

МОСКВА 2025

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2025. № 4 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшквич (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; к.э.н. Н.П. Недзвецкая;
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2025

Содержание

Трампизм как знамение времени (<i>Главный редактор</i>)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>А.В. Марков, О.А. Штайн</i>	
«Поэтическое хозяйство Пушкина» Владислава Ходасевича и теории хозяйства	11
<i>А.Н.Ш. Мохаммад</i>	
Эволюция подходов к изучению производительности труда	21
Раздел II. Экономическая теория	
<i>С.Г. Капканициков</i>	
Формирование в постсоветской России благоприятной среды для санкционных ограничений	39
<i>П.Ю. Гордок</i>	
«Nothing personal, just business»: заметки о политической теологии неоллиберализма	56
<i>В.И. Смагина, И.О. Юдин</i>	
Интеллектуальные агенты в экономике: модели и вызовы цифровой трансформации	70
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Особенности развития цифрового социума посредством распространения социальных сетей	80
<i>М. Камара</i>	
Нейромаркетинг как новая технология воздействия на потребительское поведение	88
<i>В.П. Золотарева</i>	
Типологизация национальных моделей «догоняющей модернизации»	100
<i>Р.К. Асманов, М.М. Кучуков</i>	
Эффект компактификации: механизм, оценка, интерпретация (к 100-летию публикации 3-го издания «Тектологии» А.А. Богданова)	110
<i>С.Е. Трофимов</i>	
Практическая реализация методологии государственного регулирования нефтегазового комплекса на основе встраивания в контур Шестого технологического уклада	138

Раздел III. Актуальная философия

Ф.И. Гиренок

О человеке коллективных представлений 161

С.С. Безматерных, К.В. Патырбаева

Проблема смысла жизни в мистической средневековой философии: идейные истоки и опыт мысли

Мейстера Экхарта 168

Э. Мартин

К вопросу о кризисе идентичности.

Критика интерпретации идеи идентичности

в постмодернизме и постструктурализме 178

С.С. Мерзляков

О правиле существования субъекта в вечности 194

Раздел IV. Актуальная социология

Г.С. Широкалова

Российские студенты: секс — потребность или мода? 205

С.Б. Павлов

Социальный формат информационных технологий 231

Раздел V. Рецензии и отклики

Ю.М. Осипов, И.П. Смирнов

«Тернистый путь к знанию» У.Ж. Алиева 253

Ю.М. Осипов

Наши пишут! (о новых книгах от наших) 256

Я.Д. Яковлев

О планетарном эволюционизме Н.Б. Шулевского 262

Научная жизнь

Е.С. Зотова

О постэкономике как фантастическом достоянии

современности (дискуссия на экономическом факультете) 272

Т.С. Сухина

Технонейрореволюция и судьба человека

(Ломоносовские чтения — 2025) 285

Анонсы — 2025 294

Наши авторы 295

Contents

«Trampism» as a Sign of the Times (<i>Chief Editor</i>)	7
 Part I. Philosophy of Economy	
<i>A.V. Markov, O.A. Shtayn</i>	
Vladislav Khodasevich's 'The Poetic Economy of Pushkin' and Theories of Economy	11
<i>A.N.Sh. Mokhammad</i>	
Evolution of Approaches to Studying Labor Productivity	21
 Part II. Economic Theory	
<i>S.G. Kapkashchikov</i>	
Formation of a Favorable Environment in Post-Soviet Russia for sanctions restrictions	39
<i>P.Yu. Gordok</i>	
«Nothing Personal, Just Business»: Notes on the Political Theology of Neoliberalism	56
<i>V.I. Smagina, I.O. Yudin</i>	
Intelligent Agents in the Economy: Models and Challenges of Digital Transformation	70
<i>N.P. Nedzvetskaya</i>	
Features of the Development of Digital Society through the Spread of Social Networks	80
<i>M. Camara</i>	
Neuromarketing as a New Technology for Influencing Consumer's Behavior.....	88
<i>V.P. Zolotareva</i>	
Typologization of National Models of «Catching-up Modernization»	100
<i>R.K. Asmanov, M.M. Kuchukov</i>	
Compactification Effect: Mechanism, Assessment, Interpretation (on the 100th Anniversary of the Publication of the 3rd Edition of «Tectology» by A.A. Bogdanov).....	110
<i>S.E. Trofimov</i>	
Practical Implementation of the Methodology of State Regulation of the Oil and Gas Complex based on the Integration into the Contour of the Sixth Technological Paradigm	138

Part III. Actual Philosophy

F.I. Girenok

About a Man of Collective Ideas 161

S.S. Bezmaternykh, K.V. Patyrbaeva

The Problem of the Meaning of Life in Mystical Medieval

Philosophy: Ideal Sources and Experience of the Thought

of Meister Eckhart..... 168

E. Martin

The Question Concerning Crisis of Identity. Criticism

of the Interpretation of the Idea of Identity in Postmodernism

and Poststructuralism 178

S.S. Merzlyakov

On the Rule of Existence of the Subject in Eternity 194

Part IV. Actual Sociology

G.S. Shirokalova

Russian Students: Sex as a Need or Fashion? 205

S.B. Pavlov

The Social Format of Information Technology..... 231

Part V. Reviews and Responses

Yu.M. Osipov, I.P. Smirnov

«The Thorny Path to Knowledge» by U.Zh. Aliyev 253

Yu.M. Osipov

Ours Write! (about New Books from Ours)..... 256

Ya.D. Yakovlev

About Shulevsky's Planetary Evolutionism 262

Scientific Life

E.S. Zotova

About Posteconomy as a Fantastic Property of Our Time

(Review of the Discussion at the Faculty of Economics) 272

T.S. Sukhina

Technoneurorevolution and Human Destiny

(Lomonosov Readings — 2025)..... 285

Anounce — 2025 294

Our Authors 298

Трампизм как знамение времени

Нынче ведь время комедийное, мало того, разверзшееся, аж до закулисья, еще и время, кстати, войновское, пусть и не с горячей мировой войной, но все-таки с мировой — за переделку мира и им владение, а что касается всего вызывающего такую (ныне «гибридную») войну, так ведь все вокруг в кризисе, пусть и каждый из субъектов в своем и по-своему, не только, как все, в мировой тряске, а дальше либо какой-то новый мир, либо, знаете ли, конец всякому миру, да не только этому, что ныне на Земле, но и всякому возможному тоже. Каинский прогресс сделал свое славно-коварное дело, поставив мир человеческий на край экзистенциальной бездны, правда, из которой нынешний мир когда-то и сам вышел, отчего туда и, видно, уйдет.

Вот она и всемирная комедия, то ли божественная, как у Данте, то ли человеческая, как у Бальзака, то ли уже постчеловеческая, а точнее — дьявольская, как у... да-да... у него, у главного нынче комедианта, прямоходом от Трампа.

Главная задача Трампа — сохранить уникальное величие доллара, а вместе с ним и *его* Америки уникальное величие, однако не посредством укрепления-де доллара (чего и как ее укреплять, это пустую цифровку?), а всего лишь через удержание долларовой цифровой навеси над имперской надмировой экономико-театральной ареной значимости.

Что ж, играть так играть в мировой комедии, да так играть, чтобы не дать себя переиграть — ни англосаксам, ни азиатцам, ни сонму тех же «бриксианцев».

Ну, а главный комедиант Трамп занят очисткой мировой арены от пришлецов, да так, что заплатить за сию очистку придется всем в мире театрам, менее всего, конечно, американским.

Сожрать Россию — первое дело для всего мира!

Благо у России еще ресурсы есть, однако... и у ресурсов есть концы (не видали?, так увидите!).

Да, Трамп разыгрывает комедию, а мир за это ему дружно апплодирует, однако комедию-то он разыгрывает совсем не простую, как мы уже заметили, — вполне себе дьявольскую, а главное тут не в самой этой комедии, не в авансцене, не в качестве артистической

трупы, а... в закулисы (!), что понять бы надо, не запутаться бы там — в закулисы, не попасть впросак, наивно рассчитывая то на китайцев, то на БРИКС, то прямо на себя из-за стен Кремля, а то и на добрую-де Господню Волю.

А что надо-то? Собой заниматься надо, да так, чтоб никому, даже Трампу с китайцами, не было повадно соваться в Россию, брать ее «на фуфло», ну и затем сожрать.

Ах, перемены, перемены, да не ихние, а нашенские, родненькие, тяжкие, непосильные!

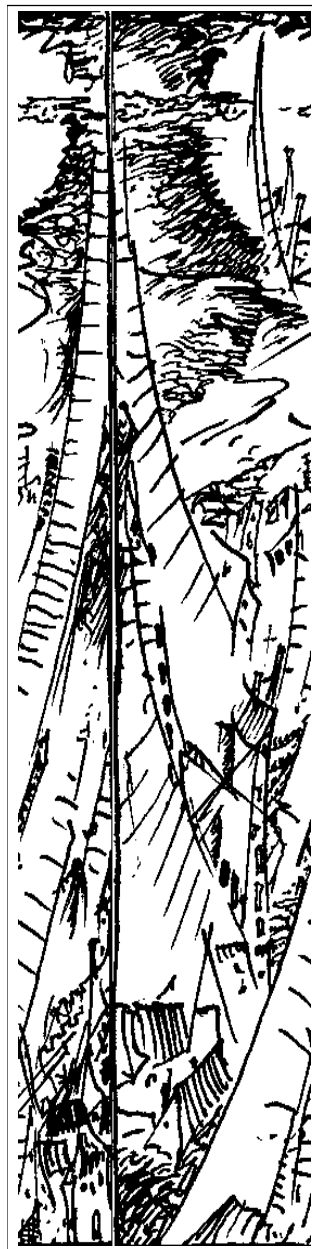
А куда ж от них?!

Тут и за Сталина вспомнить не зазорно, не за Хрущева же с Брежневым, не говоря уж о последовавших за ними арлекинах, нет, вовсе не за этих, а если уж за этих, то как-то очень уж по-иному!

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

А.В. МАРКОВ, О.А. ШТАЙН

**«Поэтическое хозяйство Пушкина» Владислава Ходасевича
и теории хозяйства***

Аннотация. Книга Владислава Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» — новаторское исследование, раскрывающее творчество Пушкина через призму экономики, биографии и поэтики. Ходасевич анализирует автореминисценции, повторяющиеся мотивы и стилистические приемы, доказывая, что Пушкин осознанно превращал литературу в «хозяйство» — систему, где вдохновение соседствует с рыночным расчетом, а личный опыт переплавляется в искусство. Ключевые темы труда Ходасевича: автобиографизм — связь «Русалки» с реальной драмой поэта, покаяние в «Дубровском». Экономика творчества — Пушкин как «фрилансер», балансирующий между продажей рукописей и сохранением вдохновения. Споры с современниками — полемика с М.О. Гершензоном о «мудрости» Пушкина и с футуристами о «кинематографичности» поэзии. Актуальность — предвосхищение проблем цифровой эпохи: отчуждение труда, алгоритмизация искусства, экономика внимания. Ходасевич показывает Пушкина как практика, чье творчество — стратегия выживания в мире товарных отношений.

Ключевые слова: Пушкин, Владислав Ходасевич, поэтическое хозяйство, автореминисценции, экономика литературы, творческий труд, автобиографизм, рынок искусства, М.О. Гершензон, авангард, кинематограф, феодализм и капитализм, символический оброк, цифровая культура.

Abstract. Vladislav Khodasevich's «Poetic Economy of Pushkin» redefines the poet's work through the lens of economics, biography, and craft. Khodasevich examines Pushkin's self-quotations, recurring motifs, and stylistic devices, arguing that Pushkin consciously treated literature as a «household» — a system where inspiration coexists with market logic,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Марков А.В., Штайн О.А. «Поэтическое хозяйство Пушкина» Владислава Ходасевича и теории хозяйства // *Философия хозяйства*. 2025. № 4. С. 11—21. DOI: 10.5281/zenodo.15698044.

and personal experience transforms into art. Key themes: Autobiography — links between «Rusalka» and Pushkin's life, guilt in «Dubrovsky». Creative economy — Pushkin as a «freelancer», negotiating between selling manuscripts and preserving artistic integrity. Debates — clashes with M.O. Gershenzon on Pushkin's «wisdom» and with futurists on «cinematic» poetics. Modernity — anticipating digital-age dilemmas: labor alienation, algorithmic art, attention economy. Khodasevich portrays Pushkin not as an isolated genius but as a strategist navigating commodification — a vision startlingly relevant today.

Keywords: Pushkin, Vladislav Khodasevich, poetic economy, self-reminiscences, literary market, creative labor, autobiographism, art commodification, M.O. Gershenzon, avant-garde, cinema, feudalism and capitalism, symbolic tribute, digital culture.

УДК 330; 82
ББК 83.3

Книга Владислава Фелициановича Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» — провокационная работа: поэт Серебряного века попытался отнестись к наследию Пушкина как к передовому хозяйству, в котором все шло в дело. Благоговейное и внимательное отношение к поэзии Пушкина не исключало анализа механизмов письма. Основная мысль книги может быть выражена так: как биографические обстоятельства, с которыми автору приходится считаться, так и экономика, с которой считаются и автор, и читатель, входят в поэтику автора. Поэтика — это не столько достижения, сколько стратегия, до конца не выявляемая и принадлежащая гению поэта, но направленная одновременно на эмпирическую биографию поэта и на ту общую систему экономических отношений, в которой участвуют и автор, и читатель.

Владислав Фелицианович Ходасевич задумал эту работу еще в 1914 г., но завершил ее лишь к 125-летию со дня рождения Пушкина (1924) [8]. Книга вышла в Петрограде с грубыми искажениями — издательство «Мысль» отказалось ждать авторской правки, произвольно разбило текст на фрагменты (очерк о «Русалке», венчающий книгу, оказался разбит не на внутренние главки, а на общие главы всей книги) и добавило множество опечаток, что заставило Ходасевича публично отречься от издания [6, 42]. Тем не менее, выход этой

книги в Советской России был значим в тогдашних дискуссиях вокруг русского авангарда, равно как и в общей ситуации НЭПа, когда книжный рынок получил дополнительный стимул развития, но при этом авторам приходилось искать новых равновесий между творческими замыслами и издательскими возможностями.

Основным методом исследования Ходасевича является поиск *автореминисценций* — собственных цитат Пушкина из самого себя. При таком подходе Ходасевич спорит с тем, что мы назовем историческим авангардом: авангард отказывается от прямой преемственности, использует прошлые эстетические достижения как материал для новых конструкций, как повод для необычного перформативного акта и как общую плоскость, где он *сам* находит точки для дальнейшего монтажа. Можно описать действие авангарда как работу с полем уравненных значений, где любое учреждение или декларирование какой-то точки как отправной приводит к эстетическому взрыву, к новым восхищающим достижениям. Ходасевич скептически относился как к авангардной поэтике, например, не принимая творческого стиля В.В. Маяковского, так и к различным попыткам создания поля уравнивания образов и фактов, таким как кинематограф [7].

Поэтому Ходасевич настаивает на дифференцированности творческого хозяйства Пушкина, где есть механизмы возвращения к одним и тем же образам и мотивам, но они порождают новые решения, еще больше сближающие биографически пережитое и творчески продуманное. Ходасевич исследует повторяющиеся мотивы, образы и стилистические приемы у Пушкина, усматривая в них не случайность, а ключ к пониманию творческой лаборатории поэта. Например, понятие «гряды» может обернуться ключом к визуальному пониманию природы Пушкина, а не просто выразительным элементом, создающим иллюзию природы.

Ходасевич был един с русскими формалистами (если вспомнить сравнение Пушкина и Тютчева в работах Ю.Н. Тынянова) в том, что пейзажи Пушкина представляют собой не метафизическое переживание природы, но особую конструкцию, учитывающую опыт классицизма. «Облака любит он располагать грядой, полосой, цепью» [8, 79], в чем Ходасевич находит ключ к одновременно поэтическому и биографическому моменту — постоянному повторению

имени возлюбленной. В строке «И именем своим подругам называла» Ходасевич слышит анаграмму имени «Мария» [8, 78], которое и должно повторяться при рассмотрении «гряды» облаков — и тем самым визуальное восприятие природы оказывается только частью определенной жизненной практики, противостоящей как раз авангардной плоскости. Напротив, постоянное углубление в завещанное традицией имя и описывается нормативно Ходасевичем как искусство.

Поиск автобиографических мотивов в неожиданных произведениях также сближает Ходасевича с Тыняновым и другими формалистами и разводит с Брюсовым, не всегда учитывающим биографические подтексты природных и культурных образов вроде «дева на скале» [9, 86]. В «Русалке» Ходасевич усматривает отражение реальной драмы — истории с крестьянкой, которую Пушкин «неосторожно обрюхатил» (по выражению самого поэта). Даже в «Дубровском» и «Станционном смотрителе» Ходасевич находит скрытое покаяние Пушкина за эту историю. Гипотеза о «Русалке» была раскритикована пушкинистами (прежде всего, М.О. Гершензоном), указавшими на переработку пьесы Краснопольского «Днепровская русалка», — но Ходасевич настаивал: Пушкин брал чужой материал, лишь когда он резонировал с личным опытом. Этот резонанс с личным опытом позволил Ходасевичу сделать ряд открытий, принятых пушкинистами; например, он доказал, рассматривая набросок «Румяный критик мой...», что отрывок «Куда же ты?..» не самостоятельная миниатюра, а его финал [8, 105].

Усилие Ходасевича предвосхитило методы работы структуралистов, для которых поэтика включает в себя вопрос не только о художественных приемах, но и о границах произведения как целого. Но для Ходасевича это был важный автобиографический спор с Гершензоном [8, 102]: Гершензон видел в наброске монолог, меланхолический, философичный, указывающий на тленность всего сущего, тогда как Ходасевич, эмигрант, отмечал в нем диалог, не отчаяние Пушкина, а поиск новых путей, в том числе возможностей длительных поездок и географических перемещений. Поэтому этот спор должен учитываться при считывании биографических подтекстов поэзии и исследований Ходасевича — например, в недавней книге В.В. Зель-

ченко «Вещи на свободе» [3] *point* состоит в том, что Ходасевич отчасти элиминирует и мировую войну, и факт эмиграции, сохраняя навыки культурной работы прежнего времени.

Несмотря на некоторый характер заметок читателя, книга Ходасевича стала важным опытом «медленного чтения» — через детали, повторы, намеки Ходасевич восстанавливает «хозяйство» пушкинского творчества: как поэт превращал жизнь, долги, рыночные расчеты и даже чувство вины в искусство. Такое понимание хозяйства и есть главный момент его спора с М.О. Гершензоном. Как пишет Ходасевич, «М.О. Гершензон справедливо указывает, что “для Пушкина размер стиха, по-видимому, безразличен; тем же размером он описывает и расставание с любимой женщиной (“Для берегов отчизны дальной”), и охоту кота за мышью (в “Графе Нулине”), встречу ангела с демоном и пленного чижики. Это безразличие М.О. Гершензон объясняет тем, что Пушкин “внешнее разнообразие заменял внутренним”, т. е. разнообразием ритмики и инструментовки. Хотелось бы согласиться и с таким утверждением: теоретически оно очень правдоподобно. Однако вот несколько примеров, показывающих, что у Пушкина сходство ритмического и звукового порой уживается с глубочайшими смысловыми различиями» [8, 8]. Таким образом, если Гершензон настаивал на экономической модели, которую можно сопоставить с натуральным хозяйством, где одни и те же инструменты могут создать различный продукт, вспаханное поле можно засеять чем угодно, хозяйством «барщины», то Ходасевич имеет в виду уже хозяйство «оброка». Оказывается, что можно получить практически тот же продукт, но колебания рынка будут сказываться на колебаниях цены, и на поверку оброк, вопреки утверждению в «Евгении Онегине», оказывается не таким уж «легким». Для Ходасевича Пушкин уже считался с рыночными отношениями, где различные смыслы, т. е. различные ценности и оценивания, могут быть отнесены к одному и тому же товару: хлеб может оказаться условием выживания, а может — угощением.

Поэтому Ходасевич и в этой, и во многих других работах о Пушкине [9] настаивает на том, что Пушкин — человек Просвещения, вольтерьянец, скептик, остро слов, а вовсе не мудрец, каким его хочет видеть Гершензон. Гершензон хотел видеть в Пушкине муд-

реца, который использует один и тот же метрический, как бы гномический стандарт, стандарт изречений, наподобие того, как любые мудрые изречения имеют какой-то ожидаемый метр, какую-то меру усвоения. Тогда как для Ходасевича существенно, что в своих интонациях Пушкин умеет быть механичным, показывать чудо остроумия благодаря действию классицистско-просвещенческих механизмов перформанса, впечатляющих так, как впечатляют театральные декорации и *автоматоны*.

Это ни в коем случае не означало для Ходасевича, что остроумие Пушкина действует где-либо вхолостую, напротив, только оно, благодаря своей неотменимости, явленности, феноменологической очевидности, может включить в себя и всю биографию Пушкина, все существенные обстоятельства его жизни и не существенные тоже. Это экономика ставок, азартной игры, биржевой игры — и конечно, то, что Пушкин не просто прекрасно знал карточную игру и капризы Фортуны, но и мог связывать это с инвестиционной деятельностью, инвестировать в литературу и ставить на кон (например, проиграть главу «Евгения Онегина» в карты), — все это говорит не столько о личном азарте величайшего поэта, но о принятии нового мира, где есть не только свободные финансы, но и биржевые и прочие способы организации их инвестирования.

Кроме спора с Гершензоном, Ходасевич спорит и с футуристами. Он сетует на то, что Асеев обвинил его в манерности: «Некий Н. Асеев вздумал в “Красной Нови” учить меня русскому языку: форму “горит себе” он сопровождает вопросительным знаком и многозначительно именуется “довольно странной”» [8, 22]. Ходасевич указывает на несколько употреблений *dativus ethicus* (вариант *dativus commodi*, в духе «а он себе сидит») у Пушкина. Если мы обратимся к статье Асеева, то его возмущает не сама форма, сколько то, что он считает эгоцентризмом и усталостью: «Не будем говорить о довольно странной форме: “горит себе (?) горит”, но ведь нам сказано, что это “ново, правдиво”. Отбрасывая “новизну”, — где же правдивость? Горит на высоте душа, как луна, “себе” — совершенно самостоятельно, в страстях не участвует, слез не осушает. Ведь это — если не электрический фонарь, то штука совершенно неправдоподобная» [1, 247]. То есть электрическому фонарю можно быть безучаст-

ным, а душе и луне нельзя. Если бы Ходасевич сравнил душу с электричеством, это было бы ново и современно, если бы он сказал бы о луне как об эмоциональной, это было бы поэтично. Форма «себе» для Асеева — это форма, в которой нет ни поэтичности, ни точности. Она странна не тем, что не соответствует русской устной или книжной норме (как раз «он себе сидит», скорее, скажут устно, чем письменно), но тем, что не может вписаться ни в представление о старой поэзии от первого лица, ни в представление о новой поэзии от первого лица, которое есть у футуриста. Для Ходасевича такое замечание говорит о принадлежности Асеева миру ненавистного ему кинематографа — где как раз все прямо горит, не для себя, а проецируя на экран вовлекающее в себя зрелище. Именно за эту прямую проекцию, что все сразу выносится наружу, становится экранным фактом, Ходасевич и не любил кинематограф, считая его профанацией культуры [7].

И дальше Ходасевич заводится и начинает показывать, как пушкинские образы принципиально *антикинематографичны*. Угасающий сон, угасающий Наполеон: все это угасание для Ходасевича — необходимая часть поэтического хозяйства Пушкина [8, 25]. «Явление, исчезновение; свет, тень; заря, угасание — вот Наполеон у Пушкина. Все точно картина волшебного фонаря» [8, 26]. Как убедительно показала Т. Смолярова в монографии о визуальных приемах Державина [5], у Державина образ волшебного фонаря не просто объединяет эстетику Барокко и Просвещения — он представляет собой невербальную, визуальную реакцию на непостижимый для этого поэта опыт Великой французской революции. Разрывы риторических способов описания истории заполнялись эмпирицистским пониманием зрения и зримого. Ходасевич явно противопоставляет пушкинские картины угасания Наполеона и вообще соединения природного и исторического в едином плане оптических образов — кинематографическому *пендуму*. Пушкин дает не соединение в кадре природы, архитектуры, исторической сцены, но полное, всецелое визуальное внимание к предмету в каждом моменте. Здесь Ходасевич явно предпочитает экономику пушкинской поры, с ее *фортунной*, возможностью поставить все на карту, — современной экономике с *диверсификацией рисков*.

При этом уточняет особенности экономики пушкинского времени Ходасевич только на нескольких страницах. Пушкин, по словам Ходасевича, «привык смотреть на литературу как на источник денежный» [8, 91], сталкиваясь с вопросами спроса и предложения. Пушкин, продавая стихи, осознает двойственность отчужденного труда: вдохновение нельзя купить, но рукопись — можно. Ходасевич приводит шуточное сравнение Пушкиным себя с портным и булочником, продающими свой товар поденщиками. Оказывается, что колебаниям спроса и предложения можно противопоставить не только аутентичность, с полной ставкой биографии, но и регулярную работу, поденный труд литератора. Пушкину первое было *дороже*, но второе уже стало его *судьбой* — что заставляет вспомнить не только отчужденный труд по Марксу, но и критику идеологий как медиумов телесного и интеллектуального отчуждения в неомарксизме [4], которые действуют независимо от нашей воли, но определяют наше отношение и к собственному телу, и к собственной мысли. Ходасевич уже оказывается внутри марксистской дискуссии, когда подчеркивает трудолюбие и хозяйственность Пушкина, тогда как, конечно, сам Пушкин мог себя мыслить как прогрессивный помещик, но не как участник современности с ее победой капитализма, в смысле Вальтера Беньямина [2]. Ходасевич — писатель современности и теоретик современности.

Тут же Ходасевич показывает, как Пушкин использует термин «оброк» [8, 95], имея в виду ожидаемый доход. То есть помещичье хозяйство для Пушкина не источник устойчивого дохода, а модель отношения поэта с публикой, который собирает оброк с публики регулярно, чтобы иметь больше возможности дифференцировать сами формы торговли, продавать издателю что-либо оптом или в розницу. Здесь феодальное хозяйство для Пушкина оказывается вовсе не устойчивым патриархальным миром, но, напротив, миром, изнутри открытым любой самой бурной коммерции! Оброк платит публика, а не предмет поэтического сочинительства, это не материальный, а символический оброк. И задача Пушкина — не просто увеличить литературные доходы, а по-новому работать с издателями, дифференцировать предложение, кому что продать оптом, а что — в розницу. Пушкин радикально выворачивает феодализм в сторону капи-

тализма и его дифференцированных и постоянно ускоряющихся сделок — этого не видели пушкинисты до Ходасевича, но увидел Ходасевич, которому пришлось в эмиграции создавать экономику литературного производства на новом месте, с нуля; что перекликается с дифференцированным пониманием собственности, по Пушкину, у С.Л. Франка [10] (предвосхищающим некоторые идеи о собственности В.В. Библихина — но это отдельный разговор). Это не замена внешнего разнообразия внутренним, по Гершензону, но особая тяга стиля и ритма повторений, воля фрилансера к творчеству, обеспечивающая фрилансеру определенный успех.

Замечательна фраза «Таким образом, уже самое “уединение” входит в его хозяйственную бухгалтерию, как известный пассив, как расход по производству» [8, 93]. Это, конечно, больше всего напоминает современный тайм-менеджмент фрилансеров: Ходасевич здесь очень опережает время. Жалобы Пушкина на «вшивый рынок» [8, 98] литературы напоминают также современную критику алгоритмизации искусства в цифровую эпоху (зависимость художников от платформ вроде Amazon или Patreon).

Отношение величайшего поэта к деньгам, литературному труду как источнику дохода и его попыткам найти баланс между творческой свободой и экономической необходимостью, рассмотренное Ходасевичем, позволяет провести множество параллелей с философией денег, экономическими теориями и концепциями хозяйства разных эпох. Ходасевич [8] показывает Пушкина как поэта-хозяйственника, который предвосхитил дилеммы современного творца. Предвосхищая труды Беньямина о Бодлере [2], Ходасевич говорит о Пушкине как современном человеке о современном человеке, оказавшемся в ситуации товарного отчуждения и потому обязанного поменять радикально сами представления об экономике искусства и отношении поэта и публики. Поставленные Ходасевичем вопросы актуальны и для эпохи подписок (экономики внимания), NFT-искусства и цифрового контента. Гений Пушкина здесь оказывается удивительно современным.

Литература

1. Асеев Н. По морю бумажному // Красная новь. 1922. № 4. С. 245—247.

2. *Беньямин В.* Бодлер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 224 с.
3. *Зельченко В.В.* Вещи на свободе. Семь очерков о Ходасевиче. СПб.: Изд-во Яромира Хладика, 2024. 136 с.
4. *Марков А.В.* Критическая теория. М.: Рипол-Классик, 2021. 288 с.
5. *Смолярова Т.* Зримая лирика. Державин. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.
6. *Сурат И.З.* Пушкинист Владислав Ходасевич. М.: Лабиринт, 1994. 112 с.
7. *Сухоева Д.А.* Осмысление феномена кинематографа в творчестве В.Ф. Ходасевича периода эмиграции: от 1920-х к 1930-м гг. // Артикульт. 2018. № 3 (31). С. 52—59. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-3-52-59. EDN: YPCOMX.
8. *Ходасевич В.Ф.* Поэтическое хозяйство Пушкина. Л.: Мысль, 1924. 168 с.
9. *Ходасевич В.Ф.* Пушкин и поэты его времени. Т. 1. Oakland, California: Berkeley Slavic specialties, 1999. 488 с.
10. *Хрусталева А.В.* Проблема автобиографичности А.С. Пушкина и принцип элиминирования «внешней» биографии в трудах С.Л. Франка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. № 4. С. 57—61.

References

1. *Aseev N.* Po moryu bumazhnomu // Krasnaya nov'. 1922. № 4. S. 245—247.
2. *Ben'yamin V.* Bodler. M.: Ad Marginem Press, 2023. 224 s.
3. *Zel'chenko V.V.* Veshchi na svobode. Sem' ocherkov o Hodaseviche. SPb.: Izd-vo YAromira Hladika, 2024. 136 s.
4. *Markov A.V.* Kriticheskaya teoriya. M.: Ripol-Klassik, 2021. 288 s.
5. *Smolyarova T.* Zrimaya lirika. Derzhavin. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 608 s.
6. *Surat I.Z.* Pushkinist Vladislav Hodasevich. M.: Labirint, 1994. 112 s.
7. *Suhoeva D.A.* Osmyslenie fenomena kinematografa v tvorchestve V.F. Hodasevicha perioda emigracii: ot 1920-h k 1930-m gg. //

Artikul't. 2018. № 3 (31). S. 52—59. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-3-52-59. EDN: YPCOMX.

8. *Hodasevich V.F.* Poeticheskoe hozyajstvo Pushkina. L.: Mysl', 1924. 168 s.

9. *Hodasevich V.F.* Pushkin i poety ego vremeni. T. 1. Oakland, California: Berkeley Slavic specialties, 1999. 488 s.

10. *Hrustaleva A.V.* Problema avtobiografichnosti A.S. Pushkina i princip eliminirovaniya «vneshnej» biografii v trudah S.L. Franka // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2011. T. 11. № 4. S. 57—61.

А.Н.Ш. МОХАММАД

Эволюция подходов к изучению производительности труда*

Аннотация. В статье рассматриваются междисциплинарные аспекты исследований в области производительности труда в связи с постоянной трансформацией концепций, используемых научным сообществом. Анализируются философские взгляды на производительность, оказавшие определяющее влияние на тренды развития общественных наук, в частности политической экономии. Неравномерность развития социума делает необходимым синтез методологических достижений философских традиций (аналитической и континентальной), что обогащает научное видение и создает поле для всестороннего рассмотрения проблематики производительности в новом ракурсе.

Предпринята попытка обоснования тезиса о том, что гуманистический подход исключает вариант абсолютизации производительности, параллельно ставится вопрос об учете ценностных, культурных и технологических процессов. Сделан вывод о том, что вместо общего универсального показателя должна использоваться сово-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мохаммад А.Н.Ш. Эволюция подходов к изучению производительности труда // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 21—35. DOI: 10.5281/zenodo.15698065.

купность критериев, релевантных конкретной проблематике, с учетом возможностей, присутствующих в рамках трансформирующейся парадигмы.

Ключевые слова: производительность, разделение труда, технологическое развитие, производство, социально-экономическое взаимодействие.

Abstract. The article considers interdisciplinary aspects of research in the field of labor productivity due to the constant transformation of concepts used by the scientific community. It analyzes philosophical views on productivity, which have had a determining influence on the trends in the development of social sciences, in particular, political economy. The uneven development of society makes it necessary to synthesize methodological achievements of philosophical traditions (analytical and continental), which enriches the scientific vision and creates a field for a comprehensive consideration of productivity problems from a new perspective. An attempt is made to substantiate the thesis that the humanistic approach excludes the option of absolutization of productivity; in parallel, the question of taking into account value, cultural and technological processes is raised. It is concluded that instead of a general universal indicator, a set of criteria relevant to a particular issue should be used, taking into account the opportunities present within the transforming paradigm.

Keywords: productivity, division of labor, technological development, production, socio-economic interaction.

УДК 331
ББК 60

В последние десятилетия проблемы, связанные с производительностью, приобрели совершенно новое звучание в связи с быстрыми технологическими преобразованиями и кардинальными переменами в структуре мирового рынка ресурсов. Если раньше акцент делался преимущественно на количественные показатели и механистический рост объемов производства, то современный этап требует комплексного осмысления категории «производительность труда» с позиций философии, этики и социального взаимодействия. Многие экономические и социологические исследования показывают, что производительность все чаще понимается не только как количество

продукции на единицу ресурса, но и как индикатор благополучия общества, состояния окружающей среды и уровня развития личности. Именно поэтому философский взгляд на эволюцию подходов к изучению производительности вызывает растущий интерес у ученых разных специальностей.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в стремительно меняющемся мире привычные критерии оценки эффективности уже не отражают реальную картину общественного воспроизводства. Теперь в фокусе оказываются не только технические и экономические аспекты, но и гуманитарные: влияние цифровых технологий на самореализацию человека, проблемы неравномерного распределения ресурсов и социальная ответственность бизнеса. Недостаток целостного взгляда на эти процессы нередко приводит к противоречивым стратегиям, когда, с одной стороны, декларируется важность человеческого капитала, а с другой — акцент смещается на безудержное повышение темпов производства и безликие показатели.

Теоретические и исторические основы анализа производительности

Вопросы, касающиеся эффективности труда, всегда привлекали внимание исследователей, хотя само это понятие в прежние эпохи не всегда формулировалось в тех же терминах, что и в современности. Еще античные философы стремились найти ответ на вопрос, как достичь наилучшего состояния общества и человека в нем. Например, Платон в диалогах «Государство» и «Законы» затрагивал темы разделения труда и справедливости в обществе, указывая на то, что эффективная организация труда должна способствовать гармонии между гражданами. Положительно оценивалась специализация на пожизненной основе, при этом не учитывались отрицательные последствия такого выбора. В его работах отдается должное важности управленческой деятельности с акцентом на взаимоотношения ее объекта и субъекта. Рассматривая разделение труда в различных аспектах, он фокусирует внимание не на разнице отдельных профессий, а на выполнении управленческих ролей [10].

В свою очередь, Аристотель выделял физический и умственный труд, предполагая их разную оценку с учетом этической и социальной составляющей. Оптимизация структуры социума, по его мне-

нию, должна позволять его участникам максимально эффективно использовать свой потенциал в рамках имеющегося общественного устройства, где высшие классы должны организовать производственную деятельность для низших [15]. В его этико-политических трактатах прослеживается мысль о том, что труд не следует рассматривать только как источник экономической выгоды, ведь без должных моральных оснований он теряет свою ценностную основу.

В эпоху Средних веков концепция труда и производительности вписывалась в христианскую доктрину о добродетельном поведении. Фома Аквинский, развивая аристотелевскую традицию и поддерживая тезис о разделении умственного и физического труда, считал, что эффективность первого не может быть увеличена, тогда как производительность второго может быть улучшена при развитии физических способностей [4]. Рассмотрение производственной сферы осуществлялось в контексте общего блага и гармонии социальной жизни, при этом отмечалась этическая ответственность работника за качество своего труда. Специфика средневекового мышления заключалась в том, что эффективность человеческой деятельности рассматривалась в религиозно-нравственном контексте, а не только в экономическом.

С начала Нового времени, когда закладывались основы современной экономики, вопрос о производительности стал все более тесно переплетаться с проблемами прогресса, роста благосостояния и рационального использования ресурсов. Мыслители эпохи Просвещения, такие как Джон Локк, обращали внимание на роль частной собственности и разделения труда в повышении продуктивности. В его работах уделяется особое внимание той части стоимости товаров, которая возникает «благодаря человеческому усердию». Также подчеркивается, что «труд составляет гораздо большую часть стоимости вещей» по сравнению с землей, которая дает необходимое сырье [7].

Изменения общественно-экономической формации, связанные с формированием капиталистических отношений, привели к новациям в теории производительности, что совпало с периодом формирования политической экономии как науки. Трансформация взглядов на эффективность труда в рамках школы английской классической политэкономии берет свое начало в работах У. Петти. Он считал, что

производительность является важнейшим фактором пропорциональности обмена в соответствии с затратами труда. В результате был сделан вывод о прямой зависимости стоимости товаров и этого показателя. Таким образом, аргументируется производственный источник богатства, основанный на труде, в противовес сфере обращения. Также в его работах уделялось внимание способам повышения продуктивности: возможно как увеличение напряженности труда, так и его облегчение с помощью средств труда [9].

Адам Смит был согласен с предшественником в оценке труда в качестве источника богатства, но детализировал его компоненты, определяющие стоимость товара: был выделен труд, израсходованный на создание товара, и труд, который покупается на этот товар. Важным достижением является разделение производительного и непроизводительного труда. Первый «обменивается на капитал» предпринимателя, а второй «обменивается на доход» нанимателя, т. е. часть прибыли, ренты или заработной платы [13]. Впервые был рассмотрен вопрос увеличения величины годового продукта страны либо за счет увеличения ресурсов (найма новых работников), либо за счет роста производительной силы уже занятых рабочих. Последнее может достигаться посредством внедрения машин, рационального распределения труда и его разделения. Смит, в частности, утверждал, что специализация является важнейшим фактором роста богатства наций, а его идеи впоследствии оказали заметное влияние на дальнейшие дискуссии о том, как и почему общество должно организовывать свои производственные процессы.

Давид Рикардо выявил, что стоимость товаров обратно пропорциональна производительности труда, и предвосхитил разделение Карлом Марксом на живой и овеществленный труд. Было раскрыто содержание как непосредственного труда, так и предварительно затраченного на орудия, инструменты и здания, необходимые для осуществления продуктивной деятельности. Кроме этого, производительность труда, по его мнению, является важнейшим фактором, влияющим на прибыль. Капиталист, ставящий целью увеличение своих доходов, должен обращать внимание на пути ее повышения [11].

Джон Стюарт Милль связывал рост производительности с развитием свободы и возможностей индивида. Соглашаясь с предше-

ственниками в большинстве положений, он расширяет понятие производительного труда, включая в него деятельность по охране собственности и получению квалификации, которая впоследствии позволит увеличить накопления [1].

К достижениям Жана-Батиста Сэя можно отнести создание теории факторов производства, в рамках которой рассматривалось влияние труда, земли и капитала, а соответственно и соотношения их производительности [14].

В XIX в. выдающийся вклад в осмысление производительности внес Карл Маркс. Его трудовая теория стоимости подчеркивала ключевую роль человеческого труда в создании общественных благ. Маркс увидел в производительности не только средство умножения богатства, но и инструмент классового противоречия, что стало одной из центральных проблем для следующих за ним философов и экономистов [8]. Параллельно с марксистской концепцией развивались и альтернативные воззрения, предлагающие иное понимание эффективности.

Историческое наследие показывает, что представления о производительности развивались неравномерно и всегда вплетались в общую канву философского и социально-экономического размышления. В разные эпохи акценты смещались от морально-нравственных аспектов труда к экономико-техническим или политическим, но неизменно сохранялось понимание, что результативная деятельность человека тесно связана с его личной и общественной ответственностью.

Исторические взгляды, описанные выше, заложили мощный фундамент, на котором выросли современные исследования производительности. От античных представлений о «телосе» (т. е. конечной причине) и добродетели к марксистской критике капитализма. Каждая философская традиция приносила свой уникальный элемент в понимание эффективности человеческого труда.

В классической немецкой философии, в частности у Иммануила Канта, при рассмотрении идеи автономии и морального закона ставился вопрос не столько о количестве произведенного, сколько о нравственном качестве деяний [5]. Такой акцент отражает вечное столкновение между материальной пользой и моральными установками, что до сих пор актуально в дискуссиях о социальной ответственности бизнеса.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель, приводя в соответствие философскую и политэкономическую терминологию, с помощью диалектического подхода раскрыл понятия абстрактного и конкретного труда. Он выявил отдельные устойчивые типы связи объективного и субъективного в рамках этой категории, в результате чего были прояснены роли и функции каждой фигуры в трудовом процессе. Выводы Гегеля относительно производительной деятельности созвучны его современникам-политэкономам, кроме этого, им были также описаны причины и источники продуктивного действия.

В более позднее время Макс Вебер предлагал осмыслить производительность через призму рациональности и бюрократических институтов, видя в протестантской этике одну из причин эффективности западных экономических систем [3]. Его исследования о рационализации и «железной клетке» модерна подводят нас к пониманию производительности как закономерного, но одновременно ограничивающего феномена: стремясь к максимизации результата, общество может терять гибкость и гуманистическую составляющую.

Таким образом, классические концепции сегодня переплетаются с новейшими идеями, формируя междисциплинарное поле исследований. Производительность перестает быть сугубо экономической категорией и все явственнее предстает в качестве многомерного феномена, отражающего ценностные, социальные, культурные и технологические процессы современного общества. Именно в этой точке и начинается поиск новых парадигм и подходов, которые все чаще основываются на интеграции философских, экономических и этических перспектив.

Синтез аналитических и континентальных традиций

В философской науке XX столетия условно выделяют две крупные ветви, которые долгое время воспринимались как резко противопоставленные друг другу: аналитическую (прежде всего развивавшуюся в англосаксонских странах) и континентальную (сосредоточенную главным образом во Франции, Германии, а также в некоторых других европейских государствах). Долгое время эти две ветви считались едва ли не несовместимыми. Аналитические философы упрекали континентальную школу в излишней метафоричности, отсутствии четкости и пренебрежении строгими методологическими принципами. Со своей стороны, представители континентальной

мысли находили подход аналитиков чрезмерно сухим, редукционистским и не учитывающим сложную природу реальности, социально-исторический контекст и живой опыт человека.

Когда мы обращаемся к понятию *производительности*, то сталкиваемся именно с той сферой, где синтез аналитической и континентальной традиций может стать особенно плодотворным. С одной стороны, производительность требует точных определений и измерений. Мы говорим о конкретных метриках (объемах выпуска, финансовой прибыли, показателях эффективности труда и капитала), пытаемся выявить математические зависимости и строим экономические модели. Подобный подход близок к аналитической школе, где ценятся логическая строгость и проверяемость утверждений.

Как показывает *континентальная мысль*, любое понятие, включая производительность, вплетено в широкий социально-культурный и исторический контекст. Например, в эпоху Просвещения рациональный подход к труду и акцент на прогрессе формировали идею о том, что производительность — это, в первую очередь, результат нарастающего механического совершенствования и упорядочивания (работы философов Нового времени, а позднее — классиков политэкономии). Впоследствии, в модернистскую эпоху, культура индустриальной революции укрепила веру в прогресс, опирающийся на разделение труда, рост промышленного производства и линейное накопление капитала.

Континентальные философы, такие как Мишель Фуко, начали показывать, что за внешне объективной логикой повышения эффективности может скрываться также усиление контроля и дисциплины [16]. Аналитический же подход, в классическом его виде, предпочитает не вовлекаться в такие проблемные поля, считая их слишком неопределенными или слишком метафизическими.

Следовательно, когда мы пытаемся разобраться, что именно должно пониматься под *производительностью* в современных условиях — а речь может идти не только о выпуске товаров, но и о производстве знаний, смысла, услуг, креативных продуктов — мы видим, что важна ясность терминологии (здесь аналитики могут предложить инструменты логического анализа, операциональных определений, концептуальных разграничений). Но при этом мы нуждаемся и в историко-критическом контексте (который дает континентальная традиция), позволяющем уловить, например, как определенная эпоха

формулирует идеалы результативного или эффективного труда, какие формы отчуждения и власти при этом могут формироваться, как меняются представления о личности, когда ее рассматривают исключительно как трудовой ресурс.

Кроме того, *континентальная философия* напоминает нам о субъективном и экзистенциальном измерениях труда. Например, экзистенциальные и феноменологические исследования (Мартин Хайдеггер, Морис Мерло-Понти, Жан-Поль Сартр) показывают, что человеческая деятельность не сводится к внешним метрикам; она связана с осмыслением бытия [17], самореализацией [12], преодолением отчуждения.

С другой стороны, аналитическая традиция обеспечивает конкретику и необходимую методологическую ясность, без которой континентальное стремление к широкому холистическому взгляду может скатываться в расплывчатые рассуждения. К примеру, когда правительства или корпоративные структуры заявляют о беспрецедентном росте производительности, мы можем попытаться систематически проверить, что стоит за этими словами, какие именно показатели включены в статистику и не скрывается ли за общим приростом ухудшение качества труда или усиление социального неравенства. Методы аналитической философии помогают ввести критерии верификации или хотя бы четкого объяснения терминов, что способствует созданию устойчивой методологической базы для измерения и интерпретации.

Производительность в фокусе постмодернистской мысли

Современная философия, особенно в ее постмодернистском или постструктуралистском направлении (Мишель Фуко, Жак Деррида), указывает на неоднозначность и даже потенциальную опасность абсолютизации производительности. Системы, которые упорно требуют роста эффективности любой ценой, нередко порождают отчуждение, сужая свободу личности в пользу безличных стандартов. С другой стороны, такие подходы, как прагматизм (Джон Дьюи, Ричард Рорти), подчеркивают позитивное влияние инноваций и научно-технического прогресса, связывая их с улучшением социальных условий и расширением познавательных горизонтов.

В этих условиях понятие производительности перестает быть сугубо экономической категорией, сводящейся к увеличению количества выпускаемых товаров или к показателям роста валового внутреннего продукта. При этом методы повышения эффективности были тесно связаны с совершенствованием конвейерной системы, рациональным разделением труда и масштабной механизацией. Впоследствии на первый план выходят более сложные процессы, в которых учитываются не только объемы и темпы производства, но и социальные, культурные и даже экзистенциальные факторы. Постиндустриальная парадигма, вобравшая в себя идеалы информационной эпохи, усложняет подход к пониманию результата и эффективности, а постмодернистская мысль подчеркивает множественность интерпретаций, отказываясь от жесткой веры в единый путь прогресса. В результате производительность начинает рассматриваться как гибридная и подчас парадоксальная категория, требующая глубокого анализа на стыке экономики, философии, социологии и культурологии.

Одновременно в постиндустриальной сфере становятся востребованными гибкие формы занятости: фриланс, удаленная работа, проектная деятельность, коворкинги и т. д. Эти форматы ломают привычные представления о фиксированном рабочем месте и графике. Человек может быть вовлечен в несколько параллельных проектов, а его продуктивность проявляется в умении переключаться, коммуницировать, добывать и структурировать информацию, генерировать идеи. Подобная реальность изначально плохо поддается оценке классическими метриками, поскольку ключевую роль начинают играть качества, которые невозможно адекватно количественно оценить: компетентность, креативность и социальная коммуникация.

В постмодернистском ключе платформенное взаимодействие становится пространством, где определенные *дискурсы и правила* навязывают свои формы нормирования. Алгоритмы ранжирования, рейтинги, отзывы и прочие механизмы автоматически и зачастую незаметно «руководят» поведением пользователей, повышая одних и маргинализируя других. В итоге производительность может возрастать благодаря селекции привилегированных участников платформы, в то время как неудачники или те, чьи навыки не вписываются в алгоритмические критерии, теряют возможность вообще оставаться в игре.

На этом фоне становится особенно актуальной *постмодернистская критика* крупных идеологий и универсальных концепций прогресса. Мыслители постмодерна (например, Жан-Франсуа Лиотар) утверждают, что повествования о линейном росте и равномерном прогрессе фактически являются культурными мифами, скрывающими за собой власти и доминирование тех или иных институциональных сил [6]. В контексте производительности такие сомнения приобретают дополнительный вес: многие авторы подчеркивают, что каждый очередной виток повышения эффективности в рамках определенной социально-экономической модели может вести к усилению дисциплинарных механизмов контроля, отчуждению работника и навязыванию жестких норм поведения.

Наряду с этим в постмодернистской парадигме все более значимым становится производство *символических ценностей*. Как отмечал Жан Бодрийяр, современное общество — это общество потребления знаков и образов, а не только физических благ [2]. В таких условиях многие компании фактически производят «симулякры», т. е. образы, которые не имеют прямого материального аналога. Бренды, виртуальные активы, контент в социальных сетях — все это создает специфический пласт экономической деятельности, где продукт может быть бесконечно воспроизводимым, а его реальная ценность определяется, скорее, культурными и социальными факторами, чем затратами труда на его создание. Соответственно, говорить о производительности в таком контексте крайне сложно. Встает вопрос, как посчитать эффективность создания виртуального образа, если он может одновременно продаваться бесчисленному числу пользователей.

В результате мы видим, что в постиндустриальном обществе, рассматриваемом через призму постмодернистской философии, *вместо одного универсального критерия производительности* возникает множество различных. Каждый из них может быть релевантен в конкретном контексте, но он не обязательно должен совпадать с остальными. Экономические показатели (рост прибыли, оборот платформы, количество патентов) вступают в противоречие с экологическими (выбросы парниковых газов, загрязнение окружающей среды), социальными (равномерность распределения доходов, безопасность рабочих мест), культурными (интеграция местных традиций, сохра-

нение языков и идентичностей), психологическими (мотивация, удовлетворенность трудом, стресс), а порой и философскими (смысл, свобода, самореализация). Постмодернизм настаивает, что все эти критерии не могут быть сведены к какому-то единому знаменателю без потерь, поскольку они рождаются в разных дискурсах, имеют разные ценностные предпосылки и служат различным группам интересов.

Кроме того, меняется представление о том, *какие цели* преследует повышение эффективности. Если в индустриальную эпоху главным было увеличить производство товаров и стимулировать экономический рост, то в современных условиях может оказаться, что гипертрофированная гонка за ростом в одном измерении (например, в технологическом секторе) ведет к разрушительным последствиям в других сферах (социальное расслоение, массовая безработица, перенапряжение работников). Постмодернистская критика напоминает, что вера в линейный прогресс по единому показателю может оказаться упрощенной: нам необходима система из множества показателей, и то, какую именно систему мы выбираем, отражает определенные ценности и интересы.

В конечном итоге, *постиндустриальная и постмодернистская перспективы* вынуждают нас задуматься о том, в какой мере производительность должна зависеть от контекста и какими критериями мы располагаем для ее оценки. Сегодня становится очевидным, что нельзя ограничиваться только экономической рациональностью: к ней нужно добавлять социальные, экологические, культурные и моральные аспекты. В этом смысле постмодернистский отказ от «больших нарративов» — это призыв к многостороннему диалогу, в котором каждая заинтересованная сторона (от государства и бизнеса до местных сообществ и самих работников) может вносить свою точку зрения на то, что считать эффективным и почему.

Размышления о производительности в категориях современной философии показывают, насколько сложно и многомерно это понятие. Если в классических трудах производительность чаще понималась как рост объемов выпускаемых благ на единицу ресурса, то со временем данная категория обрела куда более широкое звучание. Сегодня под эффективностью мы нередко имеем в виду не только экономические или технологические результаты, но и социальную,

экологическую, культурную и даже морально-этическую составляющие. Таким образом, производительность становится своего рода зеркалом, отражающим общие ценностные ориентации и духовные приоритеты общества.

В исторической перспективе трактовка производительности неоднократно менялась. От средневековых представлений о «праведном труде во имя общего блага» до марксистского анализа классовых противоречий — на каждой стадии мыслители пытались найти баланс между эффективностью и человечностью. Современные философские течения, в особенности постмодернистские, поставили под вопрос универсальность представлений о производительности, указывая на то, что ее критерии часто зависят от культурных практик, дискурсивных норм и институциональных установок.

Междисциплинарный поворот расширил рамки анализа: социологи, культурологи и экономисты объединили усилия, чтобы понять, как под влиянием технологических и социальных факторов меняется картина труда. Важную роль сыграла философия технологий, стремящаяся осмыслить перспективы и риски автоматизации, цифровизации и искусственного интеллекта. На этом фоне производительность уже не сводится к простому росту количественных показателей — гораздо существеннее оказывается ценностное измерение, включающее заботу о человеческом капитале, социальную ответственность и экологическую устойчивость.

В целом эволюция подходов к изучению производительности свидетельствует о том, что данное понятие не может развиваться исключительно в рамках одной дисциплины и одной парадигмы. Философский взгляд, дополняемый методами социальных наук и осмыслением технологических тенденций, помогает увидеть в производительности не бездушный инструмент роста, а потенциал для укрепления общественной солидарности, личностного развития и экологической гармонии. В перспективе дальнейших исследований можно ожидать еще более тесного взаимодействия философии, экономики, социологии, культурологии и естественных наук — именно такой синтез, вероятно, даст наиболее полное представление о производительности как сложном и многогранном феномене современной действительности.

Литература

1. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
2. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: АСТ, 2023.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021.
4. *Долженко Р.А., Малышев Д.С.* Развитие подходов к производительности труда и ее оценке // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 12. С. 1577—1590.
5. *Кант И.* Критика практического разума. М.: Эксмо, 2023.
6. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
7. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М.; Челябинск: Социум, 2014.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960.
9. *Петти У.* Экономические и статистические работы. М.: Директ-Медиа, 2007.
10. *Платон.* Государство. Законы. Политика. М.: Мысль, 1998.
11. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2016.
12. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2015.
13. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2016.
14. *Сэй Ж.-Б.* Трактат политической экономии. М.: Дело, 2000.
15. *Туйцын Ю.В.* Социальные функции труда в философии Аристотеля // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Философские науки. 2017. № 2 (22). С. 73—81.
16. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2015.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ад Маргинем, 1997.

Referenses

1. *Blaug M.* Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive. M.: Delo, 1994.
2. *Bodriyyar ZH.* Obshchestvo potrebleniya. M.: AST, 2023.

3. *Veber M.* Protestantskaya etika i duh kapitalizma. M.: AST, 2021.
4. *Dolzhenko R.A., Malyshev D.S.* Razvitie podhodov k proizvoditel'nosti truda i ee ocenke // *Ekonomika truda*. 2021. T. 8. № 12. S. 1577—1590.
5. *Kant I.* Kritika prakticheskogo razuma. M.: Eksmo, 2023.
6. *Liotar ZH.-F.* Sostoyanie postmoderna. M.: Institut eksperimental'noj sociologii; Spb.: Aletejya, 1998.
7. *Lokk Dzh.* Dva traktata o pravlenii. M.; CHelyabinsk.: Socium, 2014.
8. *Marks K., Engel's F.* *Coch.* T. 23. 2-e izd. M.: Gospolitizdat, 1960.
9. *Petti U.* Ekonomicheskie i statisticheskie raboty. M.: Direkt-Media, 2007.
10. *Platon.* Gosudarstvo. Zakony. Politika. M.: Mysl', 1998.
11. *Rikardo D.* Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya. M.: Eksmo, 2016.
12. *Sartr ZH.-P.* Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii. M.: AST, 2015.
13. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Eksmo, 2016.
14. *Sej ZH.-B.* Traktat politicheskoy ekonomii. M.: Delo, 2000.
15. *Tujcyn YU.V.* Social'nye funkcii truda v filosofii Aristotelya // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filosofskie nauki*. 2017. № 2 (22). S. 73—81.
16. *Fuko M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M.: Ad Marginem, 2015.
17. *Hajdegger M.* Bytie i vremya. M.: Ad Marginem, 1997.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

С.Г. КАПКАНЩИКОВ

**Формирование в постсоветской России благоприятной среды
для санкционных ограничений***

Аннотация. В статье отстаивается тезис о том, что утраты отечественной экономики от антироссийских санкций объясняются не столько успехами ограничительной деятельности государств западной коалиции, сколько внутренними просчетами в регулирующей деятельности правительства и Банка России. Эти многочисленные стратегические дефекты экономической политики подвергаются в работе более или менее обстоятельному рассмотрению с особым акцентом на сознательное формирование экспортно-сырьевой модели экономического роста и связанной с нею избыточной импортозависимости множества производств. Преодоление санкционного спада в современной России связывается в тексте вовсе не с примирением с Западом в обмен на те или иные политические уступки с нашей стороны, а, прежде всего, с резким улучшением качества проводимой бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, направленной на нейтрализацию не только внутренних провалов рынка, но и многообразных вызовов и угроз, поступающих извне.

Ключевые слова: антироссийские санкции, санкционный кризис, «голландская болезнь», экспортно-сырьевая модель, избыточная импортоспособность, деиндустриализация.

УДК 339.9
ББК 65.01я73

В 2022 г. под негативным воздействием второй волны санкций коллективного Запада, которая оказалась гораздо более мощной, чем первая волна периода «крымской весны», российская экономика вступила в состояние затяжного санкционного кризиса, который еще довольно долго будет так или иначе отражаться в динамике многих

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Капканщikov С.Г. Формирование в постсоветской России благоприятной среды для санкционных ограничений // *Философия хозяйства*. 2025. № 4. С. 39—56. DOI: 10.5281/zenodo.15698084.

макропоказателей ее текущего состояния. Создавая по линии обратной связи, через некий эффект бумеранга немалые проблемы и для своих инициаторов [10, 52—73], ввергая их экономику в российскую ловушку большой страны [13, 96—111], многообразные рестрикции, преследуя политические цели, одновременно наносят немалый прямой ущерб российской хозяйственной системе. Однако, по нашему убеждению, разрушительное влияние извне на отечественную экономику носит все же не первичный, а заведомо вторичный характер, поскольку в постсоветский период в ней сформировалась чрезвычайно благоприятная среда для довольно высокой результативности настойчиво вводимых санкционных ограничений. Как резонно замечает С.В. Казанцев, «ресурсы развития страны ограничивает не только санкционный прессинг. Свою роль в этом отношении играют и действия собственного государства» [9, 38]. Так что сам размер утрат обусловлен крупными стратегическими просчетами в государственной экономической политике в предсанкционный период, чрезвычайно противоречивыми действиями правительства и Банка России, которые, будучи тщательно проанализированными зарубежными санкционерами, во многом предопределили немалый экономический успех введенных внешних ограничений, обусловив вхождение национальной экономики в состояние адаптационного спада.

Действительно, трудно не замечать, что именно неутешительные досанкционные параметры отечественной экономики во многом задали разрушительную результативность вводимых рестриктивных мер. Понятно, что как и прежде в экономике СССР, так и в нынешней российской экономике заокеанские власти стремятся обнаружить слабо защищенные и чувствительные к санкционному давлению сферы хозяйственной деятельности. Накануне непосредственного развязывания гибридной войны и запуска совокупности ее скоординированных атак через свои щедро финансируемые исследовательские центры (например, «Рабочую группу по санкциям против России» при Стэнфордском университете, которая наряду с другими группами пишет сценарий предстоящих рестрикций, или коллектив во главе с Г. Хафбауэром из американского Института мировой экономики Петерсона, занимающийся экономическим анализом вводимых санкционных ограничений) они детально просканировали Рос-

сию на предмет выявления крупных нестыковок и пробелов в механизме обеспечения национальной экономической безопасности. Имея к тому времени богатый опыт санкционной войны против Ирана и ряда других атакуемых стран, объединенный Запад уже неплохо научился довольно точно выявлять конкретные направления своей экономической блокады. Из многообразных санкционных инструментов инициаторами их использования по понятным причинам всегда выбираются те, которые способны нанести наиболее ощутимый удар по заранее выявленным самым слабым звеньям производственной структуры стран — объектов репрессий. «Санкции тем результативнее, чем сильнее они воздействуют на “болевые точки”» [7, 66]. Обычно они ориентированы не столько на глубокий, сколько на продолжительный спад ВВП или хотя бы на длительное крупное недопроизводство национального продукта по сравнению с его потенциально возможным уровнем. Главный акцент делается на так называемые «узкие горлышки» подвергаемой рестрикциям национальной экономики — те ее звенья, которые невыгодно отличает накопленное за многие годы структурное, инвестиционное, технологическое отставание.

Одним из таких наиболее уязвимых мест является крайне сильная зависимость российской экономики от доходов, получаемых при добыче и экспорте углеводородов. В досанкционный период наблюдалось неуклонное повышение доли нефтегазового сектора в структуре ВВП, которая в 2021 г. составляла 17,4%, а уже в первом квартале 2022 г. достигла отметки в 21,7% [15, 91], убедительно свидетельствуя о непреодоленных механизмах многолетнего разветывания здесь «голландской болезни». Поэтому резкое уменьшение поступающих в нашу страну нефтегазодолларов, достигаемое как через административное ограничение неким потолком цен на российские энергоносители, так и посредством сокращения физического объема экспортных поставок вплоть до введения полного эмбарго, рассматривалось в качестве важнейшей карающей меры. При этом санкционеры хорошо понимали, что отечественный топливно-энергетический комплекс десятилетиями был четко ориентирован именно на европейское направление поставок энергоносителей, блокировка которого могла оказаться наиболее болезненной и в технологическом, и

в финансовом отношении, не говоря уже о слабости логистики. Получается, что именно многолетние нежелание и неумение российских властей ускоренными темпами развивать инновационный сырьевой сегмент отечественной экономики ставят развитие последней в жесткую зависимость от мировой конъюнктуры и вводимых технологических санкций, а также не позволяют адекватно ответить западным странам на вводимые ими торговые и иные ограничения.

«Наличие экономических санкций, — полагает А. Портанский, — следует считать вторым по значимости фактором, сдерживающим российскую экономику. Первый, определяющий, заключается, по большому счету, в исчерпанности нынешней экономической модели, базирующейся на эксплуатации природных ресурсов, нефти и газа» [16, 102]. Думается, однако, что разделять два этих фактора можно лишь со значительной долей условности, поскольку именно факт исчерпания экспортно-сырьевой модели экономического роста явился ведущим экономическим основанием для интенсификации антироссийских санкций. Антироссийские санкции серьезно ограничивают возможности перехода роста отечественной экономики с сырьевой на инновационную модель, поскольку становление последней серьезно затрудняется чрезвычайной сложностью выпуска наукоемкой высокотехнологичной продукции без развернутого участия страны в многоступенчатых глобальных цепочках создания добавленной стоимости. Проблема радикальной диверсификации возникла в российской экономике еще несколько десятилетий тому назад. Но варианты ее разрешения приходится изыскивать сегодня с большим опозданием в обстановке сократившихся финансовых возможностей государства и нередко в откровенно враждебной внешней среде. Понятно, что подобной опасности лишена современная экономика КНР, которая, в силу своей величины и диверсифицированности (а также обилия крупных торговых партнеров по всему миру, вовсе не желающих оказаться в антикитайской коалиции), объективно не может оказаться подверженной санкционному давлению, сопоставимому с нынешним российским.

Значимыми «болевыми точками» выступают также довольно невысокая степень промышленно-технологической самодостаточности России и, наоборот, избыточная импортоспособность множества отечественных производств. Преступная уверенность Е. Гайдара

(а затем и других сменяющих друг друга неолиберальных реформаторов) в том, что Россия всегда сможет приобретать на нефтегазодоллары необходимое оборудование за рубежом, на основании которой он решительно отказывался в должной мере субсидировать, например, отечественное машиностроение, очень дорого обходится отечественной экономике, ранее сталкивающейся с крайне неблагоприятной комбинацией физического и морального износа основных фондов и удорожанием импортной техники, а сегодня и с отказом от поставок целого ряда видов оборудования в рамках технологических рестрикций Запада. В этих условиях подлинное «убийство», например, отечественного гражданского авиастроения под разрушительным воздействием эффекта Гронингена предопределило тяжелый удар западных санкций по российскому авиатранспортному сектору в 2022 г. Антироссийские санкции отчетливо высветили долгие годы тщательно скрываемый российскими властями (в том числе посредством нежелания признавать наличие у нас «голландской болезни») факт архаичности структуры воспроизводств. В сложившейся ситуации она не может не препятствовать модернизации отечественной экономики, далеко не всегда способной самостоятельно генерировать новые технологии в рамках запоздавшего курса на импортозамещение. Можно с уверенностью утверждать, что если бы в предсанкционный период в России не была сознательно сформирована далеко не безупречная экспортно-сырьевая модель экономического роста, то хозяйственный ущерб от западных рестрикций оказался бы куда меньшим. Однако в результате серьезного упрощения отраслевой структуры российской промышленности в постсоветский период она оказалась чрезвычайно удобным объектом санкционного давления, поскольку, во-первых, ее заведомо разросшийся добывающий сектор был четко ориентированным на экспорт, получая из-за рубежа основные финансовые источники не только для собственного развития, но и для государственного бюджета, суверенных фондов и золотовалютных резервов страны. А, во-вторых, столь же отчетливо нацеленный на внутренний рынок сектор обрабатывающих производств находился в критической зависимости от своевременных поставок иностранных технологий и инвестиционных благ. В подобных условиях отключение национальной экономики от западных рынков сбыта сырья и материалов, а также прекращение ставших вполне

привычными поставок машин, оборудования и транспортных средств по определению должны были ввести ее в шоковое состояние «новой реальности».

В этой связи следует расценивать тяжесть нынешнего санкционного спада, бесспорно признавая весомость всех других выше обозначенных его факторов, более всего с затянувшимся крайним невниманием российских властей к «голландскому синдрому», который как проявление деиндустриализации отечественной экономики, с одной стороны, проявился в преимущественно сырьевой структуре экспорта, а с другой — спровоцировал избыточную импортозависимость, уровень которой оказался непозволительно высоким с позиции достигнутой страной ступени развития и интенсивности нынешних антироссийских санкций. Если же сравнивать негативные социально-экономические последствия экспортного и импортного эмбарго, то, безусловно, у последнего они окажутся намного более существенными. Действительно, если утраты западных рынков сбыта отечественной продукции вполне могут оказаться временными, да и наблюдающаяся сегодня географическая диверсификация товарных потоков способна стать некоей панацеей от спада ВВП, то резкое, чуть ли не наполовину, сокращение зарубежных поставок, причем со стороны далеко не только недружественных, но и нейтральных стран (чьи компании не желают подпадать под вторичные санкции), хотя и содействовало нейтрализации угрозы постсанкционного обвала курса рубля, не могло не привести к долговременному каскадному разрыву множества цепочек создания добавленной стоимости на территории нашей страны. Именно превышение объемом досанкционного импорта предельно допустимого порогового значения стало, на наш взгляд, той угрозой экономической безопасности, которая повисла сегодня над нашим Отечеством и без оперативной нейтрализации которой трудно всерьез рассчитывать на победу в развязанной Западом санкционной войне. Тем более что все новые и новые пакеты санкций вполне предсказуемо усиливают причины и симптомы такой «русской болезни» [11, 41—63], поскольку их результативность нарастает по мере технологического усложнения производимых в России товаров из-за выпадения каких-либо важнейших компонентов, ранее поставлявшихся по импорту, вследствие чего в структуре ВВП удельный вес несырьевой продукции может и впредь

неумолимо сокращаться. Во всяком случае и по сей день добывающий сектор вкупе с отраслями, обеспечивающими первичный передел (относящимися, прежде всего, к химико-металлургическому комплексу), продолжают вносить решающий вклад в поступление конвертируемой валюты и укрепление доходной базы российского государственного бюджета.

Известно, что в странах, где была сформирована инновационная модель экспортно-индустриального, а не экспортно-сырьевого типа, переориентация топливно-сырьевых ресурсов с внешнего рынка на внутренний (даже если она оказалась вынужденной) рассматривается в целом вовсе не в качестве некоей трагедии, мощного кризогенного фактора, а, напротив, в виде значимой предпосылки устойчивого наращивания объема выпуска конечной продукции как для отечественных, так и для зарубежных потребителей. Как отмечают А.И. Булатова и Н.Р. Абелгузин, «экономические санкции могут быть эффективными только в случае, если страна существенно зависит от импорта запрещенных товаров и не в состоянии производить их аналоги» [1, 27]. Однако именно подобная импортозависимость сложилась в нашей стране из-за острого дефицита множества инвестиционных благ, чей выпуск фактически был прекращен в ней в период либеральных структурных реформ. Так что, не сумев противостоять существенной деиндустриализации отечественной экономики, российские власти сделали ее намного более подверженной западным санкциям, которые, в свою очередь, призваны превращать дальнейшее разрушение инновационного сектора нашей страны в устойчивую тенденцию. Многие из нынешних контрсанкционных структурных инструментов следовало бы задействовать, как минимум, два десятилетия тому назад, когда возможности возрождения отечественных высокотехнологичных производств были несравненно более благоприятными, нежели сегодня. А коль скоро этого не случилось, то стратегические дефекты общенациональной структурной политики предопределили непозволительно высокий коэффициент износа основных фондов в целом ряде крайне значимых для высококачественного роста секторах национального хозяйства.

В подготовленном в 2019 г. RAND Corporation для Министерства обороны США, его аналитических и разведывательных структур

докладе с характерным названием «Как перенапрячь Россию: конкуренция с выгодных позиций» отмечены наиболее уязвимые звенья современной российской экономики [8, 28], в числе которых, наряду с ее ресурсно-сырьевой зависимостью, зафиксировано и направление ограниченных ресурсов на неверно выбранные цели и объекты, а также их нецелевое и несвоевременное использование. И, действительно, к числу подобных, крайне несвоевременных действий российских финансовых властей нельзя не отнести реализацию ими с самого начала XXI в., когда восстановительный рост в нашей стране после масштабного трансформационного спада еще только набирал обороты, концепции опережающего погашения внешнего долга, которая не только серьезнейшим образом ограничила направление бюджетных средств в виде мощно поступающих извне в федеральную казну нефтегазодолларов на цели остро назревшей модернизации отечественной экономики, но и повлекла за собой явно неэквивалентный размен несколько сократившейся тогда внешней задолженности государства на резко возросшую корпоративную задолженность нерезидентам. Между тем в условиях стабильно положительного торгового баланса, когда экспорт традиционно оказывался намного больше импорта, все экономические субъекты нашей страны в принципе способны были обходиться без внешних займов. К числу крайне значимых уязвимостей российской экономики RAND Corporation, которая в качестве некоей «фабрики мысли» исполняет функции главного, чрезвычайно засекреченного частного стратегического аналитического бюро для американского правительства, а также Всемирного банка, Фондов Рокфеллера и Сороса, вполне аргументированно отнесла масштабную утечку человеческого и финансового капитала, накопленное технологическое отставание, крайне затратную погоню за достижением и удержанием статуса великой державы, отчетливо избыточное имущественное неравенство населения, а также неэффективное управление на разных уровнях жизнедеятельности общества.

Думается, однако, что помимо этих стратегических дефектов тяжесть антироссийских санкций для отечественной экономики была предопределена также следующим: низкими среднегодовыми темпами экономического роста в 1990—2021 гг. с регулярными кризис-

ными сокращениями ВВП в результате неадекватной государственной политики экономического роста; стремлением либеральных властей перейти к рыночной экономике через сценарий «шоковой терапии» в условиях, когда российской специфике значительно более соответствовал градуалистский сценарий рыночной трансформации; отчетливой ориентацией во внешнеторговой деятельности с ближнего на дальнее зарубежье с утратой рынков сбыта конечной продукции и превращением российской экономики в значительной степени в сырьевой придаток Запада; либерализацией цен на топливо и сырье в условиях сохраняющейся монополизации национальной экономики и деградацией значительной доли обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства в результате несбалансированной инфляции; форсированной приватизацией государственной собственности, рассматриваемой в качестве самоцели, способа как можно скорее пройти «точку невозврата» и, как результат, становлением олигархически-бюрократической модели; ограничительной бюджетно-налоговой политикой государства, состоящей, прежде всего, в стремлении фискальных властей повышать налоги и сокращать государственные расходы даже в фазах спада, а также в желании переложить налоговую нагрузку с ренты на прибыль и заработную плату; рестриктивной денежно-кредитной политикой Банка России, состоящей в необоснованном сокращении денежной массы, находящейся в обращении, занижении коэффициента монетизации и регулярном искусственном завышении обменного курса рубля; развалом военно-промышленного комплекса в 1990-е гг. в результате неразумной конверсии, заставившей в дальнейшем тратить огромные производственные ресурсы на его оперативное возрождение; слабостью протекционистской защиты отечественных производителей как результатом избыточного открытия национальной экономики внешнему миру, особенно после вступления в ВТО; доминированием категориального принципа реализации государственной социальной политики в ущерб принципу нуждаемости и, как результат, воспроизводством высокого уровня бедности россиян; преобладанием дискреционной экономической политики над автоматической и, как результат, высоким уровнем коррупции в государственном регулировании экономики; расширением теневой экономики и ее криминали-

зацией; чрезмерными перекосами в уровне социально-экономического развития субъектов Федерации в результате несовершенства общенациональной региональной политики; отношением фискальных властей к циклическому бюджетному дефициту как к структурному, приводящему к хронической бюджетной несбалансированности; заменой прогрессивной шкалы подоходного налогообложения плоской шкалой и, как результат, усилением подоходной дифференциации населения, подрывом встроенной стабильности российской экономики; налоговым стимулированием сбережений россиян в рамках эффекта Лаффера в условиях действия парадокса бережливости; нерезультативной антиинфляционной политикой государства, состоящей в неустанной борьбе с инфляцией спроса в условиях доминирования инфляции предложения и выражающейся, прежде всего, в стремлении властей снижать инфляцию через понижение реальных доходов большей части населения, подрывающее потребительский спрос; стремлением Минфина к искусственному формированию бюджетного профицита в условиях неполной занятости, приводящем к недофинансированию национальной экономики и социальной сферы; безудержным накоплением суверенных фондов задолго до вступления национальной экономики в фазу подъема в рамках «экономики заначки», действия антипроизводственного и антисоциального бюджетного правила; неиспользованием значительной части валютной выручки на цели модернизации отечественной экономики; превышением оптимального уровня международных резервов с хранением значительной их части в западных странах с последующим постсанкционными замораживанием и конфискацией; легкомысленным поддержанием заниженной нормы накопления, результатом чего стал перманентный инвестиционный кризис и непозволительно высокий коэффициент износа основных производственных фондов; несформированностью механизма трансформации сбережений в инвестиции, в частности, из-за допущенного властями масштабного чистого оттока российского капитала за рубеж; попаданием российской экономики в ловушку среднего дохода в результате торможения ее инновационного развития; резким сокращением занятости в сфере материального производства, особенно в промышленности и сельском хозяйстве, и перераспределением рабочей силы в

низкопроизводительный сервисный сектор, структура которого далека от критериев постиндустриального общества; перекошенной структурой национального дохода в результате занижения в нем доли заработной платы и завышения доли прибыли при несовершенстве механизма рентного налогообложения недропользователей; наращиванием экспорта топлива и сырья в качестве самоцели в ущерб их направлению на внутренний рынок и переработке на собственной территории; доминированием валютного канала денежной эмиссии в рамках «валютного правления» с подрывом суверенитета Банка России; реализацией разрушительного налогового маневра, состоящего в сокращении экспортных пошлин на вывозимое сырье и компенсации неизбежных в этом случае потерь государственного бюджета за счет повышения налога на добычу полезных ископаемых, перекладываемого на производителей конечной продукции.

Безусловно, все отмеченные изъяны экономической политики тесно переплетаются между собой. Так, если бы Банк России после драматических событий 2014 г., когда зарубежные финансовые рынки оказались закрытыми для целого ряда крупных российских заемщиков, утративших возможность получения у нерезидентов дешевых долгосрочных займов, не самоустранился от разрешения возникшей проблемы и предоставил им альтернативные внутренние источники кредитования через систему отечественных банков, санкционное давление Запада оказалось бы куда менее разрушительным. В сочетании с явно преждевременным переходом к плавающему курсу рубля в рамках режима таргетирования инфляции, а также с рестриктивным взвинчиванием ключевой ставки данные действия монетарных властей выглядели попросту губительными для отечественной экономики, а потому российский ответ в виде торговой войны на войну финансовую не оказался бы вызывающе несимметричным. Действительно, имея с США крайне незначительный товарооборот (который еще более сокращается из-за повышения ввозных пошлин на ввозимые в эту страну сталь и алюминий), Россия и сегодня оказывается не в состоянии адекватно ответить на куда более мощные финансовые и технологические ограничения Запада. Неслучайно С. Глазьев и В. Архипова утверждали о «совокупном воздействии западных санкций и политики Банка России, которые дополнили друг друга, создав синергетический эффект» [3, 7]. При этом, по расчетам

авторов, если ущерб от санкций составил в постоянных ценах 2013 г. всего 642—696 млрд р., то негативный суммарный эффект от валютной и процентной политики Банка России (от недопроизводства продукции вследствие сжатия оборотного капитала, падения инвестиций и увеличения числа обанкротившихся предприятий в условиях повышения процентных ставок сверх уровня рентабельности большинства отраслей, вывоза капитала вследствие дестабилизации рубля, потерь бизнеса, бюджета и населения из-за отзыва банковских лицензий и др.) достигает 18,6—25,7 трлн р. [3, 24]. Думается, реализацию отчетливо негативного сценария можно было бы избежать не «если бы мы сделали худший выбор, нервно, популистски отреагировав на обрушившиеся на нас трудности (зафиксировали валютный курс, увеличили бюджетные расходы, ввели госрегулирование цен и т. п.)» [14, 8], а как раз в случае реализации всех этих «популистских» инструментов экономической политики. Если бы российские власти своевременно откликнулись на настойчивые рекомендации отечественной экономической науки относительно сокращения вдвое международных резервов нашей страны (что вполне соответствовало бы пороговому значению экономической безопасности) с безусловным направлением до половины их объема на цели обеспечения ее устойчивого развития на возвратной и безвозвратной основе, то Россия подошла бы к грозному 2022 г. и с заметно меньшими рисками ареста золотовалютных резервов, и с куда более мощным физическим и человеческим капиталом. Впрочем, еще Цицерон сетовал: «Сколь малая мудрость правит миром».

Не секрет, что успешное противодействие внешнему санкционному давлению на советскую экономику в немалой степени достигалось властями СССР за счет недопущения здесь избыточного доходного и поимущественного расслоения населения. Нынешняя же чрезмерная дифференциация россиян по уровню текущих доходов и накопленных активов закономерно снижает потенциал их сопротивления внешнему противнику. Исследования Дж. Гэлбрейта, посвященные проблемам военно-экономической безопасности с 1715 г. до наших дней, показали, что в 81% войн победили те страны, доходы населения в которых были распределены более равномерно, чем в странах побежденных. В немалой степени именно в неожиданном для наступающих немцев упорном сопротивлении советских

войск и их последующем наступлении вплоть до Берлина, обозначившихся в обстановке справедливого распределения доходов, кроется причина разгромного поражения фашистской Германии во Второй мировой войне, в то время как избыточное подоходное расслоение французов помогло Гитлеру захватить эту крупную страну всего за шесть недель. И, действительно, невысокая степень имущественной дифференциации серьезно укрепляет боевой дух солдат. В условиях обострения гибридного конфликта Запада и России и продолжающейся спецоперации на Украине данное обстоятельство нельзя не учитывать российским властям при формировании и реализации перераспределительной политики, которая бы еще более укрепляла мобилизационный дух россиян [12].

Эффективность механизма государственного регулирования экономики, к достижению которой обычно стремится всякая власть, может быть оценена именно по ее способности противостоять внешним выгодам и угрозам. В этом плане китайский механизм противодействия им выглядит сегодня заметно более целостным, чем соответствующий российский, например, если его оценивать по критериям степени волатильности курса национальной валюты, результативности импортозамещения, динамики ВВП под влиянием торговых войн, противостояния пандемии коронавируса, развертывания процессов роботизации и т. п. При этом степень внутренней уязвимости отечественной экономики к внешним шокам не оставалась неизменной, она неуклонно нарастала в течение всех последних десятилетий, особенно после Великой рецессии 2008—2009 гг. Это еще раз подтверждает, что тяжесть внешних рестрикций предопределяется, прежде всего, остротой внутрироссийских экономических проблем. Если краткосрочные антипроизводственные последствия санкций определяются совокупностью преимущественно внешних факторов, то их долгосрочный эффект в решающей мере зависит от результативности внутренней политики государства, призванной в максимально возможной степени компенсировать введенные санкционные ограничения. «На самом деле вклад антироссийских экономических санкций в ухудшение условий воспроизводства российской экономики, — отмечает С.Ю. Глазьев, — не превышает 25%» [2, 21]. Действительно, негативные социально-экономические процессы в российской экономике сформировались задолго до событий

на киевском майдане и развертывания СВО, при довольно высоких нефтяных ценах, стабильном курсе рубля и вполне доступных заимствованиях за рубежом. Вовсе не некие внешнеэкономические факторы лежат в основе стагнационных процессов последних лет. В очередной раз подтверждается правота крылатого высказывания генералиссимуса А.В. Суворова о том, что «для Отчизны наибольшая опасность не во внешнем враге таится, а в собственных ее идиотах».

Именно нежелание ведущих представителей олигархически-бюрократической модели ускоренными темпами развивать инновационный сырьевой сегмент отечественной экономики ставит ее развитие в жесткую зависимость от мировой конъюнктуры и применяемых антироссийских технологических санкций, а также не позволяет властям нашей страны адекватно ответить западным странам на вводимые ими торговые ограничения. Как отмечает С. Губанов, «сила санкций прямо пропорциональна степени деиндустриализации и отсталости репрессируемых стран» [4, 37]. Поскольку экономика США является существенно более масштабной и диверсифицированной, постольку вводимые контрсанкции, отмечает Ю. Зайцев, оказываются гораздо более чувствительными для россиян, чем для американцев [6, 33]. Потенциальный отказ России от направления своей топливно-сырьевой продукции на рынки стран «Дальнего зарубежья», способен, конечно, спровоцировать там некий краткосрочный негативный эффект. Однако выпадение из производственной цепочки одного какого-либо звена (например, поставок титана зарубежным авиастроителям) и, как результат, временное повышение издержек производства, скорее всего, будут рано или поздно компенсированы альтернативными поставками из других ресурсоизбыточных государств, что обернется для России всего лишь сжатием спроса на ее продукцию со стороны остального мира с соответствующими кризисными последствиями для отечественной экономики.

Последовательно отстаивая суверенную позицию, диаметрально отличную от компрадорской, С.С. Губанов утверждает, что «кризис обусловлен не санкциями, не внешнеторговой конъюнктурой, а экспортно-сырьевой моделью работы на иностранный капитал» [5, 26]. Получается, что главную работу по прогрессирующему отставанию отечественной экономики от своих стратегических конкурентов российские власти, усугубляющие последствия внешних

санкций, проделали самостоятельно. И их неолиберальным представителям крайне удобно по сложившейся традиции списывать на комплекс внешних кризогенных факторов с акцентом на западные санкции собственные огрехи в реализации бюджетно-налоговой и денежно-кредитной (а также антимонопольной, социальной, региональной, антициклической, внешнеэкономической и др.) политики, обеспечивающей всестороннюю диверсификацию отечественной экономики. При этом преодоление санкционного кризиса видится ими на путях раннего или позднего примирения с западными агрессорами за счет радикального ущемления российских политико-экономических национальных интересов и фактического поражения в гибридном противостоянии с ними.

Между тем в трактовке государственников санкционный спад обусловлен действием, прежде всего, не внешних, а внутренних причин, и его скорейшее преодоление вовсе не означает выпрашивания у Запада какого-либо ослабления санкционного режима на неприемлемых условиях. В первую очередь, требуется резкое повышение качества общенациональной социально-экономической политики государства на путях тщательного устранения не только многообразных внутренних проявлений фиаско рынка, но и нарастающих опасностей, приходящих извне. Именно устранение многочисленных изъянов государственного регулирования является непременным условием нейтрализации негативного влияния западных санкций на нашу экономику и, как следствие, победы России в объявленной ей США и их союзниками гибридной войне. Как известно, наша страна неизменно выходила из любого противостояния со своими недругами более сильной и независимой. Хотелось бы надеяться, что нечто подобное случится и сейчас как мощная ответная реакция на западный феномен «культуры отмены» России.

Литература

1. Булатова А.И., Абелгузин Н.Р. Влияние санкций на экономику России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 26—37.
2. Глазьев С.Ю. О неприемлемости проекта «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики

на 2019 год и период 2020 и 2021 годов» (особое мнение члена национального финансового совета) // Российский экономический журнал. 2018. № 6. С. 3—26.

3. Глазьев С.Ю., Архипова В.В. Оценка влияния санкций и других кризисных факторов на состояние российской экономики // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 3—29.

4. Губанов С.С. Н. Малдер: Цель санкций — смена политического режима в России // Экономист. 2022. № 4. С. 20—39.

5. Губанов С.С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2. С. 23—41.

6. Зайцев Ю.К. Апрельские санкции: последствия для российской экономики // Russian economic development. 2018. № 5. С. 31—34.

7. Казанцев С.В. Антироссийские санкции — вчера и сегодня // ЭКО. 2015. № 3. С. 63—78.

8. Казанцев С.В. Зоны воздействия антироссийских санкций // Мир новой экономики. 2024. № 1. С. 27—44.

9. Казанцев С.В. Каналы и результаты новейших санкционных воздействий на экономику России // Российский экономический журнал. 2020. № 3. С. 24—40.

10. Капканициков С.Г. Адаптационный кризис и эффект бумеранга // Экономист. 2023. № 7. С. 52—73.

11. Капканициков С.Г. «Русская болезнь» как этап эволюции эффекта Гронингена // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 41—63.

12. Капканициков С.Г. Избыточное подходное расслоение россиян как угроза экономическому росту и социальной безопасности // Общество и экономика. 2023. № 1. С. 37—62.

13. Капканициков С.Г. Экономика стран-санкционеров в российской ловушке большой страны // Международная экономика. 2024. № 2. С. 96—111.

14. Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5—30.

15. О доле нефтегазового сектора в ВВП России // Экономист. 2022. № 7. С. 91—93.

16. Политика санкций: цели, стратегия, инструменты. М.: НИП РСМД., 2020.

References

1. Bulatova A.I., Abulguzin N.R. Vliyanie sankcij na ekonomiku Rossii // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2015. № 3. S. 26—37.
2. Glaz'ev S.YU. O nepriemlemosti proekta «Osnovnyh napravlenij edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2019 god i period 2020 i 2021 godov» (osoboe mnenie chlena nacional'nogo finansovogo soveta) // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2018. № 6. S. 3—26.
3. Glaz'ev S.YU., Arhipova V.V. Ocenka vliyaniya sankcij i drugih krizisnyh faktorov na sostoyanie rossijskoj ekonomiki // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2018. № 1. S. 3—29.
4. Gubanov S.S. N. Malder: Cel' sankcij — smena politicheskogo rezhima v Rossii // Ekonomist. 2022. № 4. S. 20—39.
5. Gubanov S.S. Sistemnyj krizis i vybor puti razvitiya Rossii // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2015. № 2. S. 23—41.
6. Zajcev YU.K. Aprel'skie sankcii: posledstviya dlya rossijskoj ekonomiki // Russian economic development. 2018. № 5. S. 31—34.
7. Kazancev S.V. Antirossijskie sankcii — vchera i segodnya // EKO. 2015. № 3. S. 63—78.
8. Kazancev S.V. Zony vozdejstviya antirossijskih sankcij // Mir novoj ekonomiki. 2024. № 1. S. 27—44.
9. Kazancev S.V. Kanaly i rezul'taty novejsih sankcionnyh vozdejstvij na ekonomiku Rossii // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2020. № 3. S. 24—40.
10. Kapkanshchikov S.G. Adaptacionnyj krizis i effekt bumeranga // Ekonomist. 2023. № 7. S. 52—73.
11. Kapkanshchikov S.G. «Russkaya bolezni» kak etap evolyucii effek-ta Groningena // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2022. № 5. S. 41—63.
12. Kapkanshchikov S.G. Izbytochnoe podohodnoe rassloenie rossiyan kak ugroza ekonomicheskomu rostu i social'noj bezopasnosti // Obshchestvo i ekonomika. 2023. № 1. S. 37—62.

13. *Kapkanshchikov S.G.* Ekonomika stran-sankcionerov v rossijskoj lovushke bol'shoj strany // *Mezhdunarodnaya ekonomika*. 2024. № 2. S. 96—111.
14. *Medvedev D.A.* Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: obretenie novoj dinamiki // *Voprosy ekonomiki*. 2016. № 10. S. 5—30.
15. O dole neftegazovogo sektora v VVP Rossii // *Ekonomist*. 2022. № 7. S. 91—93.
16. *Politika sankcij: celi, strategiya, instrumenty*. M.: NP RSMD., 2020.

П.Ю. ГОРДОК

**«Nothing personal, just business»: заметки о политической
теологии неолиберализма***

Аннотация. В статье рассматриваются конечные теологические основания стержневого элемента либеральной экономической традиции — рынка. В частности, автор настаивает на рассмотрении рыночного Проведения в качестве центрального бессознательного элемента либеральной политэкономии, впоследствии перетекшего в неолиберализм посредством разделяемой мейнстрим-экономистами интуиции о спонтанной разумности рынка. Ключевым выводом исследования является вывод о наличии содержательной системы моральных установок, характеризующих неолиберализм на уровне практической реализации и на теоретическом уровне скрываемых посредством надменной формальности экономической теории. Встроенные в (нео)либеральный проект универсализм и демократизм, гарантируемые формальностью теории, скрывают данность онтологического (структурного) и экономического (конкретного) различия рыночных агентов.

Ключевые слова: неолиберализм, политическая теология, невидимая рука рынка, имманентная духовность, предприниматель себя.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гордок П.Ю. «Nothing personal, just business»: заметки о политической теологии неолиберализма // *Философия хозяйства*. 2025. № 4. С. 56—70. DOI: 10.5281/zenodo.15698104.

Abstract. The paper examines the final theological foundations of the core element of the liberal economic tradition — the market. In particular, the author insists on considering market Providence as the central unconscious element of liberal political economy, which later passed into neoliberalism through the intuition shared by mainstream economists about the spontaneous rationality of the market. The key conclusion of the study is the existence of a substantial system of moral principles that characterize neoliberalism at the level of practical implementation and at the theoretical level are concealed through the arrogant formality of economic theory. The universalism and democratism embedded in the (neo)liberal project, guaranteed by the formality of theory, hides the given ontological (structural) and economic (specific) distinction of market agents.

Keywords: neoliberalism, political theology, the invisible hand of the market, immanent spirituality, entrepreneur of the self.

УДК 330.821.1 + 330.831.8
ББК 65в

В цитате немецкого теолога Иоганна Генриха Майуса, вынесенной в эпиграф, предваряющий работу Джорджо Агамбена «Царство и Слава» [1], «божественной экономикой» называется «администрирование, или управление всем сущим, которое Господь применяет с самого сотворения мира до окончательного свершения времен во славу Своего имени и во спасение людей» [1, 7]. Иными словами, божественная экономика — это консолидация разрозненного сущего посредством божественного Провидения. Предпринятый Агамбеном генеалогический анализ демонстрирует, как данная идея эволюционирует и перетекает из теологической в политико-экономическую, административную плоскость, где *οἰκονομία*¹ понимается как универсальный способ управления людьми. В рамках неолиберальной

¹ В традиционном аристотелевском смысле *οἰκονομία* как наука об управлении домохозяйством противопоставляется *χρηματιστική* как науке об обогащении. Строго говоря, данное различие коренится в основаниях наук: консолидирующее начало экономики противопоставляется разобщающему фундаменту хрематистики. В понимании Агамбена, хрематистика в актуальных условиях, скорее, сливается с ойкономией, более того, впоследствии первая выступает принципом организации второй, именно поэтому «для Агамбена так важно указать на то из-

парадигмы, де-факто закреплённой в качестве идеологического мейнстрима ряда современных государств и международных организаций [20], экономика становится не просто способом управления, но всеобъемлющим принципом организации социальных и индивидуальных процессов. «Экономический подход», характеризующий неолиберализм на фундаментальном уровне, предполагает экстраполяцию экономических категорий (и соответственно экономического анализа) на принципиально неэкономические сферы общественного устройства и повседневной жизнедеятельности [15, 305]. Иными словами, экономика становится первичным интеллигибельным способом дескрипции действительности и, как следствие, *принципом* администрирования, критерием, регулирующим эффективность управленческих практик. Итак, экономика в неолиберализме обладает выраженными политическими характеристиками — вернее, обретая подчиненные экономическому подходу формулировки, политическая сфера попросту вытесняется, видоизменяя вслед за собой понимание государства, гражданственности и политической субъектности [3].

Настоящая работа ориентирована на рассмотрение экономической составляющей неолиберализма в качестве ядра его политической теории — или, вернее сказать, политической теологии². Целью статьи является определение возможных перспектив в теологической аналогии, используемой для анализа системы неолиберализма, в частности, в вопросе взаимодействия макросоциальной структуры неолиберализма (идеологии, гегемонии, дискурса) и процесса субъективации. Недостаточно в банальной форме высказаться о том, что неолиберализм является современной религией³ или содержит в себе

начально анархическое (не укорененное в бытии и потому не составляющее эпистемы), что есть в понимании природы экономики» [1, 528]. Приведенное утверждение в том числе указывает на гибкость и адаптивность экономики в различных социальных и политических условиях.

² В данном случае в качестве допущения принимается обоснованный взгляд Карла Шмитта на корпус понятий политического дискурса как на секуляризированные теологические понятия (подробнее см. [18]).

³ Так, в действительности, можно сказать о любой идеологии, сопутствующей человечеству на протяжении веков. Ввиду и без того неоднозначного статуса понятия «неолиберализм» в современной академической литературе [6], обойдемся без публицистических штампов.

квазирелигиозные основания. Существенный интерес представляет именно возможность анализа, посредством которого возможно обнаружить конечные теологические основания — выражаясь в хайдеггеровском духе, характеризующие способ европейского христианского мышления вообще (тут уместно вспомнить фрагмент из «Парменида»: Мартин Хайдеггер описывает христианского Бога как Творца, «который владычествует над всяким сущим как над своим собственным творением и, так сказать, *просчитывает* его» (курсив мой. — П.Г.) [16, 241—242]) — в структурных элементах неолиберализма. Таким образом, дальнейшее повествование не будет предполагать рассмотрение неолиберализма как религии или квазирелигиозного образования; движущей интуицией автора является предположение об онтотеологической структуре (нео)либерального рынка, выражающейся на индивидуальном уровне в специфичной форме идентификации экономических субъектов. Отсюда, первостепенная задача исследования состоит во «вскрытии» и диссекции возможных догматов, апостолов, эсхатологии и греха в неолиберализме.

Абсолютное большинство видных интеллектуалов, зачастую называемых среди теоретиков неолиберализма, именуют себя классическими либералами. Косвенным свидетельством выдвинутого тезиса служит фундаментальное место фигуры Адама Смита в структуре экономико-философских взглядов как основателей Австрийской школы экономики, идеи которых следует считать эпистемическим фундаментом неолиберализма, так и их преемников и последователей в Чикаго⁴.

Чем, в свою очередь, определяется имманентная логика классического (экономического) либерализма? Вполне очевидно, что его стержневой структурой является рынок, понимаемый как задающее параметры истины место веридикции — причем не юридической, но «эпистемной» [15, 397]. Более того, рыночная логика становится ис-

⁴ Для дальнейшего повествования следует уточнить, что в рамках неолиберализма конечные теологические основания рыночной системы остаются практически неизменными (во всяком случае, на фундаментальном уровне). Так, например, у Фридриха Хайека встречается формулировка «вера в спонтанные адаптационные силы» [17, 490]. «Невидимая рука» — прямой предок «спонтанного экономического порядка» Хайека.

тиной самой по себе. Согласно Смиту, тотальность рынка поддерживается посредством «невидимой руки» (либералы зачастую низводят указанный концептуальный элемент до уровня метафоры, опуская его структурообразующий характер) — в сущности, «пустого места, втайне занимаемого... провиденциальным богом, присутствующим в экономическом процессе» [15, 347]. Центрирующий, тотальный элемент рыночной системы, фиксируемый в рамках либеральной политической экономии, не просто оказывает влияние на его внутреннюю систему организации, но также накладывает отпечаток на субъективацию населяющих рынок человеческих агентов. Важно уточнить, что речь здесь идет не столько о нормативной позиции агента, сколько о концептуализации его формальной «природы» — концептуализации, в меньшей степени оперирующей с категориальным аппаратом моральных наук⁵.

В «Набросках к критике политической экономии» Фридрих Энгельс называет Смита «*Лютером политической экономии*» (курсив автора. — П.Г.), указывая на то, что в разоблачениях прежних политэкономов Смит сменяет католическую прямоту протестантским лицемерием [19, 549]. Собственно протестантское лицемерие, согласно Энгельсу, состоит в том, что сторонники либеральной политэкономии провозглашали гуманистические цели (уничтожение монополий, братство народов, сокращение числа войн и проч.), но на деле их достижения были обусловлены эгоистическими мотивами: «Где сделали вы что-нибудь, исходя из чисто гуманных побуждений, из сознания того, что противоположность между общим и индивидуальным интересом не имеет права на существование? Были ли вы когда-нибудь нравственными, не будучи в этом заинтересованы, не тая в глубине души безнравственных, эгоистических мотивов?»

⁵ Смит занимает точку зрения, согласно которой субъект *рынка* («местоположение» конкретного индивида в топосе общественных сфер здесь играет решающую роль) принципиально эгоистичен. С другой стороны, социологический взгляд Макса Вебера подчеркивает решающую роль аскетичной и склоняющей к труду этики протестантизма в вопросе возникновения капиталистических отношений. Однако важным для нас является именно *формальный* аспект субъективации субъекта, предполагающийся универсализмом, встроенным в либеральный проект.

[19, 549]. Иными словами, Энгельс критикует надменный универсалистский гуманизм либералов, как раз-таки предполагаемый исключительно формальным, т. е. ценностно-бессодержательным, способом описания механизма рынка (с последующим производством настолько же формальной субъективности). Впрочем, отбросим морализаторство Энгельса, обратимся к более глубокой внутренней интеллектуальной связи между Мартином Лютером и Смитом, поскольку именно здесь, как кажется, скрывается истина рыночной субъективации.

В своей интерпретации знаменитого стиха из третьей главы послания к Галатам Лютер пишет: «Мужчина, женщина, раб, свободный, иудей, язычник, король, подданный — все это, разумеется, добрые творения Божии. Но во Христе, то есть в деле спасения, они ничего не значат, несмотря на всю свою мудрость, праведность, благочестие и власть» [10, 501]. То же самое наблюдается у Смита, отвергающего естественные привилегии одних рыночных агентов перед другими: экономические взаимодействия склоняют потребителя к тому, чтобы отталкиваться от стремления мясника, пивовара или булочника к собственной выгоде, а не от их благожелательности [13, 77]. Экстраполируя данную установку на теологический порядок рынка, перефразируем пассаж Лютера: внеэкономические характеристики рыночного агента не значат ничего, важно лишь то, насколько интенсивно тот или иной агент посвящает себя *делу рынка*. Кроме того, рыночные агенты уравниваются в своем положении относительно друг друга: разноуровневые участники рынка (самый отчетливый пример — производитель и потребитель) существуют рука об руку, находясь во взаимозависимых отношениях. Так, в политической экономии принципиальным оказывается вполне однозначный теологический ход Смита, раскрываемый как на уровне фундаментального экономического механизма, так и в вопросе формальной институционализации и дальнейшей идентификации рыночных субъектов. Отсюда было бы упрощением полагать, будто «невидимая рука» суть пережиток представления о естественном порядке вещей, сохра-

няющий тянущийся вслед за ним теологический шлейф, свойственный новоевропейской картине мира⁶. Онтотеологическая модель рынка — это *центральный* бессознательный элемент либеральной системы экономических взглядов (особенно отчетливо это видно на примере неолибералов, о чем будет сказано далее), впрочем, по замечанию Дэвида Грэбера, вполне очевидный и для средневековых исламских правоведов [4, 285—286].

Известная доктрина классического либерализма *laissez-faire* не означает только прагматико-юридическую меру, нацеленную на повышение эффективности работы рыночных механизмов. Дело вовсе не в том, чтобы представители государства добровольно приняли решение о невмешательстве в работу автономного рынка, но в том, что с обретением политической экономией научного статуса государство в принципе лишено полномочий оказывать преимущественное влияние на рыночную систему. Политэкономия — это, в первую очередь, «экономика на политике» [9, 153]. Иначе говоря, между рынком и государством имеется выраженная конфронтация, наглядно представленная в знаменитом пассаже о трех обязанностях государя [13, 647],

⁶ Согласно Оперу Кассу, метафора Смита о «невидимой руке» действительно должна восприниматься как метафора (в противовес предложенному ранее тезису о ее структурообразующем характере). В естественном контексте под «невидимой рукой» понималась не магическая сила, а предпочтение отечественного производства и намерение сосредоточить производство на продукте максимальной стоимости» [7]. Однако, во-первых, важным в настоящей работе является скорее то, каким образом неолибералы понимали данную метафору (сам Касс считает, что Хайек возвел неверно понятый принцип Смита в «ранг религии», а само понятие стало наиболее употребляемым после Второй мировой войны). Во-вторых, в «Теории нравственных чувств» данная метафора все-таки приобретает более общий и фундаментальный характер: «По-видимому, какая-то невидимая рука заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми населяющими ее людьми. Таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и умножению человеческого рода» [14, 185]. В конце концов, Смит все-таки полагал наличие некоей анонимной силы, адаптирующей рынок к условиям действительности. В противном случае перечень функций суверена, изложенный Смитом в известном фрагменте «Богатства народов» [13, 647], должен был бы стремительно возрасти.

неоднократно процитированном в трудах неолиберальных теоретиков, в особенности у Милтона Фридмана.

Однако позиция и роль государства в системе неолиберальных взглядов⁷ претерпевают значительные метаморфозы. Если классический либерализм строится на представлении о саморегуляции рынка, то доктрина неолиберализма требует особого вмешательства государства. Возникает своего рода парадокс: с одной стороны, государство декларируется как минимально вмешивающийся институт, с другой — оно активно создает условия для функционирования свободного рынка. Рассматривая рынок как систему, возникшую естественным (читай: спонтанным) образом, Хайек, тем не менее, отдает государству функцию контроля за исполнением требований, предъявляемых со стороны рынка для наиболее эффективной консолидации различных видов деятельности при сохранении индивидуальной свободы граждан [17, 302—303]. Иными словами, «невидимая рука» отныне функционирует только в благоприятных для ее действия условиях. В этом ключе Хайек сближается с выводами о политико-юридической структуризации рынков, которые делает Карл Поланьи в «Великой трансформации»: «В политике *laissez-faire* не было ничего “естественного”: простое невмешательство в естественный ход вещей никогда бы не смогло породить свободные рынки» [12, 156]. Отныне «естественность» рынка способна достичь процветания только в том случае, если она поддерживается институционально.

Достаточное и необходимое условие существования и должного функционирования рынка — отсутствие целевой ориентации; рыночная саморегуляция должна быть формально обрамлена со стороны политико-юридических институций, однако ее внутренние установки и «законы» не могут быть подвергнуты вмешательству. Как минимум по причине ограниченности человеческого познания, как максимум — по причине исторической неэффективности искусственных методов насаждения экономического порядка, отмежевы-

⁷ Наиболее репрезентативный пример «системы неолиберальных взглядов» обнаруживается у Хайека. В той или иной мере основные философские интенции и интуиции автора оказали существенное влияние на «рост неолиберальной культуры, институциональную трансформацию и политические решения представителей государственной власти и частных центров влияния» [23, 87].

вающихся как безуспешные по ходу истории. Отсюда, согласно Хайеку, и проистекает недоверие к рынку: «Пожалуй, ничто другое в столь сильной мере не вселяет в людей недоверие к рынку, как их неспособность представить, каким образом в отсутствии сознательного контроля может возникнуть необходимое равновесие...» [17, 490—491]. Попытки Хайека вселить читателю уверенность в своего рода непостижимую «сознательность» рынка при видимом хаосе и беспорядке сообразны лейбницовской теодицее: экономическое зло, или грех, существует не по причине зла Божественного, но в силу существования свободы (как условия возможности экономического бытия вообще).

Критика финализма Хайеком означает признание разумности за исключительно формальными законами и кодексами, направленными на взаимодействие с рынком (отметим, что, ввиду упомянутой выше экстраполяции экономического анализа на неэкономические сферы, свойственной неолиберализму, данное положение справедливо распространять на законодательство вообще, не ограничиваясь экономическим правом). Какова между тем политическая, или содержательная, *ценностная*, сторона рыночного уклада? Несмотря на то что нравственный вопрос оказывается как бы «вне» проблематики экономической теории, практика неолиберального проекта порой демонстрирует неутешительные результаты. Вопрос становится особенно актуальным в связи фиксацией (по крайней мере, в социальных и культурных исследованиях) поворота к «темной» теории — к теории «повсеместной власти и неравенства, этнографическим исследованиям экономической незащищенности (в лучшем случае) и карательной гегемонности» [11, 21]. Поскольку ранее была предложена связь между онтологией рынка и ее оформлением в административном пространстве, следует вынести более радикальное суждение, наделяющее надменную формальность неолиберализма вполне конкретным моральным содержанием.

Адам Коцко называет неолиберализм не только социальным и политическим порядком, но, прежде всего, «удивительно связанной моральной системой» [8, 216]. Если опознание секуляризованного теологического основания либеральной экономики во многом стало

триумфом и практически не оспаривается⁸, то политическая теология позднего капитализма остается за бортом критических исследований действительности в условиях неолиберальной гегемонии. В том числе такое положение дел связано с тем, что внутри неолиберальной теории фактически отсутствует политическая компонента. Политика идентифицируется с администрированием [21, 2], государство превращается в предприятие⁹, а потенциальный субъект политики — в «предпринимателя себя», рассматриваемого с точки зрения экономического подхода, ключевым понятием которого является человеческий капитал.

Исследование теологической структуры неолиберализма разворачивается на двух уровнях. С одной стороны, Коцко выделяет структурные элементы неолиберализма на коллективном уровне¹⁰: логика ограничения субъектности (тенденция демонизации отдельных групп населения, связанная с парадигмой рыночного Провидения), логика конкуренции (влекущая за собой неравенство, выраженное в наличии победителей и проигравших) и конформизма (неолиберальный «передовой опыт», понимаемый как образцовый способ достижения поставленных экономических целей на основе результативного практического опыта) [8, 216]. С другой стороны, моральная система неолиберализма обретает осязаемые формы персональной

⁸ См. [1].

⁹ Политическое бессознательное, свойственное неолиберализму, обнаруживается уже у Вебера. Так, в работе «Политика как призвание и профессия» Вебер называет современное государство «организованным по типу учреждения союзом господства» (курсив мой. — П.Г.) [2, 651]. Впрочем, о связи неолибералов с Вебером говорит и Фуко: «...если и имеет место возвращение к неолиберальной политике, это, конечно же, не возврат ни к правительственной практике *laissez-faire*, ни к тому товарному обществу, которое Маркс разоблачал в начале I тома “Капитала”. Что пытается вернуться, так это своего рода *социальная этика предприятия*, исходя из которой Вебер, Зомбарт, Шумпетер пытались выстроить политическую, культурную, экономическую историю» (курсив мой. — П.Г.) [15, 189].

¹⁰ В данном случае под «коллективным уровнем» имеется в виду тот уровень, на котором неолиберализм функционирует в качестве политически сконструированной моральной системы. Хотя моральная система, в первую очередь, исходит из когнитивных установок отдельных индивидов, механизмы, перечисленные Коцко, разворачиваются преимущественно на макроуровне социальных взаимодействий.

идентификации индивидов посредством субъективации в качестве «предпринимателя себя», которая теологически представлена как обусловленная рыночной логикой *имманентная духовность*¹¹, подталкивающая индивида к самоинвестированию и самореализации в целях спасения [22, 145, 119]. Эсхатология политической теологии неолиберализма напрямую связана с понятием человеческого капитала: большая инвестиция в своеобразную рыночную «духовность» способствует накоплению большего капитала, изливающегося впоследствии в возможность выхода из скудного и аскетичного образа жизни в более удовлетворительные условия экономического существования.

Отсюда видно, что онтотеологическая структура рынка в неолиберализме не центрирована вокруг трансцендентного Абсолюта, хотя нам не удастся полноценно избавиться от обстоятельства присутствия некоторого разумного конституирующего элемента, согласовывающего хаотичный набор интеракций и взаимодействий, характеризующих неолиберальный рынок. С точки зрения неолиберализма фигура Абсолюта (отсутствующая)¹² становится эксплицитной в результате индивидуальной экономической деятельности, однако

¹¹ Используя данный термин, Карл Рашке сравнивает идеи и практики «духовности», присущие неолиберализму, с новыми религиозными движениями, объединенными эгидой New Age (подробнее см. [22, 45—47]).

¹² В одной из ранних работ Славоя Жижека идеология описывается как процесс пристегивания «плавающих» означающих к господствующему (например, «коммунизм», «либерализм», «социал-демократия» и проч.) [5, 100]. Господствующее означающее, в свою очередь, является «означающим без означаемого», т. е. пустым перформативом без семантики. Отсюда и проистекает основной идеологический жест — «*чистое различие воспринимается как Идентичность*» (курсив автора. — П.Г.) [5, 105]. Напротив, кажется, что неолиберализм настаивает на *различии* в качестве онтологического основания рынка, трансформируя «невидимую руку» в чистое (пусть и разумное) различие интеракций и взаимодействий на рыночной плоскости. Демократизм, предписываемый рыночным агентам в неолиберализме, однако, скрывает собой вполне конкретное обстоятельство наличия политически структурированных моральных или ценностных интенций, гарантирующих более выгодное положение одних рыночных агентов перед другими. Современные идеологии — в противовес традиционным идеологиям модерна — на нарративном уровне по-постмодернистски антиэссенциальны, что, впрочем, не делает их более «формальными» или бессодержательными на уровне фундаментальном (и, как следствие, в практической реализации).

отчетливость ее очертаний не может быть гарантирована. Между тем индивидуальная деятельность осуществляется в предустановленных государством формальных рамках, сказывающихся на ее — зачастую «темном» — содержании. Трансформация трансцендентного онтологического статуса «невидимой руки» в имманентный и гарантируемый персональным действием, в свою очередь, являет собой деполитизированный акт эскапизма. Напротив, формула радикального эмансипационного действия — не в банальном отрицании эффективности рынка, но также в признании его «глупой, равнодушной, а может быть, и откровенно злобной» структурой [24, 48].

Литература

1. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644—706.
3. Венди Б. Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта // Неприкосновенный запас: URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/4/razrushenie-demokratii-kak-neoliberalizm-preobrazovyvaet-gosudarstvo-i-subekta.html> (дата обращения: 24.03.2025).
4. Грэбер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 528 с.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 238 с.
6. Капелюшников Р. Приключения «неолиберализма» // Логос. 2022. Т. 32. № 4. С. 1—50.
7. Касс О. В поисках невидимой руки // Международный валютный фонд: URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2025/03/point-of-view-in-search-of-the-invisible-hand-oren-cass> (дата обращения: 24.03.2025).
8. Коцко А. Демоны неолиберализма: о политической теологии позднего капитализма // Логос. 2023. Т. 33. № 6. С. 189—220.
9. Латур Б. Политики природы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.

10. Лютер М. Лекции по «Посланию к Галатам». Стерлинг Хайс: Фонд «Лютеранское наследие», 1997. 705 с.
11. Ортнер Ш. Темная антропология и ее другие: судьба теории после 1980-х годов // Логос. 2022. Т. 32. № 2. С. 1—42.
12. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
13. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
14. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.
15. Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 446 с.
16. Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009. 384 с.
17. Хайек Ф.А. фон. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. 528 с.
18. Шмитт К. Политическая теология // Политическая теология. Сборник. М.: «КАНОН-Пресс-Ц», 2000. С. 7—98.
19. Энгельс Ф. Заметки к критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 544—571.
20. Firdausi A. Neoliberalism is Dead: Or Is It? // Berkley Journal of Sociology: URL: <https://berkeleyjournal.org/2024/06/26/is-neoliberalism-dead/> (дата обращения: 24.03.2025).
21. Honig B. Political Theory and the Displacement of Politics. London: Cornell University Press, 1993. 269 p.
22. Raschke C. Neoliberalism and Political Theology: From Kant to Identity Politics. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2019. 196 p.
23. Roncaglia A. The Age of Fragmentation. A History of Contemporary Economic Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 442 p.
24. Žižek S. Christian Atheism: How to Be a Real Materialist. London: Bloomsbury Academic, 2024. 304 p.

References

1. *Agamben Dzh.* Carstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya. M.; SPb.: Izd-vo Instituta Gajdara; Fakul'tet slobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2019. 552 s.
2. *Veber M.* Politika kak prizvanie i professiya // *Veber M.* Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 644—706.
3. *Vendi B.* Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovyyvaet gosudarstvo i sub"ekta // *Neprikosnovennyj zapas*: URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/4/razrushenie-demokratii-kak-neoliberalizm-preobrazovyyvaet-gosudarstvo-i-subekta.html> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
4. *Greber D.* Dolg: pervye 5000 let istorii. M.: Ad Marginem Press, 2015. 528 s.
5. *ZHizhek S.* Vozvyshennyj ob"ekt ideologii. M.: Hudozhestvennyj zhurnal, 1999. 238 s.
6. *Kapelyushnikov R.* Priklyucheniya «neoliberalizma» // *Logos*. 2022. T. 32. № 4. S. 1—50.
7. *Kass O.* V poiskah nevidimoy ruki // *Mezhdunarodnyj valyutnyj fond*: URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2025/03/point-of-view-in-search-of-the-invisible-hand-oren-cass> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
8. *Kocko A.* Demony neoliberalizma: o politicheskoy teologii pozdnego kapitalizma // *Logos*. 2023. T. 33. № 6. S. 189—220.
9. *Latur B.* Politiki prirody. M.: Ad Marginem Press, 2018. 336 s.
10. *Lyuter M.* Lekcii po «Poslaniyu k Galatam». Sterling Hajs: Fond «Lyuteranskoe nasledie», 1997. 705 s.
11. *Ortner SH.* Temnaya antropologiya i ee drugie: sud'ba teorii posle 1980-h godov // *Logos*. 2022. T. 32. № 2. S. 1—42.
12. *Polan'i K.* Velikaya transformaciya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni. SPb.: Aletejya, 2002. 320 s.
13. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Eksmo, 2007. 960 s.
14. *Smit A.* Teoriya нравstvennyh chuvstv. M.: Respublika, 1997. 351 s.

15. *Fuko M. Rozhdenie biopolitiki: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978—1979 uchebnoe godu.* SPb.: Nauka, 2010. 446 s.
16. *Hajdegger M. Parmenid.* SPb.: Vladimir Dal', 2009. 384 s.
17. *Hajek F.A. fon. Konstituciya svobody.* M.: Novoe izda-tel'stvo, 2018. 528 s.
18. *SHmitt K. Politicheskaya teologiya // Politicheskaya teo-logiya. Sbornik.* M.: «KANON-Press-C», 2000. S. 7—98.
19. *Engel's F. Zametki k kritike politicheskoy ekonomii // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-e.* M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. S. 544—571.

В.И. СМАГИНА, И.О. ЮДИН

**Интеллектуальные агенты в экономике: модели и вызовы
цифровой трансформации***

Аннотация. В данной статье рассматриваются роль ИИ-агентов в экономике, их влияние на цифровую трансформацию различных отраслей, а также их потенциал для повышения эффективности бизнес-процессов. Приведены классификация ИИ-агентов, основные методы их работы, экономические модели взаимодействия, а также примеры использования в ключевых секторах экономики. Анализируются прогнозы роста производительности и вызовы, связанные с внедрением ИИ-агентов. Представленные данные демонстрируют значительный потенциал ИИ-агентов в экономике и необходимость дальнейшего изучения данной темы.

Ключевые слова: интеллектуальные агенты, цифровая трансформация, машинное и глубокое обучение, модели взаимодействия, прогнозирование, бизнес-процессы, автоматизация.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смагина В.И., Юдин И.О. Интеллектуальные агенты в экономике: модели и вызовы цифровой трансформации // *Философия хозяйства*. 2025. № 4. С. 70—80. DOI: 10.5281/zenodo.15698128.

Abstract. This article examines the role of AI agents in the economy, their impact on the digital transformation of various industries, and their potential to improve business process efficiency. It presents the classification of AI agents, key operational methods, economic interaction models, and examples of their application in key economic sectors. Productivity growth forecasts and challenges related to AI agent implementation are analyzed. The presented data demonstrate the significant potential of AI agents in the economy and the need for further research on this topic.

Keywords: intelligent agents, digital transformation, machine learning and deep learning, interaction models, forecasting, business processes, automation.

УДК 330
ББК 65

Современный этап развития экономики страны отмечился качественными изменениями в научно-техническом прогрессе (НТП), порождая новый научный продукт. Искусственный интеллект (ИИ) влияет на формирование долгосрочной социально-экономической политики. Интеллектуальные агенты (ИИ-агенты) выступают как ключевой продукт цифровой трансформации. ИИ-агенты — автономная программная система, разрушающая прежде созданные современные экономические подходы к анализу ключевых событий и создающая новый формат микрохозяйственных укладов. Их применение охватывает широкий спектр задач — от финансового анализа до управления сложными логистическими цепочками. Особое внимание следует уделить ИИ-агентам, их способности повышать эффективность бизнес-процессов, снижать транзакционные издержки и оптимизировать использование ресурсов [1].

ИИ-агенты отличаются от традиционных алгоритмических систем своей адаптивностью и способностью к обучению на основе нейросетевой модели. В основе их работы лежат методы машинного обучения и многокритериального анализа. Классификация ИИ-агентов определяется в зависимости от их функциональных возможностей и уровня автономности. Можно выделить наиболее впечатля-

ющие достижения в этой области: реактивные агенты, которые действуют на основе заранее определенных правил; ИИ-агентные системы с памятью, способные анализировать прошлый опыт; а также когнитивные ИИ-агенты, использующие методы глубинного обучения для выработки оптимальных решений в динамически изменяющейся среде [4, 92].

ИИ-агенты стремительно проникают в самые различные экономические сферы, в первую очередь в воспроизводственный процесс [4, 93]. Так, в финансовом секторе они используются для алгоритмической торговли, оценки кредитных рисков и детектирования мошенничества. В сфере производства и логистики использования ИИ-агентов позволило увеличить персонализацию возможного спроса, скорость доставки и тем самым повысить качество работы персонала. Введение ИИ-агентов в государственное управление будет способствовать ускорению цифровизации, изменяя процесс принятия решений. Введение ИИ-агентов в ключевые отрасли экономики страны повышает экономическую эффективность.

Развитие искусственного интеллекта достигло сегодня этапа, когда ИИ-агенты, их способность к адаптации в зависимости от изменяющихся экономических условий начинают играть значительную роль в экономике страны. Современные экономические модели взаимодействия ИИ-агентов включают в себя элементы теории игр, агентного моделирования и многокритериального анализа. Агентное моделирование позволяет изучать макроэкономические процессы на основе моделирования поведения отдельных экономических агентов, в том числе фирм, потребителей и финансовых организаций [7]. В рамках таких моделей ИИ-агенты способны прогнозировать рыночные тренды, анализировать влияние внешних факторов и разрабатывать оптимальные стратегии поведения.

Для оценки влияния ИИ-агентов на экономику были проведены различные исследования. Согласно данным аналитического агентства McKinsey, внедрение ИИ-агентов может увеличить глобальный ВВП на 13—15% к 2030 г. за счет повышения производительности и автоматизации. Ниже представлены данные по влиянию ИИ-агентов на различные секторы экономики в перспективе ближайших лет (табл. 1).

Таблица 1

Влияние ИИ-агентов на различные секторы экономики

Сектор экономики	Ожидаемый рост производительности (%)	Основные направления применения ИИ-агентов
Финансы	20—25	Алгоритмическая торговля, управление рисками
Логистика	15—20	Оптимизация маршрутов, автоматизация поставок
Производство	10—15	Роботизированные системы, предиктивное обслуживание
Ритейл	12—18	Персонализация, динамическое ценообразование
Государственное управление	8—12	Цифровизация госуслуг, аналитика данных

Источник: переработано и дополнено авторами [5].

Таким образом, ИИ-агенты представляют собой мощный инструмент, способный трансформировать экономические процессы. Их развитие в значительной степени определяет конкурентоспособность государств и компаний в условиях цифровой экономики. Мы подчеркиваем важность привносимых в результате НТП изменений, которые, с одной стороны, открывают путь к новым познаниям, а с другой стороны, несут реальную угрозу человечеству.

ИИ-агенты открывают уже иные возможности в развитии цифровой трансформации, которые ранее мог выполнять только человек. Их применение в отраслях экономики точное и направлено на решение конкретных задач. Это, в свою очередь, ведет к необходимости взаимодействия с различными субъектами экономической системы. Созданные модели ИИ-агентов обладают многокритериальным спектром принятия решений, агентным моделированием и алгоритмами машинного обучения, что делает их универсальными инструментами для применения в бизнес-проектах [3].

Именно поэтому ключевым аспектом ИИ-агентов является их способность анализировать большие объемы данных и прогнозировать экономическое развитие субъекта. С помощью методов глубокого обучения и статистического анализа ИИ-агенты выявляют риски и предлагают оптимальные решения этого вопроса. В частности, модели ИИ-агентов активно применяются для предсказания рыночных колебаний на финансовых рынках, оценки рисков и оптимизации логистических цепочек для принятия решений.

Использование интеллектуальных систем в управлении цепочками поставок позволяет снизить операционные издержки на 15—20%, а внедрение ИИ в процесс ценообразования увеличивает прибыль компаний на 5—10%. В финансовом секторе алгоритмы машинного обучения позволяют снизить количество ошибок при выдаче кредитов и выявлять мошеннические операции с точностью до 98% (рис. 1).

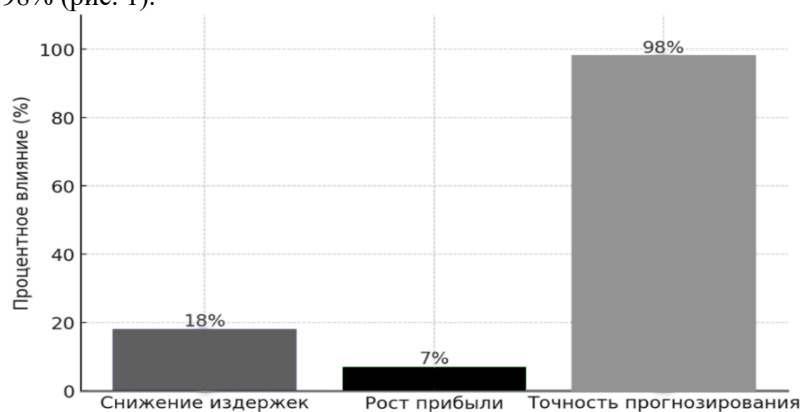

Рис. 1. Влияние ИИ-агентов на ключевые показатели эффективности бизнеса (составлено авторами)

Кроме того, многокритериальные системы принятия решений, основанные на агентном моделировании, активно применяются в макроэкономическом анализе. Они позволяют моделировать поведение множества экономических субъектов, анализировать их влияние и прогнозировать возможные сценарии экономического развития. Такие модели применяются в финансовой системе оценки макроэкономических рисков и их регулирования.

Применение ИИ-агентов также направлено на развитие современных передовых технологий, что значительно ускоряет процесс принятия решений. Внедрение таких технологий в финансовый рынок способствует повышению скорости анализа данных и снижению риска принятия решений [6].

Современное развитие искусственного интеллекта и интеллектуальных агентов требует комплексного анализа их влияния и на рынок труда, и на производственные процессы, что формирует показатели и микроэкономики, и мезоэкономики, и макроэкономики. Внедрение ИИ-агентов в экономику привело к трансформации профессиональной деятельности человека, изменению моделей взаимодействия между экономическими субъектами.

Одним из ключевых аспектов влияния ИИ-агентов на экономику является автоматизация труда, которая способствует повышению производительности, но в то же время создает риски высвобождения рабочих мест. Согласно исследованиям, уровень автоматизации различных отраслей варьируется в зависимости от сложности выполняемых задач и степени зависимости от человеческого фактора. Ниже представлены прогнозы автоматизации для ключевых секторов экономики (табл. 2).

Таблица 2

Прогнозы автоматизации для ключевых секторов экономики

Сектор экономики	Доля автоматизируемых рабочих мест (%)	Прогнозируемый рост производительности (%)
Промышленность	50—60	25—30
Финансы	40—50	20—25
Логистика	45—55	15—20
Образование	20—30	5—10
Здравоохранение	30—40	10—15

Источник: составлено авторами.

Как видно из таблицы 2, наибольший уровень автоматизации наблюдается в промышленных и финансовых секторах, где интеллектуальные системы заменяют рутинные и аналитические про-

цессы. В то же время отрасли, связанные с межличностными взаимодействиями, такие как образование и здравоохранение, имеют меньший потенциал для автоматизации, но при этом ИИ-агенты могут использоваться для повышения эффективности административных и диагностических процессов.

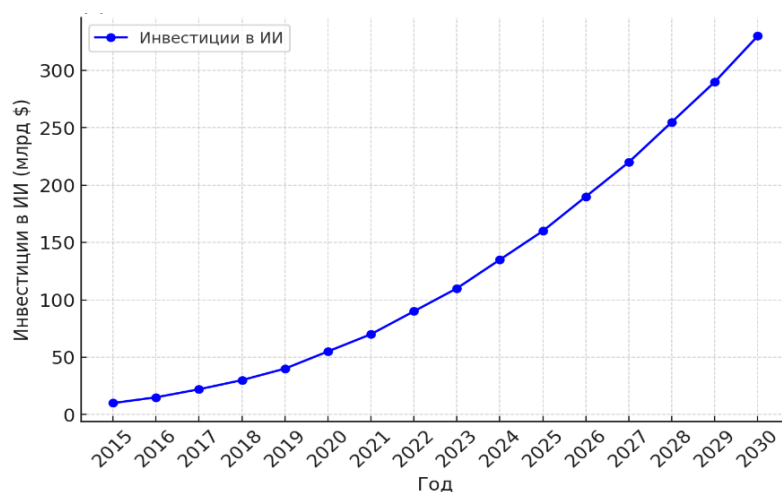

Рис. 2. Динамика инвестиций в ИИ-технологии
(составлено авторами)

Помимо влияния на занятость, ИИ-агенты вносят значительный вклад в макроэкономические показатели, включая темпы экономического роста и инвестиции в технологии [7]. Масштабные вложения в технологии искусственного интеллекта продолжают уверенно расти, что подтверждают данные аналитических агентств (рис. 2). В последние годы объем инвестиций в эту сферу увеличивается в среднем на 20—25% ежегодно, это свидетельствует о высоком уровне доверия к технологиям ИИ и их значительном влиянии на экономику. В перспективе такой тренд может привести к изменениям в структуре занятости и росту ВВП.

Итак, цифровая трансформация заставляет компании активизировать свои бизнес-процессы. Переход к формированию экономики, основанной на применении искусственного интеллекта, откры-

вает иные возможности в парадигме ее управления. Изменяются способы совместной работы человека и системы разделения труда, организации и управления производственными процессами.

Управление, т. е. воздействие на экономическую систему с целью изменения ее состояния, выступает определяющим фактором ее развития, трансформации ее функции. ИИ-агент выступает изменяемым правилом элемента экономической системы. Использование ИИ-агента в экономике страны меняет технологическую основу процессов управления и создает предпосылки для ее совершенствования, но вместе с тем создает и высокие риски, т. е. вызовы [6, 554—555].

Актуальными становятся вопросы регулирования, этики и защиты персональных данных. Для продвижения интегративного процесса ИИ-агента необходимо создание правовых механизмов, которые обеспечат прозрачность и подотчетность алгоритмов. В этом направлении ведется активная работа на глобальном рынке труда. Цель — подготовить стандартные методы (модели), обеспечивающие защиту прав пользователей и блокирующие негативные воздействия на ее пользователей.

Отметим, что влияние ИИ-агентов на экономику многогранно, включает трансформацию рынка труда, инвестиционных процессов, бизнес-процессов. С одной стороны, использование ИИ-агентов позволяет экономическому субъекту повысить ее конкурентоспособность, с другой — повышаются риски и изменения в системе управления. Безопасность использования ИИ-агентов в экономике сводится к условиям ограничения их применения. Так, за последние годы резко возросло число инцидентов, связанных с использованием ИИ в мошеннических схемах, включая генерацию фальшивых финансовых отчетов и персонализированные кибератаки. Необходимо детализировать изменения в цифровой трансформации экономики и разработать стратегии управления рисками, связанными с применением ИИ.

Быстрое развитие передовых технологий, применение ИИ-агентов в экономике вызывают и ряд вопросов, связанных с обеспечением безопасности новых технологий, созданием правовой основы использования. Активное внедрение ИИ-агентов в бизнес-процессы должно быть законодательно обеспечено введением правового регулирования и соблюдением этических принципов. Важно уже сегодня

государству подключить эффективный механизм контроля управления ИИ-агентами. Это касается защиты персональных данных, ответственности за их размещение и обеспечения прозрачности работы таких систем. Следует отметить, что во всех мировых экономических системах уже ведется активная работа над созданием законодательных норм, регулирующих использование ИИ. Это ускорило принятие решения странами и ведущими технологическими компаниями разработки протокола безопасности, направленного на минимизацию подобных рисков. Например, в Европейском союзе разрабатывается закон об искусственном интеллекте, который бы обеспечил контроль за системами повышенного риска и контроль за их применением.

Нужно помнить: внедрение ИИ-агентов способно существенно изменить общественные и экономические процессы, потому предстоящие изменения должны быть объектом прогнозирования и стратегического планирования со стороны человека. Это связано с качеством введения исходных данных, используемых для обучения моделей, а также с особенностями алгоритмов, которые могут усиливать существующие социальные и экономические неравенства. Аудит и интерпретируемость алгоритмов становятся необходимыми условиями, обеспечивающими минимизацию рисков при разработке ИИ-агентов. Например, в использовании средств защиты данных на основе многофакторной аутентификации и блокчейна в финансовом секторе ведет к диджитализации, создавая новый формат безопасности в цифровом формате.

Хотелось бы подчеркнуть, что формирование цифровой экономики требует создания инструментария, позволяющего оценить воздействия ИИ-агентов. Примером может стать система мониторинга. Разрабатываются международные стандарты и методики оценки рисков, позволяющие количественно измерять влияние интеллектуальных систем на рынок труда, бизнес-процессы и макроэкономические показатели.

Период смены технологических и микрохозяйственных укладов — это время вызовов, и здесь дальнейшее развитие ИИ-агентов — период возможности раскрытия потенциала знания. Применение адаптивных алгоритмов, способных к самонастройке и обучению в реальном времени, позволит повысить эффективность управления экономическими системами [6, 146].

Период смены технологических укладов (ТУ) открывает возможность активной интеграции ИИ-агентов в государственную систему управления и будет способствовать качественному принятию решений и оптимизации административных процедур.

Регулирование и интеграция технологий в существующие экономические процессы во многом зависят от процедуры включения ИИ-агентов. Применение ИИ должно исходить из сочетания технологических инноваций, нормативно-правовой базы и стратегий управления рисками, способствуя экономическому росту и повышению конкурентоспособности фирм. Таким образом, сбалансированное внедрение ИИ-агентов в экономику открывает значительные перспективы, обеспечивая инновационное развитие и устойчивую цифровую трансформацию в глобальном масштабе.

Литература

1. Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. 340 с.
2. Гудфеллоу И., Бенджио Й., Курвилль А. Глубокое обучение. СПб.: Питер, 2018. 652 с.
3. Каплан Я. Коммуникация в предпринимательской деятельности: использование искусственного интеллекта // Коммуникология. 2023. Т. 11. № 2. С. 139—149.
4. Недзвецкая Н.П. Цифровая экономика как отражение новой хозяйственной реальности // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 89—97.
5. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: Современный подход. 4-е изд. М.: Пирсон, 2020. 1408 с.
6. Современное государственное управление / Под ред. С.Ю. Глазьева, С.Д. Бодрунова. М.: КРАСАНД, 2025. 608 с.
7. Шталь Б.К., Бернд К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта: Кейсы и варианты решения этических проблем / Пер. с англ. И. Кушнарева. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2024. 200 с.

References

1. Bodrunov S.D., Glaz'ev S.Ju. Zakonomernosti formirovaniya osnov noonomiki kak grjadushhego obshhestvennogo ustrojstva: znat' i dejstvovat'. SPb.: INIR im. S.Ju. Vitte; M.: Centrkatolog, 2023. 340 s.
2. Gudfellou I., Bendzhio J., Kurvill' A. Glubokoe obuchenie. SPb.: Piter, 2018. 652 s.
3. Kaplan Ja. Kommunikacija v predprinimatel'skoj dejatel'nosti: ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta // Kommunikologija. 2023. T. 11. № 2. S. 139—149.
4. Nedzvetskaya N.P. Digital economy as a reflection of the new economic reality // The philosophy of the economy. 2024. № 2. P. 89—97.
5. Rassel S., Norvig P. Iskusstvennyj intellekt: Sovremennyy podhod. 4-e izd. M.: Pirson, 2020. 1408 s.
6. Sovremennoe gosudarstvennoe upravlenie / Pod red. S.Ju. Glaz'eva, S.D. Bodrunova. M.: KRASAND, 2025. 608 s.
7. Stahl B.K., Bernd K., Schroeder D., Rodriguez R. Ethics of artificial intelligence: Cases and solutions to ethical problems / Trans. from Engl. I. Kushnareva. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. 200 p.

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

Особенности развития цифрового социума посредством распространения социальных сетей*

Аннотация. В статье акцентируется внимание на возможных последствиях вовлечения бóльшей части населения планеты в социальные сети и анализируются проблемные особенности этого явления. С момента своего возникновения социальные сети оказывают

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Недзвецкая Н.П. Особенности развития цифрового социума посредством распространения социальных сетей // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 80—87. DOI: 10.5281/zenodo.15698225.

сильнейшее воздействие на социум в современной реальности. Американские компании лидируют в распространении социальных сетей, поскольку США является научно-техническим лидером во всем мире. Но наибольшее количество пользователей после американских социальных сетей наблюдается на китайских платформах. Особенное беспокойство в данном контексте вызывает современное молодое поколение, которое все чаще воспринимает социальные сети главным источником информации.

Ключевые слова: цифровой социум, социальные сети, дигитализация, современная реальность, человеческий капитал.

Abstract. The article focuses on the possible consequences of the involvement of the majority of the world's population in social networks and analyzes the negative consequences of this phenomenon. Since their inception social networks have had a strong impact on society in modern reality. American companies are leading the way in social media adoption, which is not surprising given that the United States is a scientific and technological leader worldwide. But after American social media, Chinese platforms have the largest number of users. Of particular concern in this context is the modern young generation, which increasingly perceives social networks as the main source of information.

Keywords: digital society, social networks, digitalization, modern reality, human capital.

УДК 330
ББК 65

С момента своего возникновения более двадцати лет назад социальные сети оказывают сильнейшее воздействие на социум в современной реальности. В социальные сети уже вовлечена большая часть населения планеты, а именно 5 млрд человек [6, 33]. Четыре крупнейшие мировые социальные сети, ежемесячное число пользователей которыми превышает 2 млрд человек, были образованы в США, причем три из них созданы запрещенной в настоящее время в России компанией «Meta»: «Facebook», «WhatsApp», «Instagram», а разработчиком «YouTube» является компания «Alphabet Inc» [3]. Китайские компании уверенно занимают последующие две позиции со

своими очень популярными во всем мире социальными сетями: и «WeChat», и «TikTok» были созданы почти на десятилетие позже американских — в 2011 г. и 2016 г. соответственно.

Мировое научное сообщество обеспокоено зависимостью людей от данных информационных платформ, и в первую очередь вызывает особое внимание современное молодое поколение, которое все чаще воспринимает социальные сети главным источником информации. Этот показатель составляет, по последним социологическим опросам, 56% учащихся из 16 стран [4, 33].

Таблица 1

Социальные сети и их характеристики

Социальная сеть	Компания	Страна	Дата создания	Количество пользователей в месяц
Facebook	Meta	США	2004	3,070 млрд
YouTube	Alphabet Inc.	США	2005	2,504 млрд
WhatsApp	Meta	США	2009	2 млрд
Instagram	Meta	США	2010	2 млрд
TikTok	ByteDance	Китай	2016	1,582 млрд
WeChat	Tencent	Китай	2011	1,343 млрд
Messenger	Meta	США	2011	1,01 млрд
Telegram	Telegram	Ар. Эмираты	2013	1 млрд
LinkedIn	Microsoft	США	2003	930 млн

Источник: [3].

Данные таблицы 1 отражают период создания мощнейшей системы воздействия на умы людей, в первую очередь, со стороны США, которая начала свое функционирование еще в 2004 г. При этом распространение в мире социальных сетей привело к возникновению множества проблем, согласно оценкам ученых и общественно-политических деятелей:

- усилению поляризации социумов;
- неконтролируемому использованию личных данных пользователей для предоставления им персонализированного контента;
- количественной оценке влияния социальных сетей на человеческое мнение и поведение;
- управляемому формированию общественного мнения и возможности воздействия на ход политических выборов или реакцию на политические события;
- включению вирусных и негативных контентов и их воздействию на пользователей социальными сетями;
- углублению политических разногласий.

Но главной проблемой, касающейся каждого пользователя социальными сетями, является возможная дезинформация, которая была названа основной опасностью современности на Давосском форуме в прошлом году. Подобная дезинформация может внедряться сознательно в социальные сети через специально созданные алгоритмы или возникать случайно. Однако последствия этих феноменов страшны для человечества, потому что могут способствовать разжиганию геноцида, войн, политических кризисов, социальной агрессии в отдельно взятых странах или в мировом масштабе. Как правило, пользователи социальных сетей в основной своей массе никогда даже не задумываются, под какое влияние «опасных алгоритмов» они попадают, и с радостью выражают свое личное мнение, ставят лайки, размещают различные видео- и фотоматериалы на соответствующих интернет-платформах. Подобные лайки, репосты, комментарии, ретвиты и другие цифровые приемы создают иллюзию взаимодействия людей и создания социума единомышленников в интернет-пространстве. При этом пользоваться социальными сетями можно совершенно бесплатно и на разных языках, что, безусловно, привлекает людей простотой подключения и общения в них. Поэтому обычные среднестатистические пользователи социальных сетей, участвующие в формировании подобных онлайн-сообществ, превращаются в объект исследования, выполняя роль подопытных кроликов, и подвергаются совершенно незаметному управлению. Необходимо отметить, что в современных условиях нет массового внедрения соответствующих технологий, которые способны «просеивать» всю поступающую в социальные сети информацию, эффективно отделять истинно верные

данные от сфабрикованных ложных, уничтожая последние. На сегодняшний день научным специалистам в самых различных областях не удастся количественно измерить влияние подобных информационных платформ и оценить полезность того или иного контента для каждого пользователя социальными сетями.

Тот факт, что американские компании лидируют в распространении социальных сетей, не вызывает особого удивления, поскольку США являются научно-техническим лидером во всем мире. Но наибольшее количество пользователей после американских социальных сетей наблюдается на китайских платформах, и это теперь тоже закономерно. Хотя на рубеже 1980-х и 1990-х гг. в первых строчках любых статистических научно-технических показателей Китай никогда не фигурировал: первые места делили между собой США, Япония и Западная Европа. Теперь Китай уже борется за технологическое лидерство с США, оставив далеко позади всех остальных конкурентов, что вызывает большую озабоченность у Америки и европейских стран. Несмотря на прилив иностранных инвестиций из США и Евросоюза, Китай очень строго контролирует эти финансовые потоки и в значительной степени самостоятельно обеспечивает финансирование программ передовых технологий: 78% китайских инвестиций вложено в области биотехнологии и полупроводников, 77% — предназначено для дальнейшего развития технологий ИИ и 84% — направлено на создание системы квантовой информатики. По количеству инвестиционных проектов в китайской сфере высоких технологий США опережает Евросоюз более чем в 10 раз: на долю США за последние два десятилетия приходится 1602 проекта, а у Евросоюза насчитывается всего лишь 149 проектов, что вызывает большое недоумение специалистов [2].

Высокий потенциал Китая в сфере разработки и внедрения новейших технологий делает его значимым игроком для американских и европейских партнеров. Например, Франция является одной из первых европейских стран, которая дальновидно начала научно-техническое сотрудничество с Китаем еще в конце 1970-х гг., а в текущем десятилетии оно значительно активизировалось с целью проникновения французских компаний на масштабный китайский рынок и сохранения своих сильных позиций на мировой арене. Благодаря участию в совместных с Китаем НИОКР Франция получает возможность

привлекать высококвалифицированных китайских специалистов и изучать, а также испытывать новые технологии. Китай за последние десятилетия значительно упрочил свой научно-технический потенциал и превратился в независимого в экономическом и политическом отношениях партнера крупнейших стран мира. Мы наблюдаем, как еще совсем недавно Китай сам заимствовал и копировал зарубежные технологии, а теперь почти возглавляет технологическую гонку в мире.

Если проанализировать и сопоставить распределение долей мирового рынка генеративного ИИ различных регионов в процентном соотношении, то и в этой самой передовой области НТП лидирующую позицию занимают США и Канада, доля которых составила, по данным прошлого года, 41%. Затем следуют Европа и Азия, которые занимают в сфере генеративного ИИ значительные места, и их доли соответствуют 26 и 22%. Работа в области нейросетевых технологий в настоящее время, особенно генеративного ИИ, в ведущих в научно-техническом отношении странах осуществляется очень быстро и результативно. Страны Латинской Америки находятся на 4-м месте по данной проблематике, и всего в 3% оценивается рыночная доля региона Ближнего Востока и Африки [1]. Это абсолютно закономерная экономическая ситуация, поскольку дальнейшее расширение сферы технологий генеративного ИИ, который быстро проникает во все области человеческой деятельности, требует дальнейших колоссальных финансовых вложений, которые могут позволить себе только наиболее развитые мировые державы.

Что же можно предпринять в сложившейся ситуации и как уберечь человека от негативных воздействий социальных сетей? На наш взгляд, может быть применены как технологические барьеры информационной «чистки» интернет-пространства, так и воспитательно-разъяснительная работа среди населения. Кроме того, необходимо развитие юридической ответственности разработчиков социальных сетей. Однако главным ресурсом противодействия опасным технологиям хотелось бы назвать повышение качества образования и развитие аналитических и творческих навыков, в первую очередь, у подрастающего поколения, которое, условно говоря, уже родилось в социальных сетях. Данные таблицы 2 демонстрируют расходы на образование в различных регионах мира за период 2021—2023 гг.

Таблица 2

Расходы на образование в различных странах мира

Расходы на образование			
Страна	% ВВП	Млрд долл. США	Год
США	5,44	1414,78	2022
Франция	5,4304	151,83	2021
Германия	4,5439	189,21	2022
Китай	4,0236	719,5	2022
Индия	4,1207	138,17	2022
Бразилия	5,497	107,3	2021
Япония	3,2376	137,79	2022
Южная Африка	6,1484	25,02	2023
Россия	4,054	91,86	2022
Италия	4,2183	87,19	2021

Источник: составлено автором по зарубежным материалам [5; 7].

Первое место в мире по годовым расходам на образование занимают США, и этим можно объяснить научно-техническое лидерство этой страны. В два раза меньше тратит на образование Китай, за которым следуют Германия, Франция и Япония по данному показателю. А если попытаться заглянуть в будущее и оценить, каков будет следующий этап развития НТП и что ждет человечество, то станет очевидным, что одним из наиболее перспективных направлений текущего этапа цифровизации является процесс создания квантового компьютера, который благодаря беспрецедентным вычислительным возможностям может привести к новой научно-технической революции, и не только в информационной среде. Квантовые компьютеры не рассматриваются простым замещением обычных компьютеров, это будет совершенно новый уровень компьютеризации в мире. В настоящее время в процессе создания квантовых компьютеров лидируют США, а последующие места занимают Канада, Великобритания и Франция. В 2022 г. правительство Э. Макрона выделило 1,8 млрд

евро для научно-технических работ по созданию квантового компьютера сроком на пять лет [4, 38]. В этой сфере Франция считает себя значительно конкурентоспособней, чем США и Китай. Прогнозируется использование квантовых компьютеров при проведении фундаментальных исследований, в астрофизике, медицине, финансовой сфере, криптографии, промышленности и сельском хозяйстве, в энергетических отраслях, в управлении автомобильным транспортом, метеорологической службе и, конечно, в технологиях ИИ. Специалисты уже говорят о возможном наступлении в скором будущем квантовой эры, которая откроет совершенно новые горизонты для развития человечества.

Литература

1. Generative AI Statistics 2024 AIPRM: URL: <https://www.aiprm.com/generative-ai-statistics> (дата обращения: 21.03.2025).
2. Haute technologie: les États-Unis et l'UE ont-ils aidé la Chine à décoller?: URL: <https://www.ifri.org/fr/presse-contenus-repris-sur-le-site/haute-technologie-les-etats-unis-et-lue-ont-ils-aide-la-chine> (дата обращения: 12.03.2025).
3. List of Social Platforms with at least 100 million Active Users: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_social_platforms_with_at_least_100_million_active_users (дата обращения: 10.04.2025).
4. L'ordinateur Quantique: C'est pour Quand? // Destination Science. 2022. № 14. P. 28—39.
5. Macrotrends. U.S. GDP: URL: https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/usa/united-states/gdp-gross-domestic-product?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.05.2025).
6. Réseaux sociaux et Polarisation: les Débats? // Epsilon. Nouvel Magazine Scientifique d'Actualité. 2024. № 39. P. 32—38.
7. Trading Economics. United States – Public Spending on Education: URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/public-spending-on-education-total-percent-of-gdp-wb-data.html> (дата обращения: 17.05.2025).

М. КАМАРА

Нейромаркетинг как новая технология воздействия на потребительское поведение*

Аннотация. В данной статье первостепенное внимание уделяется рассмотрению сущности и определению нейромаркетинга как нового направления маркетинга. Целью статьи является исследование воздействия нейромаркетинга на потребительское поведение. Раскрыты методы и инструменты, которые используются для определения отношения покупателей к продукции и бренду. Рассмотрено воздействие технологии нейромаркетинга на выбор потребителей при совершении покупок, а также его потенциальные преимущества и недостатки. Приведены примеры применения нейромаркетинга в различных компаниях и на предприятиях для изучения поведения потребителей и выявления их предпочтений, чтобы совершенствовать качество маркетинговых стимулов, предлагать покупателям товары и услуги, которые удовлетворяют их потребностям, что, в свою очередь, позволяет увеличивать прибыль компаний.

Ключевые слова: нейромаркетинг, потребитель, воздействие, товар, подсознание.

Abstract. This article primarily focuses on examining the essence and definition of neuromarketing as a new direction in marketing, as well as describing some literatures on this research topic. The aim of the article is to investigate the impact of neuromarketing on consumer behavior. The methods and tools used to determine consumers' attitudes towards products and brands are revealed. The influence of this technology on consumer choices during purchases is considered, along with the potential advantages and disadvantages inherent in this fledgling, modern, and promising technology. Additionally, examples of the application of neuromarketing in various companies and enterprises are provided to study consumer's behavior and determine their preferences to improve the quality of marketing stimuli, offer them desired products, and effectively meet their needs, which in turn allows companies to increase their profits.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Камара М. Нейромаркетинг как новая технология воздействия на потребительское поведение // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 88—100. DOI: 10.5281/zenodo.15698245.

Keywords: neuromarketing, consumer, impact, product, subconscious.

УДК 339.13
ББК 65.05

Актуальность темы подчеркивается интенсификацией конкурентной борьбы на рынке, избыточным количеством предложений, растущим присутствием бизнеса в офлайн и онлайн-пространствах, а также колебаниями и выборочностью предпочтений потребителей. Данная технология выступает как революционный подход, позволяющий заглянуть за кулисы человеческого сознания и понять, что действительно привлекает нас к тому или иному продукту, выявить предпочтения потребителей.

Литература по нейромаркетингу значительно расширилась за последние несколько десятилетий благодаря вкладу различных исследователей и практиков. Видная фигура в этой области — Але Смитс, профессор Роттердамской школы менеджмента, Университет Эразма. Он известен тем, что ввел термин «нейромаркетинг» и провел обширные исследования о том, как методы визуализации мозга могут быть применены в маркетинге. В последние десятилетия литература в области нейромаркетинга существенно обогатилась благодаря усилиям различных исследователей и практиков. Джеральд Зальтман — один из пионеров концепции нейромаркетинга — ввел идею о том, что значительная часть потребительских решений принимается на подсознательном уровне. Его работа подчеркивала важность понимания этих подсознательных процессов для улучшения маркетинговых стратегий. Нейробиолог Рид Монтегю, известный своей работой над исследованием «Pepsi Challenge», также продемонстрировал своим исследованием, как знание бренда может влиять на предпочтения потребителей, показывая, что восприятие бренда может изменять активность мозга. Мартин Линдстром тоже внес свой вклад в это направление в книге «Buyology». Он показал, как нейронаука может раскрыть скрытые движущие силы потребительского поведения, проводя различные исследования с использованием сканирования мозга, чтобы понять, как разные маркетинговые тактики влияют на мозг [8; 9; 12].

Нейромаркетинг — понятие, сочетающее слова «нейробиология» (наука об устройстве, функционировании и развитии нервной системы) и «маркетинг» (охватывает все этапы плана по превращению потенциального потребителя в счастливого и довольного и включает в себя все процессы — от изучения рынка до рекламы). Оно предполагает измерение физиологической и мозговой активности для понимания поведения потребителей. «Harvard Business Review» сообщает, что нейромаркетинг можно использовать в маркетинговых исследованиях, чтобы лучше понять, что предпочитают потребители, что их мотивирует и даже может помочь маркетологам понять, почему потребители принимают те или иные решения. Он может помочь маркетологам лучше понять, как разрабатывать, оценивать, рекламировать товары и даже больше — влиять на потребителей, а также позволяет получать данные непосредственно из мозга потребителя, из области подсознания. Данная междисциплинарная область также может показать, как внимание и память влияют на решения о покупке. Определив, какие элементы рекламы привлекают внимание и с большей вероятностью запоминаются, маркетологи могут оптимизировать свой контент, чтобы повысить запоминаемость и узнаваемость бренда [10; 15; 16].

Как одна из самых молодых и современных ветвей маркетинга, нейромаркетинг занимается изучением скрытых критериев, определяющих предпочтения потребителей, тем самым бросая вызов теории Адама Смита, основателя классической экономической теории. Он настаивал на том, что при сделках покупатели всегда принимают решения только на основе рациональности. Нейромаркетинг ставит под сомнение это убеждение. По Адаму Смиту, потребители движимы лишь собственным интересом, но в 1979 г. американским психологом Даниэлем Канеманом была разработана теория перспектив, демонстрирующая процесс принятия решения в контексте экономических нестабильностей и опровергающая позиции Смита [1; 2]. С этого времени были начаты исследования в области нейронауки, которые позже стали важной частью процесса формирования и реализации рекламных стратегий. Возникнув в 1990-х гг. в Гарвардском университете, концепция нейромаркетинга выделяется своим сочетанием классического маркетинга, экономики потребления, нейрофизиологии и психологии. Это междисциплинарное синтезирование обеспечивает особые преимущества. «Coca-Cola» стала пионером

в проведении первых экспериментов по концепции нейромаркетинга, применяя методы сканирования мозга с помощью МРТ. Данные исследований свидетельствуют о том, что участники были гораздо более склонны выбирать напитки с брендом «Coca-Cola» в отличие от напитков с брендом «Pepsi». Кроме того, когда испытуемые ожидали колу, наблюдалась заметная активация областей мозга, участвующих в памяти о бренде и определении предпочтений (гиппокамп и префронтальная кора). Это явление известно как «маркетинговое плацебо» — определение подчеркивает мощное влияние, которое бренд может оказать на его восприятие [3; 4, 71; 14]. Так, было показано, что эмоции, вызываемые продуктом, могут превосходить его вкусовые качества.

Необходимо помнить о таких ясных, детализированных и доступных инструментах, как реклама: в настоящее время специалисты в области рекламы и маркетинга продвинулись далеко за пределы простых предложений для потребителя. На данный момент концепция нейромаркетинга воздействует даже на такие сферы, как кино и дизайн рабочих пространств. В будущем, по мнению экспертов, все секторы в какой-то мере будут интегрировать нейроисследования для улучшения своей деятельности. Самые влиятельные бренды уже располагают экспериментальными лабораториями, разрабатывающими оптимальные методы влияния через рекламу, упаковку и другие средства. Благодаря исследованию, проведенному компанией «Frito Lay», стало возможно создавать отличительный и узнаваемый упаковочный материал для чипсов «Lay's», который идентифицируют миллионы потребителей. Этот эксперимент продемонстрировал, что матовые естественные цвета и изображения натуральных продуктов не стимулируют аппетит и, следовательно, не побуждают к покупке. Исследование привело к разработке нового универсального дизайна для «Lay's»: упаковочному материалу, который привлекает внимание своей яркостью и аппетитными чипсами с множеством вкусов [7; 13].

Заметим, что маркетинговые стратегии, направленные на стимуляцию органов чувств, эффективно влияют на покупателей, поскольку они ненавязчиво напоминают о продукте, обходя сознательное восприятие и воздействуя непосредственно через сенсорные точки. Например, кондитерские и кофейни часто оставляют окна открытыми, чтобы прохожие могли уловить аромат свежей выпечки

или кофе, что побуждает их зайти и сделать покупку, даже если они не испытывают голода. Запах кофе может пробудить приятные детские воспоминания, а аромат выпечки напомнить о пропущенном обеде [2].

Многие бизнесмены интуитивно применяли методы нейромаркетинга задолго до того, как осознали их суть, что подчеркивает актуальность этого подхода в наше время. В данных примерах маркетологи делают упор на влияние предлагаемого на органы чувств (зрение, обоняние), вкусовые ощущения, а также на ассоциативные компоненты. Влияние на клиентов чаще всего осуществляется посредством органов чувств и привлекательности, которая складывается из положительных ассоциаций с продуктом [7]. В реальной практике обычно задействуют следующие стимулы, относящиеся к нейромаркетингу.

1. *Эффект ореола*, часто используемый в рекламе автомобилей, также известный как эффект славы, например, когда длинноногие модели участвуют в съемках в рекламе или когда новые лекарства представляют популярные певцы. Это связано не с дефицитом желающих, а является результатом применения нейромаркетинговых стратегий. Люди, как правило, испытывают симпатию и доверие к тем, кто имеет привлекательную внешность и обладает авторитетом. В рамках одного эксперимента студентам предложили оценить эссе, написанные их сверстниками из другой группы. Работы варьировались от очень хороших до явно слабых. Студентам также предоставили фотографии авторов этих эссе. Результаты показали, что авторы с приятной внешностью получали заметно более высокие оценки, даже если их эссе были некачественными.

2. *Страх потери*, когда клиенты стараются избегать непродуманных рисков. Д. Канеман и А. Тверски обнаружили, что люди решаются рисковать в азартных играх только тогда, когда ожидаемый выигрыш намного больше вероятных потерь. Независимо от уровня дохода как состоятельные, так и малоимущие не стремятся вступать в спекулятивные сделки с большой вероятностью провала. Это указывает на то, что в маркетинге акцент следует делать на положительные сведения и экспертные отзывы, чтобы уменьшить тревогу клиентов и развеять их предвзятость.

3. *Сравнение* — покажем на примере. Рассматривая витрину с тремя блузками, клиентка обращает внимание на то, что одна стоит

очень дорого, другая — средней цены, но ближе к дорогой категории, а третья — совсем дешевая. Выбор в пользу второй создаст у клиентки чувство того, что она сделала удачный выбор, получив высококачественную блузку по разумной цене.

4. *Фрейминг*, представляющий собой когнитивное искажение, когда восприятие человеком информации варьируется в зависимости от формы ее представления, активно эксплуатируется в политической и журналистской практике. Каждую ситуацию можно трактовать с разных точек зрения, опираясь на собственные чувства и убеждения, которые необходимо передать клиенту. Особенность продукта или услуги определяет селекцию между позитивным и негативным фреймингом. Например, страховые агенты зачастую акцентируют внимание на статистике, чтобы вызвать у клиентов тревожные чувства.

Маркетинг вышел на новый уровень благодаря инновационному подходу, который фокусируется на изучении мозга покупателя, обходя сознательные барьеры. Существует множество методов, позволяющих выявить подсознательное восприятие продукции, бренда, дизайна и рекламы. Эти передовые технологии и методы дают возможность глубже понять потребителей, их нужды, предпочтения и даже антипатии, что помогает компаниям создавать более действенные маркетинговые стратегии и увеличивать объемы продаж. Развитие и удешевление технологий визуализации мозга, таких как функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) и электроэнцефалография (ЭЭГ), играют ключевую роль в прогрессе нейромаркетинга. Наши привычки как покупателя зависят от работы мозга, который нуждается в большом количестве энергии для полноценной работы. Хотя мозг занимает лишь 2% от общей массы тела, его энергопотребление достигает почти пятой части всей энергии человека. Множество ежедневных функций контролируется им без осознания человеком. По мнению Джеральда Залтмана, профессора маркетинга из Гарварда, около 95% наших мыслей и эмоций, а также процесс обучения протекают бессознательно. Залтман не единственный, кто работает с такими данными: «правило 95%» широко применяется большинством нейроисследователей для оценки подсознательной активности мозга. В своей книге «Мозг-покупатель» А. Прэдип даже указывает более высокий показатель — 99,999%, в то время как некоторые считают, что мы рационально используем лишь 20% нашего

мозга. Хотя точно определить долю подсознательной активности сложно, все нейроисследователи сходятся во мнении, что она весьма значительна [11; 15].

В соответствии с данными определениями можно сказать, что монейромаркетинг опирается на нейробиологию. Ее принципы, методы и инструменты исследования лежат в основе нейромаркетинга. Инструменты исследования в нейромаркетинге можно разбить на три категории.

1. Психофизические устройства — они фиксируют реакции тела покупателя, и отображают изменения в неврологических функциях. К ним относятся [6]:

- кожно-гальваническая реакция — температура кожи оценивается с использованием гальванометра, который фиксирует изменения в проводимости кожи; эти изменения связаны с активностью потовых желез и зависят от эмоционального состояния или уровня влажности кожи;
- пульс — этот метод применяется для фиксации активности периферических сосудов кровеносной системы; частота сердечных сокращений изменяется в зависимости от эмоционального состояния: при усилении переживаний у человека учащается сердцебиение и повышается кровяное давление;
- язык тела — исследование заметных биологических реакций потребителя на оцениваемый объект или влияние представляет собой разновидность рефлекса, который относится к невербальной коммуникации; эти реакции проявляются как осознанно, так и неосознанно, в основном через жесты, позы, мимику и другие формы выразительных движений;
- окулография — применяет инфракрасный свет для отслеживания и записи движений глаз покупателя, определяя положение зрачков; трекеры создают базу данных, отражающую реакции, характер перемещения взгляда и концентрацию внимания на продукте;
- частота дыхания — когда человек испытывает сильные эмоции, его дыхание учащается — это изменение может быть подтверждено различными методами: один из самых простых заключается в том, чтобы обернуть вокруг талии или груди испытуемого сантиметр и измерить, как изменяется окружность груди при дыхании — если в процессе использования продукта у потребителя

наблюдается учащение дыхания, это может свидетельствовать о том, что продукт пробуждает в нем определенные положительные или отрицательные чувства;

- кодирование лицевых выражений — фиксирует и регистрирует как на осознанные, так и на неосознанные движения мышц лица; эти движения, которые не видны невооруженным глазом, можно изучать с помощью доступной и технологии — электроды, размещенные на лице человека, позволяют не только отслеживать мышечную активность, но и определять различные виды эмоций, которые они вызывают.

2. Устройства, фиксирующие электрические импульсы мозга обнаруживают и отслеживают трансформации в неврологических функциях, происходящие в миллисекундные промежутки времени [5; 6; 15]:

- ЭЭГ (электроэнцефалография) — оценивает перемены электрических полей мозга, фиксируя электрические сигналы с разной частотой и амплитудой; эти сигналы считываются с помощью электродов, размещенных на поверхности кожи головы;

- магнитная энцефалография — данный метод не фиксирует электрическую активность, а регистрирует магнитное поле, создаваемое нейронной активностью в мозге, он точно выявляет, на какой стадии обработки информации у потребителей появляются эмоциональные и когнитивные реакции, такая детализация помогает глубже понять, каким образом рекламные материалы, упаковка или продукт пробуждают эмоциональные отклики и как эти отклики влияют на процесс принятия решений о покупке;

- ТСС (топография стационарного состояния) — применяется, чтобы оценить уровень эмоциональной вовлеченности, т. е. насколько испытуемые проявляют интерес к тому, на что они смотрят; уровень памяти (выявить, проникает ли в долговременную память то, на что они смотрят), а также измерить, что их привлекает или отталкивает.

3. Приборы изучают мозговую метаболическую активность, дают возможность осуществлять пространственные размеры с высокой точностью, а также могут фиксировать активность в конкретных мозговых структурах [5; 6; 15]:

- ФМРТ (функциональная магнитно-резонансная томография), которая задействует мощные магнитные поля, чтобы наблюдать модификацию в мозговом кровотоке, что позволяет фиксировать электромагнитную активность; результаты прибора дают возможность маркетологам разобраться в различных аспектах, включая цвет, упаковку и дизайн, которые вызывают положительную или отрицательную реакцию у потребителей;

- ПЭТ (позитронно-эмиссионная томография) — считается одним из полезных методов анализа поведения потребителей, который позволяет производить изображения мозга и фиксировать эмиссии от позитронных испарений, представляющих крошечные атомные частицы, которые испускают радиоактивное вещество; ПЭТ позволяет четко зафиксировать участок или область мозга, в которую попадают питательные вещества — чтобы совершенствовать получение данных, одновременно применяются приборы разных групп [17].

Несмотря на то, что данная технология предлагает мощные инструменты для изучения поведения потребителей, она обладает преимуществами и недостатками, которые необходимо принять во внимание перед применением.

К преимуществам можно отнести следующие.

1. Более глубокие инсайты: нейромаркетинг способствует глубже разобраться в потребительских предпочтениях и процессах принятия решений, непосредственно измеряя активность мозга и физиологические реакции.

2. Определение неосознанных реакций: позволяет обнаружить бессознательные реакции, которые традиционные методы исследования не могут выявить, раскрывая более полную картину того, как ведут себя клиенты.

3. Оптимизация маркетинговых стратегий: разбираясь, как покупатели (анализируя и/или чувственно) реагируют на инструменты стимулирования продаж (упаковки, дизайн, цвет, цены, бренды и проч.), организации могут формировать более привлекательные рекламные кампании и маркетинговые подходы, чтобы получать больше денег из своих продаж и улучшить свое финансовое положение.

4. Оптимизированный процесс создания продуктов: полученные дедукции из нейромаркетинговых исследований могут инфор-

мировать о дизайне и разработке продуктов, которые могут обеспечивать более успешное соответствие нуждам и предпочтениям или антипатиям потребителей.

5. Минимизация вероятности провала: исследуя маркетинговые стимулы и сами товары до их введения на рынок, компании могут сократить шансы на провал и оптимизировать свои предложения, опираясь на данные исследований.

К ограничениям нейромаркетинга относятся следующие.

1. Этические дилеммы: возникают моральные проблемы по поводу защиты личных данных потребителей и возможного влияния на их поведение, нейромаркетинг может казаться вмешательством в личную жизнь. присутствует риск проведения исследований без адекватного этического надзора или без одобрения участников.

2. Высокая стоимость: нейромаркетинговые исследования высокочрезмерно затратны, что делает их более лимитированными для малых предприятий.

3. Комплексность: результаты исследования трудно интерпретировать, требуются экспертные компетенции для качественного формулирования заключений.

4. Лимитированный охват: несмотря на то что данная междисциплинарная область раскрывает значимые наблюдения, она может не учитывать все аспекты, такие как культурные и социальные, влияющие на образ действий потребителей.

Несмотря на способность технологии нейромаркетинга глубже разобраться в потребительских предпочтениях и процессах принятия решений, которые могут оптимизировать формирование более привлекательных маркетинговых подходов и товаров, она весьма высокочрезмерно затратна и вызывает моральные дилеммы.

В итоге можем отметить, что нейромаркетинг — современная область знаний и один из самых многообещающих разделов маркетинга, применимый в разнообразных секторах. Хотя технология нейромаркетинга использует успешные приборы для изучения потребительского поведения, она также ассоциируется с неоднозначностью интерпретации результатов и этическими дилеммами. Эти диапазоны заслуживают особого анализа перед внедрением нейромаркетинга в маркетинговые исследования, чтобы уравновесить его преимущества и ограничения.

Литература

1. *Быкова А.Д.* Влияние нейромаркетинга на потребительский выбор: URL: <https://moluch.ru/archive/449/98763/> (дата обращения: 25.02.2025).
2. *Грошева Е.С.* Современные методы воздействия на потребителя и использование главных триггеров в нейромаркетинге / Е.С. Грошева, С.И. Дмитриенко // *Парадигма*. 2022. № 2—1. С. 19—22.
3. *Имамвердиева М.И.* Нейромаркетинг как способ влияния на подсознание потребителей // *Наука и инновации XXI века: Сборник статей по материалам V Всероссийской конференции молодых ученых: В 3 т.* Сургут, 30 ноября 2018 г. Сургут: Сургутский государственный университет, 2018. С. 34—37.
4. *Льюис Д.* Нейромаркетинг в действии. Как проникнуть в мозг покупателя / Пер. с англ. М. Мацковской. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 304 с.
5. *Идрисова Б.И.* Нейромаркетинг как инструмент управления потребителем: URL: <https://moluch.ru/archive/552/120960/> (дата обращения: 08.02.2025).
6. Нейромаркетинг: мифы, реальные цели и ловушки: URL: <https://www.marketing.spb.ru/Libra/round/science/neuromarketing.htm?ysclid=m7rijyo48y166909032> (дата обращения: 24.02.2025).
7. Нейромаркетинг: современный подход в классическом маркетинге: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neuromarketing-sovremennyy-podhod-v-klassicheskom-marketinge/viewer> (дата обращения: 03.02.2025).
8. *Самоткан К.* Нейромаркетинг, или как завладеть мозгом покупателя // *Психологический журнал*. 2016. Т. 48. № 2. С. 13—22.
9. *Фарахутдинов Ш.Ф., Панова А.В.* Сложности и перспективы развития нейромаркетинговых исследований // *Социология*. 2019. № 4. С. 74—86.
10. *Ярош О.Б.* Поведение потребителя: методы и алгоритмы нейромаркетинга // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 6 (119). С. 688—695.
11. Brainfluence_ 100 Ways to Persuade and Convince Consumers with Neuromarketing: URL: <https://www.academia.edu/68106474/> (дата обращения: 03.02.2025).

12. Buyology: Truth and Lies About Why We Buy: URL: <https://oceanofpdf.com/authors/martin-lindstrom/pdf-buyology-truth-and-lies-about-why-we-buy-and-the-new-science-of-desire-download-87890776190/> (дата обращения: 25.02.2025).
13. Caron G. Design et comportements d'achats, 2002. URL: <https://www.admirabledesign.com/2002/01/01/design-et-comportements-dachats/> (дата обращения: 03.02.2025).
14. McClure S.M. et al. Neural correlates of behavioral preference for culturally familiar drinks // *Neuron*. 2004. No. 44 (2). P. 379—387.
15. Morin C. Neuromarketing: The new science of consumer behavior // Symposium: Consumer Culture in Global Perspective. 2011. No. 48. P. 131—135. DOI: 10.1007/s12115-010-9408-1.
16. Neuromarketing and the Future of Marketing Research: URL: <https://futureofmarketinginstitute.com/neuromarketing-and-the-future-of-marketing-research/> (дата обращения: 03.02.2025).
17. Neuromarketing: the new science of consumer behavior: URL: <https://faculty.ksu.edu.sa/sites/default/files/neuromarketing.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

References

1. Bykova A.D. Vliyanie nejromarketinga na potrebitel'skij vybor: URL: <https://moluch.ru/archive/449/98763/> (data obrashcheniya: 25.02.2025).
2. Grosheva E.S. Sovremennye metody vozdeystviya na potrebitelya i ispol'zovanie glavnykh triggerov v nejromarketinge / E.S. Grosheva, S.I. Dmitrienko // *Paradigma*. 2022. № 2—1. S. 19—22.
3. Imamverdieva M.I. Nejromarketing kak sposob vliyaniya na podsoznanie potrebitelej // *Nauka i innovacii XXI veka: Sbornik statej po materialam V Vserossijskoj konferencii molodyh uchenyh: V 3 t. Surgut, 30 noyabrya 2018 g.* Surgut: Surgutskij gosudarstvennyj universitet, 2018. S. 34—37.
4. L'yuis D. Nejromarketing v dejstvii. Kak proniknut' v mozg pokupatelya / Per. s angl. M. Mackovskoj. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 304 s.
5. Idrisova B.I. Nejromarketing kak instrument upravleniya potrebitel'skim povedeniem: URL: <https://moluch.ru/archive/552/120960/> (data obrashcheniya: 08.02.2025).

6. Nejromarketing: mify, real'nye celi i lovushki: URL: https://www.marketing.spb.ru/Libra_round/science/neuromarketing.htm?ysclid=m7rijyo48y166909032 (data obrashcheniya: 24.02.2025).
7. Nejromarketing: sovremennyy podhod v klassicheskom marketinge: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyromarketing-sovremennyy-podhod-v-klassicheskom-marketinge/viewer> (data obrashcheniya: 03.02.2025).
8. *Samotkan K.* Nejromarketing, ili kak zavladet' mozgom pokupatelya // *Psihologicheskij zhurnal*. 2016. T. 48. № 2. S. 13—22.
9. *Farahutdinov SH.F., Panova A.V.* Slozhnosti i perspektivy razvitiya nejromarketingovyh issledovanij // *Sociologiya*. 2019. № 4. S. 74—86.
10. *YArosh O.B.* Povedenie potrebitelya: metody i algoritmy nejromarketinga // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2020. № 6 (119). S. 688—695.

В.П. ЗОЛОТАРЕВА

**Типологизация национальных моделей
«догоняющей модернизации»***

Аннотация. Статья посвящена историко-экономическому исследованию стран первой волны «догоняющей модернизации», охватившей хронологический период со второй половины XIX в. до 1914 г. На основе анализа мировых хозяйственных процессов в период становления индустриальных экономик сформулированы основные критерии стран «догоняющей модернизации». Перечислены основные подходы к структурированию стран «догоняющей модернизации» и отмечена приоритетность национально-исторического подхода. Особое внимание уделено странам, успешно решившим приоритетные задачи модернизационного периода. Приведена автор-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Золотарева В.П. Типологизация национальных моделей «догоняющей модернизации» // *Философия хозяйства*. 2025. № 4. С. 100—110. DOI: 10.5281/zenodo.1569825.

ская типологизация национальных моделей «догоняющей модернизации». Выявлены и охарактеризованы общие черты и особенности каждой группы, которые следовали той или иной модели развития.

Ключевые слова: «догоняющая модернизация», национальные модели, историко-экономический подход.

Abstract. The article is devoted to the study of the countries of the first wave of «catching-up modernization». The chronological period of the study is from the second half of the 19th century to 1914. The analysis of global economic processes in the period of the formation of industrial economies is carried out. Based on it, the main criteria of the countries of «catching up modernization» are formulated. The main approaches to structuring the countries of «catching up modernization» are listed. The author notes the priority of the national historical approach. Special attention is paid to the countries that have successfully solved the priority tasks of the modernization period. The author's typologization of national models of «catching-up modernization» is given. The common features and peculiarities of each group are identified and characterized.

Keywords: «catching up modernization», national models, historical and economic approach.

УДК 338(091)
ББК 65.03

Введение

Повышенный интерес к национальным особенностям развития экономик, диктуемый курсом на многополярный мир, усиливает необходимость историко-экономических исследований, позволяющих на достаточно длительном хронологическом отрезке времени выявить присущие им закономерности.

Одним из переломных этапов в истории многих стран стал период «догоняющей модернизации», изучение которого выявило наличие значительного количества работ зарубежных и отечественных исследователей [6]. Однако большинство из них рассматривают различные аспекты модернизационного процесса, не фокусируясь на создании целостной картины вариантов «догоняющей модернизации», в том числе для периода второй половины XIX — 1914 г.

Данный этап имеет огромное значение для познания истории мировой экономики, так как он в значительной степени предопределил траекторию мирового развития на многие десятилетия вперед. Неполная его изученность в рамках темы «догоняющей модернизации» обостряет проблему разработки фундаментальных теоретических положений, лежащих в основе модернизационных процессов. Здесь необходимо обобщение хозяйственного опыта, в том числе при помощи проведения сравнительного страноведческого анализа.

Целями исследования являются попытка расширить представление о странах первой волны «догоняющей модернизации», успешно решивших приоритетные задачи данного периода, и их типологизация в зависимости от особенностей протекания модернизационного процесса.

Подходы к структурированию стран «догоняющей модернизации»

«Догоняющая модернизация» представляет собой вариант догоняющего развития стран, в основе которого лежит индустриальное изменение технологического базиса в различных сферах (промышленность, сельское хозяйство, транспорт). Масштабность ее реализации, затронувшей все континенты, и многообразие путей достижения цели обусловили интерес к поиску общего и особенного, присущего данному процессу.

К числу общих черт, отражающих сущностную характеристику процесса «догоняющей модернизации», следует отнести:

- «мобилизационность, априори присущую данному процессу в силу его неэволюционности;
- системность, подчеркивающую многоаспектность трансформации социально-экономических процессов;
- национальную специфику, проявившуюся в формировании различных типов модели “догоняющей модернизации”» [5, 362].

Среди основных подходов структурирования стран «догоняющей модернизации» выделяют следующее.

Хронологический подход, отражающий временной промежуток прохождения процесса «догоняющей модернизации» (страны «первой», «второй» и «третьей» волны). Классификация с позиции данного подхода обусловлена проявлением резкой дифференциации

стран по экономическому развитию и обострением конкуренции на мировой арене — «первая волна»; экономическим самоопределением в рамках мирового хозяйства — «вторая волна»; попыткой определить и занять свою нишу в мировой экономике (передел мирового рынка) — «третья волна». Необходимо подчеркнуть, что хронологический период протекания модернизационных процессов накладывает на них свой отпечаток, так как условия и факторы влияния, как эндогенные, так и экзогенные, отличаются.

Континентальный подход: европейские модели (Германия, Австро-Венгрия, Дания, Норвегия), азиатские модели (Япония, Китай, Индия, Корея), американские модели (США, Канада, Аргентина), евразийская модель (Россия, Османская империя), австралийская модель (Австралия). Континентальный подход подчеркивает зависимость проходящих модернизационных процессов от особенностей их природно-ресурсного потенциала.

«Национально-исторический подход, связанный со страновыми особенностями политического и экономического становления индустриальных хозяйственных систем» [5, 362].

Данный подход позволяет выделить и сгруппировать страны «догоняющей модернизации». Здесь, в частности, выделяют:

- страны «переселенческого капитализма» (США, Канада, Аргентина);
- страны «новой государственности» (Германия, Австро-Венгрия)» [5, 362];
- «имперские» страны (Российская империя, Япония);
- «малые» западноевропейские страны (Дания, Норвегия);
- «страны колониального капитализма» (Австралия, Индия).

Характеристика основных групп стран «догоняющей модернизации»

Кроме того, что каждая из рассматриваемых стран продемонстрировала особенности прохождения модернизационных преобразований, им были присущи и признаки, позволяющие их сгруппировать. Так, странам «переселенческого капитализма» был присущ перенос на новые территории мирового опыта хозяйственного развития, техники и технологий, инвестиционных и человеческих ресур-

сов, в связи с отсутствием там зрелых рыночных отношений и слабым индустриальным развитием. Кроме того, для таких стран, как США и Канада, был характерен внутренний «экспорт капитализма» [1; 20].

В Канаде экономическим ядром явилась первоначальная территория доминиона, прежде всего провинции Онтарио и Квебек. Однако затем процесс «догоняющей модернизации» стал сопровождаться интенсивным развитием вширь за счет втягивания районов к западу от Великих озер. Внутренний «экспорт капитализма» придал мощный импульс крупному железнодорожному строительству. Важным фактором «догоняющей модернизации» стал иностранный капитал, среди которого преобладали британские капиталовложения [19, 96].

Отметим, что не только ускоренное промышленное развитие, но индустриальное развитие аграрной экономики было присуще странам «переселенческого капитализма». Ярким примером является Аргентина, успешное развитие сельского хозяйства которой способствовало модернизации промышленности и других сфер экономики [11].

В странах «новой государственности» модернизационные процессы проходили на фоне создания единой хозяйственной системы. Для них актуальными были задача встраивания в нее не только новых, но и традиционных отраслей промышленности, а также решение проблемы выравнивания уровня развития различных территорий в рамках единого государства. В Германии военно-промышленный комплекс послужил драйвером «догоняющей модернизации» и способствовал ее быстрому превращению в передовую индустриальную державу [22, 188]. В Австро-Венгрии большое влияние оказал иностранный, в частности бельгийский, французский и особенно германского капитал [7; 13].

В «имперских странах» отсутствие первичных природно-ресурсных ограничений для многих из них и мощная поддержка государства повлияли на основные черты сформировавшейся модели. Государство проявляло себя сильным «институтом институтов» с ярко выраженным патернализмом и протекционизмом во внутренней экономической политике. Так, экономическая политика в России была направлена на радикальную ломку традиционного сектора экономики и ускорение индустриального развития [21; 2, 16]. «Анализ

масштабных модернизационных процессов, проходивших в России во второй половине XIX – начале XX века, позволяет увидеть в новом ракурсе современные проблемы экономического развития» [4, 168]. Особо следует выделить Японию, которая в условиях дефицита ресурсов смогла совершить прорыв в лидеры мировой экономики. Проводимая правительством политика активного частно-государственного взаимодействия позволила гармонично встроить элементы традиционного производства в современный сектор индустриальной экономики. Отличительными чертами Японии были постепенное снижение государственного вмешательства в экономику, а также опора на внутренние источники капиталов [3; 14].

Исследование процесса «догоняющей модернизации» «малых» стран Европы показало возможность ускорения «догоняющей модернизации» на базе использования национальных конкурентных преимуществ. В рамках данной группы стран особо следует выделить Данию и Норвегию.

Развитие Норвегии во многом было обусловлено опорой на энергетический сектор как важную отрасль хозяйственной специализации, сыгравшую роль драйвера «догоняющей модернизации». Следует отметить и упор на государственную принадлежность природных ресурсов [10; 14].

Успехи «догоняющей модернизации» Дании во многом были обусловлены превращением датского сельского хозяйства в глубоко специализированную и эффективную отрасль экономики, ставшую движущей силой и источником капиталов для развития датской промышленности [8; 12]. Сосредоточившись на аграрной международной специализации и решении внутренних проблем путем импортозамещения, Дания смогла добиться значительных успехов и стать к началу XX в. одной из передовых стран.

Анализ «догоняющей модернизации» показал, что данный процесс в исследуемый хронологический период был характерен как для суверенных, так и для зависимых стран, сформировавших свои — особые — модели, на которые во многом повлияли не только взаимоотношения с метрополией, но и конкуренция за них между метрополией и другими государствами.

Австралия до 1901 г. в качестве колонии принадлежала Англии, и формирование ее модели «догоняющей модернизации» шло с учетом интересов метрополии, чрезвычайно заинтересованной в ее

аграрном развитии. Специализацией Австралии стали овцеводство и выращивание крупного рогатого скота. Развитие сельскохозяйственного производства способствовало становлению первых промышленных предприятий, но даже во второй половине XIX в. промышленность развивалась медленно. Коррективы внесла «золотая лихорадка», ускорившая развитие горнодобывающей промышленности и надолго определившая доминирование в ней золотодобычи. Успешность «догоняющей модернизации» проявилась в ежегодном приросте производства совокупного национального продукта, который с 1861 по 1901 г. составил в среднем 4,1% в год, уступая по темпам экономического развития лишь США [16].

Начало «догоняющей модернизации» в Индии можно отнести ко второй четверти XIX в. Важной предпосылкой стало накопление значительного капитала в руках буржуазии в период «хлопкового голода», вложенного затем в экономику. Специализацией Индии стало выращивание хлопка, необходимость удешевления вывоза которого привела к строительству железных дорог в портовые города. Железные дороги были основным крупным объектом английских капиталовложений в Индию. С середины XIX в. британские капиталы стали вкладывать в строительство предприятий фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности [9; 15]. Процесс «догоняющей модернизации» под контролем Англии стимулировал экономическое развитие Индии, однако ее промышленное развитие имело характер приспособления к нуждам и потребностям английского капитала.

Заключение

Анализ конкретных хозяйственных систем в период «догоняющей модернизации» второй половины XIX — 1914 г. выявляет не только национальные особенности, но и общее, позволяющее сгруппировать страны, исходя из различных подходов: хронологического, континентального, национально-исторического.

Типологизация стран «догоняющей модернизации» в зависимости от национально-исторического подхода позволила выделить страны «переселенческого капитализма», страны «новой государственности», «имперские страны», «малые» западноевропейские страны и страны «колониального капитализма».

- Страны «переселенческого капитализма» использовали возможности переноса на новые территории мирового опыта хозяйственного развития.
- Страны «новой государственности» опирались на более развитые территории, ставшие локомотивами «догоняющей модернизации».
- «Имперские» страны широко использовали государственный механизм и государственные финансы для ускоренной индустриализации.
- «Малые» западноевропейские страны продемонстрировали в процессе «догоняющей модернизации» возможности использования уникальных конкурентных преимуществ, позволивших создать высокоэффективные экономики.
- Страны «колониального капитализма», находящиеся в различных формах политической зависимости, продемонстрировали попытки «догоняющей модернизации» с опорой на ресурсы метрополий, успешность и направленность которых во многом определялась политикой, проводимой метрополиями.

Литература

1. Джинчарадзе В.З. Экономическая история США. М.: Высшая школа, 1973.
2. Дроздов В.В., Погребинская В.А., Золотарева В.П. Эволюция моделей догоняющей модернизации России во второй половине XIX — начале XXI в. // Федерализм. 2018. № 4. С. 184—191.
3. Емельянова О.Н. Опыт догоняющего развития: промышленная политика в Японии (1870—1880 гг.) // Проблемы современной экономики. 2017. № 3. С. 234—240.
4. Золотарева В.П. Иностранный капитал в российской экономике: уроки прошлого // Вопросы политической экономии. 2024. № 1 (37). С. 167—181.
5. Золотарева В.П. Типологизация национальных моделей «догоняющей модернизации» // Журнал экономической теории. 2019. № 3. С. 362—367.
6. Золотарева В.П., Емельянова О.Н. Модели «догоняющей модернизации» стран «периферийного капитализма»: общее и

особенное // Вопросы политической экономики. 2022. № 3 (31). С. 104—118.

7. История Венгрии: В 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1972.
8. История Дании / Хельге Палудан [и др.]; пер. с дат. М.: Весь Мир, 2007.
9. История Индии / Н.К. Синха, А.Ч. Банерджи; пер. с англ. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1954.
10. История Норвегии: от викингов до наших дней / Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Гренли и др.; пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003.
11. Крюков Н.А. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1911.
12. Крюков Н.А. Сельское хозяйство в Дании в связи с общим развитием страны. СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1907.
13. Крючков И.В. «Промышленная революция» в Венгрии в последней трети XIX — начале XX веков: «догоняющая модернизация» страны и ее социальные последствия // Запад—Восток. 2008. № 1. С. 73—91.
14. Кузнецов А.Е. История Норвегии. М., 2006.
15. Левковский А.И. Социально-экономическое развитие Индии 1890—1909 гг. // Антонова К.А., Гольдберг Н.М., Осипов А.М. Новая история Индии. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961.
16. Малаховский К.В. История Австралии. М.: Главная редакция восточной лит-ры, 1980.
17. Мецержаков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. СПб.: Лингвистика, 2023.
18. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX веках. СПб.: Наука, 1998.
19. Сороко-Цюпа О.С. История Канады. М.: Высшая школа, 1985.
20. Статистическая история США XVII — начала XXI вв. / Отв. ред. проф. В.В. Согрин. М.: ИВИ РАН, 2012.
21. Чен Эньфу, Ли Чжосжу. Сравнение динамики всеобъемлющей национальной мощи СССР и США: к вопросу о причинах распада Советского Союза // Вопросы политической экономики. 2024. № 4 (40). С. 116—141.
22. Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней: В 3 т. Т. 1. М.: ИНФРА-М, 2016.

References

1. *Dzhincharadze V.Z.* Ekonomicheskaya istoriya SSHA. M.: Vysshaya shkola, 1973.
2. *Drozdov V.V., Pogrebinskaya V.A., Zolotareva V.P.* Evolyuciya modelej dogonyayushchej modernizacii Rossii vo vtoroj polovine XIX — nachale XXI v. // *Federalizm*. 2018. № 4. S. 184—191.
3. *Emel'yanova O.N.* Opyt dogonyayushchego razvitiya: promyshlennaya politika v YAponii (1870—1880 gg.) // *Problemy sovremennoj ekonomiki*. 2017. № 3. S. 234—240.
4. *Zolotareva V.P.* Inostrannyj kapital v rossijskoj ekonomike: uroki proshlogo // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2024. № 1 (37). S. 167—181.
5. *Zolotareva V.P.* Tipologizaciya nacional'nyh modelej «dogonyayushchej modernizacii» // *ZHurnal ekonomicheskoy teorii*. 2019. № 3. S. 362—367.
6. *Zolotareva V.P., Emel'yanova O.N.* Modeli «dogonyayushchej modernizacii» stran «periferijnogo kapitalizma»: obshchee i osobnoe // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2022. № 3 (31). C. 104—118.
7. *Istoriya Vengrii: V 3 t. T. 2.* M.: Nauka, 1972.
8. *Istoriya Danii / Hel'ge Paludan [i dr.]; per. s dat. M.: Ves' Mir*, 2007.
9. *Istoriya Indii / N.K. Sinha, A.CH. Banerdzhi; per. s angl. M.: Izd-vo inostrannoj lit-ry*, 1954.
10. *Istoriya Norvegii: ot vikingov do nashih dnei / R. Daniel'sen, S. Dyurvik, T. Grenli i dr.; per. s angl. M.: Ves' Mir*, 2003.
11. *Kryukov N.A.* Sel'skoe hozyajstvo v Argentine v svyazi s obshchim razvitiem strany. SPb.: Tipografiya V.O. Kirshbauma, 1911.
12. *Kryukov N.A.* Sel'skoe hozyajstvo v Danii v svyazi s obshchim razvitiem strany. SPb.: Tipografiya V.O. Kirshbauma, 1907.
13. *Kryuchkov I.V.* «Promyshlennaya revolyuciya» v Vengrii v poslednej treti XIX — nachale XX vekov: «dogonyayushchaya modernizaciya» strany i ee social'nye posledstviya // *Zapad—Vostok*. 2008. № 1. S. 73—91.
14. *Kuznecov A.E.* Istoriya Norvegii. M., 2006.
15. *Levkovskij A.I.* Social'no-ekonomicheskoe razvitie Indii 1890—1909 gg. // *Antonova K.A., Gol'dberg N.M., Osipov A.M.* Novaya istoriya Indii. M.: Izd-vo vostochnoj lit-ry, 1961.

16. *Malahovskij K.V.* Istoriya Avstralii. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj lit-ry, 1980.
17. *Meshcheryakov A.N.* Imperator Mejdzi i ego YAponiya. SPb.: Lingvistika, 2023.
18. *Ryazanov V.T.* Ekonomicheskoe razvitie Rossii. Reformy i rossijskoe hozyajstvo v XIX—XX vekah. SPb.: Nauka, 1998.
19. *Soroko-Cyupa O.S.* Istoriya Kanady. M.: Vysshaya shkola, 1985.
20. Statisticheskaya istoriya SSHA XVII — nachala XXI vv. / Otv. red. prof. V.V. Sogrin. M.: IVI RAN, 2012.
21. *CHen En'fu, Li CHzhohzu.* Sravnenie dinamiki vseob"emlyushchej nacional'noj moshchi SSSR i SSHA: k voprosu o prichinah raspada Sovetskogo Soyuza // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2024. № 4 (40). S. 116—141.
22. Ekonomicheskaya istoriya Germanii: ot epohi kameralizma do nashih dnei: V 3 t. T. 1. M.: INFRA-M, 2016.

Р.К. АСМАНОВ, М.М. КУЧУКОВ

**Эффект компактификации: механизм, оценка,
интерпретация (к 100-летию публикации 3-го издания
«Тектологии» А.А. Богданова)***

Аннотация. Экономические результаты хозяйствующих агентов зависят от благоприятных, неблагоприятных, нейтральных факторов, которыми они располагают, и условий, в которых ведется их хозяйственная деятельность. И тем не менее, часто оказывается так, что два хозяйства, располагающие примерно одинаковыми факторами и ведущие свою деятельность в одинаковых условиях, демонстрируют разные результаты. Попытки объяснить расхождение апеллицией к «работе» неучтенного(-ых) фактора(-ов), а также ошибками

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Асманов Р.К., Кучуков М.М. Эффект компактификации: механизм, оценка, интерпретация (к 100-летию публикации 3-го издания «Тектологии» А.А. Богданова) // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 110—138. DOI: 10.5281/zenodo.15698264.

счета оказываются малопродуктивными как в логическом, так и эмпирическом плане. По-видимому, для результативности важное значение имеет не столько количество и даже качество (при условии одинаковости) факторов и условий, сколько их комбинации в кластерах. Последнее подтверждается тем, что одинаковый прирост одного и того же фактора (или факторов) в разных комбинациях дает разный прирост результата. Наблюдаемые отклонения от ожидаемых (прогнозируемых, планируемых) результатов как в сторону положительную, так и в отрицательную также являются продуктом комбинации факторов и условий. В связи с чем правильным следует признать появление некоего эффекта, но не того, который формирует кооперация (взаимосвязь) факторов — она есть, и в этом никто не сомневается, а в новой «укладки/упаковки» одного и того же количества факторов в комплексе различных кластеров. Эта новая «упаковка» факторов в кластерах может оформиться естественным путем — прирост/убыль какого-либо фактора провоцирует новую «укладку» спонтанно, а может, искусственно — за счет стимулирования некоторого фактора и проектирования нового комплекса в кластере. В результате этой перестройки комплекса образуется эффект укладки факторов. Мы называем его эффектом компактификации, т. е. упаковки факторов. Его исследованию посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: факторы, фактор-ресурсные матрицы, кластеры, компактификация, эффект компактификации, прогнозирование и управление компактификацией.

Abstract. The economic results of economic agents depend on favorable, unfavorable, neutral factors that they have and the conditions in which their economic activities are conducted. Nevertheless, it often turns out that two farms with approximately the same factors and operating under the same conditions demonstrate different results. Attempts to explain the discrepancy by appealing to the «work» of an unaccounted-for factor(-s), as well as counting errors, turn out to be unproductive both logically and empirically. Apparently, it is not so much the quantity and even the quality (provided that the factors and conditions are the same) that is important for effectiveness, as their combinations. The latter is confirmed by the fact that the same increase in the same factor (or factors) in different combinations gives a different increase in the result. The observed deviations from the expected (predicted, planned) results in both positive and

negative directions are also the product of a combination of factors and conditions. In this connection, it is correct to recognize the appearance of a certain effect, but not one that forms the cooperation (interrelation) of factors — it exists and no one doubts this, but in the new «stacking / packing» of the same number of factors in the complex. This new «packing» of factors can take shape naturally — the increase/ decrease of any factor provokes a new «stacking» of existing factors spontaneously, or maybe artificially — by stimulating some factor and designing a new complex. As a result of this restructuring of the complex, the effect of stacking factors is formed. We call it the compactification effect, i. e. stacking, packing factors. This article is devoted to his research.

Keywords: factors, resources, complexes, compactification, compactification effect, forecasting and management of compactification.

УДК: 338.22

ББК: 13

Введение

О том, как экономика формируется и функционирует, существует большое число точек зрения. Они начали формироваться, по-видимому, еще с библейских времен, а первое представление об экономике было сделано в античное время и принадлежит грекам. (Хотя не стоит забывать, что и на Востоке, а также за океаном также думали над этим, и если мы не находим таких воззрений, то это вовсе не потому, что таковых не было и что люди тогда не размышляли на сей счет, а потому, что не осталось письменных свидетельств об этом. Но поскольку существовали общества — грубо говоря, люди ели, пили, одевались, строили жилища, дороги, рождались, умирали, воевали и проч., значит, была экономика. Поэтому в будущем (хотя уже и сегодня мы получаем множество сведений из этнографических исследований) следует ожидать такие продукты чаще, чем сегодня или вчера еще.) Впрочем, несмотря на приведенное выше утверждение, следует заметить, что основное решение, с одной стороны, в виде множества представлений, а с другой стороны, в виде теории (или умственных построений) произойдет в Европе в XVII—XVIII вв., где наблюдается своеобразный взрывной характер умственных (логических) продуктов. Речь идет о первых моделях экономики в реальных парамет-

рах. Дальше больше. На сегодня накопилось большое число различных взглядов на природу и характер того, как образуется и функционирует экономика. Одной из наиболее развитых в этом плане выступает так называемая теория факторов [13; 14; 15]. Согласно данному воззрению, экономика образуется и функционирует благодаря умелому комбинированию факторами. Действительно, если экономика — это способ ведения домашнего хозяйства (как это определит Ксенофонт, а затем повторит Аристотель), то само ведение предполагает управление (использование) факторами. Выигрывает тот, кто получает (спроектирует) лучшую комбинацию факторов.

В принципе все это соответствует эмпирическому наблюдению, т. е. достигается путем проб и ошибок. Действительно, наличие более теплого климата, при прочих равных условиях, дает наилучшие результаты, например, в сельскохозяйственной деятельности. То же самое и с почвами: наличие хороших почв (с толстым слоем гумуса) обеспечивает более высокие урожаи при прочих равных условиях. Добавим сюда продолжительность светового дня и уровень солнечной радиации, наличие пресной воды, температуру воздуха, осадки и проч. погодные условия. Это же положение утверждает себя и в отношении технических и технологических условий; лучшее оснащение лучшей техникой и технологиями дает более высокие и лучшие результаты при прочих равных условиях. По-видимому, не менее значимыми являются видовое разнообразие, а также его комбинации, соотношение между продуцентами, консументами и редуцентами. Та же роль наблюдается с коммуникациями и логистикой; лучшие транспортные и иные коммуникации дают лучшие результаты хозяйствования. Не менее показательна роль институтов; соотношение между инклюзивными, экстрактивными и проч. из других отраслей общественно-экономической деятельности. Общий вывод будет таким: *при прочих равных условиях наилучшие результаты хозяйствования достигаются там, где обеспечена лучшая комбинация факторов и условий производства, обмена, распределения и потребления*. Приведенное правило подтверждается эмпирическими сопоставлениями.

Первая — два и более соседних хозяйства, располагающие одинаковыми (идентичными, тождественными) факторами, показывают разные результаты.

Вторая — хозяйства, располагающие разными факторами, показывают одинаковые результаты.

Третья — одно и то же хозяйство, располагающее одними и теми же факторами, в разное время показывает разные результаты (динамику и качество развития), или одно и то же хозяйство в разное время не может показать одинаковый результат.

Перечисленные особенности нуждаются в объяснении. Обобщение существующих объяснений позволяет выделить два взгляда.

Согласно одному, разные результаты (а именно на них акцентируют внимание) — следствие не только разного количества факторов, но и разной их значимости (силы проявления). Речь идет о том, что никогда и нигде не бывает абсолютно одинаковых факторов; всюду и везде имеет место разный удельный вес разных факторов, даже если число их везде одинаково. Считается, что просто в одном случае не учтен какой-либо фактор, который был учтен прежде или в другой раз. Согласно другому, разные результаты получаются из-за недоучета некоторого(-ых) фактора(-ов). В данном случае речь идет о не недоучете какого-либо фактора, как в первом случае, а о недостаточном учете влияния того или иного (а лучше всех имеющихся факторов), т. е. здесь речь идет о «недоучете» значения фактора. Есть и другие уточнения данной позиции, и если обобщить все имеющиеся претензии и оправдания данного направления, то они сводятся к недостаточному учету и факторов, и их значений. Причем последние могут иметь как технический, так и статистический характер. Поэтому если бы мы имели возможность знать все факторы, которые присутствуют в тех или иных хозяйственных (экономических) процессах, а также знать их силу влияния, а затем также и изменения факторов в то или иное время на той или иной территории и т. д., тогда никаких отклонений не возникало бы¹³. Посему (своеобразный идеальный эксперимент) речь идет о полном и адекватном учете всех

¹³ Эту задачу на сегодня пытаются решить с помощью искусственного интеллекта (ИИ). В частности, такие эксперименты в последнее время проводились на площадках ChatGPT и DeepSeek. Результат с технической точки зрения обнадеживает, но с содержательной кажется обычной манипуляцией. На наш взгляд, в современных практиках просматривается дискуссия 1920—1930-х гг., больше известная как спор Эйнштейна с Бором. Заметим, что мы стоим на стороне Н. Бора и «квантовиков».

возможных факторов, их изменениях и адекватной оценке их влияния на результат. Такое понимание оправдано лишь одним условием — отсутствием полного реестра факторов, каковой никогда не может быть получен, так как всякий раз найдется какой-то фактор *X*, который не учли в тех или иных условиях в силу ли недостатков технического характера или же еще почему-либо. (Кстати, вся история экономической теории подтверждает правомерность данной позиции.) В общем, это *circulus vitiosus*, и разрешить его, оставаясь в нем, как известно, невозможно. Спорить с данной точкой зрения можно лишь в одном случае: если не становиться на нее, т. е. объяснять (в том числе ее заблуждения) можно, находясь на позиции другой точки зрения. Такой точкой зрения является признание факта, что результат формируется не столько факторами и даже их качеством, сколько комбинацией; что разная комбинация одних и тех же факторов дает разный результат. А это есть точка зрения тектологии — всеобщей организационной науки, разработанной А.А. Богдановым [1; 3; 4; 8; 9; 11; 16; 17]. Согласно последней, в экономике факторов появляется новый эффект, который образуется «взаимоотношениями» факторов, а не лишь их присутствием. Последний носит нефункциональный, а статистический характер. Однако одно дело признать сей факт (наличие эффекта, который создает комбинация факторов и условий), и совершенно другое — его доказательство, т. е. показать на цифрах что и сколько.

Но и в этом нет ничего нового, т. е. нет нового как в постановке вопроса (квантифицировать результат), так и в его доказательстве. Хотя в последнем не все однозначно и понятно. Объясним.

То, что эффект комбинации (комбинаторики) факторов должен носить статистический характер (со всеми вытекающими из такой позиции следствиями), факт очевидный, так как его увидеть можно только на сопоставлении результата, но не факторах. (Поэтому носит своеобразный феноменологический характер, т. е. основан на ощущении. Но нам необходимы не ощущения, а количество, которое можно сопоставлять, оценивать, верифицировать.) При этом решение лежит в плоскости факторной теории. Но при этом в нее следует внести ряд методических уточнений.

Первое — рассматривать факторы не как единичные независимые, автономные объекты, а элементы комплекса. С расчетной точки зрения для последней наиболее приемлемой формой представляется

матричная, т. е. все факторы необходимо представить в виде фактор-ресурсной матрицы. (Технически и методически данное положение обязывает использовать матричную алгебру и в целом матричный анализ.) Но при этом «фактор» — весьма скользкая реальность; на что указывает нынешняя дискуссия о природе факторов [2; 5; 6; 12; 18]. Дело в том, что факторы в экономике — это и земля (площадь территории), но также и ее плодородие (а это уже иная единица измерения), и вода, и погода (температура, влажность и т. д.), и видовое разнообразие, и численность рабочей силы (людей), но также и их квалификация и проч. компетенции, и техника, и технологии, и коммуникации, и логистика и... психология, ментальность, а также многое другое. Причем все они имеют разные единицы измерения: одни натуральные (килограммы, тонны, метры, секунды, биты и т. д.), другие — стоимостные, а третьи — вовсе ощущения. И здесь дело не только в том, как все это сопоставить, соотнести (что важно и необходимо в конечном счете), сколько — как представить, показать. Ведь необходимо сопоставлять их и не только самих с собой (например, по времени), но и между собой (в разных объектах). Поэтому натуральные единицы (в том числе стоимостные и даже энергетические и информационные) получить не удастся, хотя было бы в высшей степени желательно. Как выйти из этой ситуации? Решение видится в использовании относительных величин. Для этого необходимо, во-первых, представить факторы в максимально обезличенном виде, т. е. просто как некие единицы. Таким путем мы элиминируем качественные признаки. Иными словами, игнорируется качество факторов. Теперь факторы различаются не качеством, а лишь количественно¹⁴. Во-вторых, использовать коэффициенты корреляции или эластичности, а равно какой-либо иной идентичный индикатор. Таким образом, вместо натуралистической матрицы факторов фор-

¹⁴ Подобную попытку можно наблюдать со времен Античности. Это так называемая «линия Анаксагора—Левкиппа—Демокрита», которая наблюдается также у Платона—Сократа и связана с «геометрическим» характером «идей». Данная идея находит свое «преломление» у Декарта, Лейбница, Спинозы и т. д. По-видимому, наиболее рельефно (хотя и специфически) она выражена у Лейбница в его монадах. (Кстати, в связи с этим нельзя не увязать с последними также и комбинаторику.) Продолжение (и определенное завершение) эта линия проявляется у А. Богданова и авторов отдельных интерпретаций квантовой теории.

мируется корреляционная матрица, которую представляют коэффициенты корреляции или эластичности. Она многомерная, так как сами коэффициенты корреляции оценивают взаимосвязи факторов во множестве направлений.

Второе — признать, что в функционировании любого хозяйствующего объекта, от самого масштабного (например, ТНК) до самого малого (например, домашнего хозяйства или ЧП, ИП), присутствуют все факторы, которые вообще существуют, и, следовательно, хозяйствующие субъекты не различаются числом (и качеством) факторов, так как оно у всех одинаковое. Но в каждом случае (для каждого хозяйствующего субъекта и в разное время) имеются так называемые активные и пассивные факторы. С точки зрения количественной (и практической) это означает, что их присутствие ничтожно мало. Поэтому ими можно пренебречь. В техническом плане это означает зануление этих клеток в матрице.

Третье — для каждого случая (субъекта хозяйствования и времени его функционирования — в таком-то году и т. д.) имеется своя комбинация фактор ресурсной матрицы, и при этом все факторы в фактор-ресурсной матрице распределены по кластерам. Последнее примечательно тем, что фактор проявляет себя не индивидуально, а кластерно. Это приводит к тому, что значение фактора может как усиливаться, так и ослабевать. Все зависит от компоновки (упаковки, свертывания) факторов в кластере, который носит название компактификации. В отличие от фактического состояния, когда матрица корреляции выражает состояние корреляции между факторами на момент измерения, комбинаторная матрица предполагает получение матрицы корреляции факторов в самой разной комбинации факторов между собой. В результате получается интересная ситуация: у любого хозяйствующего субъекта в любое время имеется бесконечное множество матриц, и исследователь выбирает ту, которая подходит по результату¹⁵. Заметим, что в последнем нет ничего субъективистского, т. е. в одном случае используется одна матрица, тогда как

¹⁵ В последнее время для отдельных ИИ эту операцию стали доверять ИИ. Правда, результат не всегда оказывается заслуживающим внимания. Впрочем, разработчики не теряют оптимизма.

в другом другая. Напротив, для всякой конкретной задачи используются строго свои матрицы, и манипулирование матрицами запрещено.

В целом процедура здесь следующая. Имеется некоторый результат хозяйственного субъекта. У него имеется некоторая совокупность активных и пассивных факторов, собирающихся в определенные кластеры. Путем расчета матрицы корреляции получаем итог (результат), который может удовлетворить реальному результату. После чего происходит сверка расчетного результата с фактическим, которая позволяет отобрать из имеющихся матриц ту, которая соответствует результату. На основании последнего делается вывод о том, какая комбинация факторов создала данный результат. Но и это не все. Путем сопоставления предыдущего результата и его матрицы с последующим результатом и его матрицей находим эффект компактификации, который выражает компоновку (упаковку) факторов в кластерах.

Из приведенных рассуждений формируется актуальность настоящих исследований, состоящая в поиске того самого фактора X , в качестве которого выступает эффект компактификации, т. е. получить ответ на вопрос: что привело к появлению прироста результата, когда все факторы были учтены? А с другой стороны, зная, что создает эта самая компактификация, можно прогнозировать получение хорошего результата путем формирования нужной комбинации факторов. Нам представляется, что перечисленные задачи актуальны. Этим вопросам, носящим преимущественно теоретический и методологический характер, и посвящена настоящая статья.

Теория, методология, методика и практика

Теоретическую и методологическую основу настоящего исследования составляют тектология [1; 3; 4; 8; 9; 11; 16; 17] и теория факторов [2; 5; 6; 12; 13; 14; 15; 18], согласно которым всякое развитие определяется не столько наличием и качеством факторов, сколько умением их укомплектовывать в комплексы. Данное положение отрицает существовавшую в прошлом (и продолжающую скрытно оставаться) своеобразную факторную предопределенность экономического развития. Наличие у сообщества благоприятных факторов делает их экономическое развитие динамичным, тогда как наличие у сообщества «плохих» факторов и условий сдерживает их

экономическое развитие. С точки же зрения принятой нами теоретической парадигмы, экономическое развитие зависит от «наислабейшего» (дефицитного) фактора в совокупности (комплексе) факторов, т.е. экономическое развитие не может «выскочить» из возможностей «наислабейшего» (дефицитного) фактора, даже если располагает наилучшими факторами и их избытком (профицитом). Таким образом, «факторная предопределенность» означает, что экономическое развитие любого экономического объекта (от частного предприятия до национального хозяйства, а возможно, и уровнем выше) определяется «наислабейшим» (дефицитным) фактором в сформировавшемся комплексе, и (в так называемом «сильном» утверждении) нет никаких возможностей выбраться из состояния «отрицательной» динамики (нищеты и слабого развития) без смены контекстуального факторы комплекса.

Методический аспект. О том, что факторы формируют экономические системы, известно, что называется, и без всякой науки и исследований. Другое дело, как показать, что это так. Для этого необходимо измерить влияние факторов на результат. Многочисленные практики (эксперименты) привели к мысли о существовании соотношений (пропорций) между факторами и результатом. Их формализацию проведет У. Петти, который построит первую модель экономики в факторах. На ее базе будут разрабатываться все последующие модели, которые выльются в модель межотраслевого баланса (или в более обобщенном варианте — «планы народного хозяйства»), а также производственные функции и задачи Л. Канторовича и Т. Купманса. (Аналогом данных исследований в микроэкономике выступают исследования влияния цены, дохода и т. п. на потребление, которые можно найти у А. Маршалла, А. Курно, Г. Госсена и др.). Таким образом, в целом будет подготовлена почва для проектирования экономики как «продукта» факторов.

Но вот что интересно и важно. Во-первых, факторы не существуют изолированно и автономно, а всегда в некотором комплексе. Во-вторых, каждый фактор занимает свое место в комплексе, и тем самым определяются его значимость и значимость комплекса. Решающее значение как для фактора, так и для комплекса имеет местоположение фактора в комплексе, т. е. выступает ли он контекстуальным (формирующим комплекс) или же периферийным, подчиненным, маргинальным. Различные контекстуальные факторы, т. е. факторы,

оказавшиеся в контексте комплекса, образуют разные комплексы. Комплексы — это связи факторов между собой. В-третьих, согласно выявленному А. Богдановым «закону наименьших» [3], для значимости (функционирования, результативности и конкурентности) комплекса значение имеет не самый «сильный», «большой» и т. п. фактор, а самый «слабый», «малый» фактор и его связи (связь, «наислабейшая связь»). Последний можно назвать комплексобразующим, так как судьба комплекса определяется «наименьшим», «наислабейшим», дефицитным из факторов и связей.

В методическом плане — проектирование комплексов, оценка их значимости, оценка значений факторов и т. п. — важным направлением является использование матричного метода. Он позволяет, во-первых, расположить все фактор-ресурсы в виде ячеек матрицы, во-вторых, проводить операции с ними с помощью матричных операций. Правда, здесь возникает ряд локальных задач. Первая — как, в виде каких индикаторов представить фактор-ресурсы? Использование для этой цели натуральных величин отпадает сразу же ввиду нестыковки естественных мер между собой; метры с килограммами еще как-то можно объединить, но умонастроение и прочие ментальные и психологические элементы в это измерение не подпадают. Цены или стоимостные единицы решают определенные проблемы. Но опять же решение сталкивается с теми самыми противоречиями между материальными и нематериальными элементами, что и в предыдущем случае. Впрочем, даже внутри материальных стоимостные характеристики (цена, издержки и проч.) не гарантируют соизмеримость и оценку взаимосвязи факторов и результата. Таким образом, перебирая различные варианты, которые достаточно хорошо известны из литературы, мы приходим к выводу, что такими индикаторами могут (и должны быть) так называемые безразмерные единицы. Разбирая имеющиеся и используемые индикаторы, приходим к выводу, что вполне корректно эти вопросы могли бы быть решены коэффициентом корреляции, так как он способен выразить наблюдаемую флуктуацию факторов и флуктуацию всей матрицы. Кроме того, корреляция — связь [2; 7]. Но именно связь между факторами нас и интересует.

Итак, предлагается в качестве индикаторов использовать коэффициенты корреляции между факторами и результатом. Но этого

еще недостаточно. Дело в том, что у каждого фактора имеется множество связей: между фактором и результатом (причем индивидуально и в комплексах), между фактором и другими факторами (причем также индивидуально и в комплексах). Поэтому, чтобы оценить значимость фактора в формировании результата, необходимо дифференцировать, квантифицировать, ранжировать, верифицировать и т. д. эти связи. Мы условились, что факторы и связи всего правильнее расположить в виде матрицы. Исходя из этого, для каждого фактора строится несколько матриц. Первая — матрица коэффициентов корреляции факторов и результата. Данная матрица позволяет определить значимость каждого фактора в результате. Из нее можно отыскать как наисильнейший, так и наислабейший фактор. (Правда, это только попытка решения данной задачи, так как сильная или слабая корреляция фактора и результат — вовсе еще не признак сильного или слабого фактора.) Вторая — матрица корреляции фактора с другими факторами. (Такие расчеты делаются по всем факторам, которые участвуют в формировании результата.) Данная матрица позволяет определять так называемую факторную архитектуру результата: кластеры факторного поля, т. е. усиление или ослабление влияния фактора на результат. Дело в том, что ни один фактор не функционирует автономно; а значит, что его влияние (воздействие) на результат становится продуктом комплекса факторов¹⁶. Формально это влия-

¹⁶ Сила фактора в хозяйственном комплексе, как мы заметили, определяется не столько его индивидуальностью, сколько тем, с кем и в каких отношениях он состоит, т. е., грубо говоря, каким в очереди он стоит. Последнее связано с тем, является ли данный фактор в данное время и в данной ситуации (конфигурации) комплексоформирующим (или системообразующим) или он вторичный, маргинальный. Впрочем, это вопрос ситуативный, т. е. с изменением ситуации фактор из второстепенного, маргинального превращается в контекстуальный, который формирует всю архитектуру развития комплекса. Однако он важен для понимания развития. Дело в том, что факторы формируют вокруг себя комплексы и определяют их развитие. Как правило, в такой роли выступают один-два фактора, которые мы определяем контекстуальными, т. е. формирующими комплекс. Что в результате получается? Что у каждого фактора оказывается свой комплекс факторов и, стало быть, своя не только траектория, но и архитектура развития национального хозяйства (экономики). Но поскольку в каждое конкретное время (да можно сказать, что для каждого национального хозяйства или экономики) имеется свой контекстуальный фактор и, следовательно, со своим

ние (воздействие) определяется не только значением частного парного коэффициента корреляции фактора и результата, но также корреляцией некоторого кластера факторов (т. е. группы факторов, связанных с данным фактором) с результатом. Причина последнего заключается в том, что фактор влияет на результат не только напрямую, но также и через другие смежные с ним факторы. Он, с одной стороны, как бы делится своей силой с другими факторами (его сообщества), а с другой стороны, отчуждает часть своих ресурсных возможностей (силы) на другие факторы (чтобы поддержать это содружество). Поэтому в одном случае происходит внешнее усиление влияния фактора, тогда как в другом случае — ослабление внешнего (или прямого) влияния фактора на результат. В результате производится коррекция оценки связи фактора и результата (т. е. первой матрицы).

Высказанные соображения требуют проведения нескольких сопоставлений. Одно следует сделать для сильнейшего, другое — для слабейшего фактора.

Эмпирические наблюдения, анализ, обобщение, суждения и результаты

Эмпирическую базу исследования составляют материалы обследования сельскохозяйственных предприятий (колхозов, совхозов)

комплексом, то... остальные комплексы (кластеры в матрице) выполняют, по сути, вспомогательную роль. Они поддерживают общий вектор развития экономики, которую сформировал свой контекстуальный фактор и его комплекс. Но вот что интересно. Конъюнктура изменчива. А значит, изменчивым оказывается также и место фактора в матрице. Это означает, что с изменением конъюнктуры может оказаться так, что прежде второстепенный(-е) фактор(-ы) оказывается(-ются) контекстуальным(-и), т. е. тем(-и), который(-е) определяет(-ют) общий вектор развития и формирует(-ют) архитектуру развития. Но даже если сила конъюнктурного условия (фона) оказывается не столь сильной, чтобы осуществить изменения в ресурсно-факторной матрице национального хозяйства (экономике), она может стимулировать изменения в структуре матрицы — активизировать какие-то кластеры и, напротив, снижать активность других, формировать новые кластеры, очерчивать новые ареалы и т. д. В результате этих изменений конъюнктуры происходит переформатирование (явное или же скрытое, резкое или эволюционное и т. п.), которое мы называем компактификацией факторов.

конца 1980 — начала 1990-х гг. (т. е. еще в советский социалистический период), проводимых кафедрой экономики, организации и управления сельскохозяйственным производством Кабардино-Балкарского агрометеорологического института на территории тогда еще Кабардино-Балкарской АССР. Выборку составляли колхозы и совхозы, расположенные в разных климатических зонах (горная, предгорная и степная) республики. В качестве учетных параметров использовались: площадь земельных ресурсов (с разбивкой на виды), виды/типы и плодородие почв, техническое и технологическое оснащение производства (количество тракторов, их мощности и т. д.), численность занятых работников (с разбивкой по категориям), оплата труда (с разбивкой по категориям), выращиваемые культуры (с разбивкой по видам), поголовье скота (с разбивкой по видам) и ряд других показателей, характеризующих деятельность хозяйств. Кроме приведенных учету подлежали количество осадков, температурный режим (в обоих случаях с дифференциацией зима—лето и месяцам). Задача — определить влияние факторов на результативность деятельности хозяйств: объем валовой продукции, валовые сборы основных сельскохозяйственных культур, урожайность и продуктивность, прибыль, рентабельность, производительность труда. Решение задачи велось с использованием корреляционного анализа и построения регрессионных моделей. (Кстати сказать, что в нашем распоряжении были материалы исследований также и по более раннему периоду — для отдельных хозяйств чуть ли не с 1970-х гг., — но с меньшим числом показателей.) Затем наступил перерыв. Изыскания возобновились с 2015 г. (правда, есть отдельные фрагменты 2010 г.). Но это были уже фермерские хозяйства, народные предприятия и др., из которых некоторые совпадали по земельной площади с бывшими колхозами, совхозами. Кроме того, размер выборки оказывается значительно уже советского. И тем не менее для решения стоящей задачи — как различные комплексы факторов формируют результат хозяйственного развития, выборка вполне репрезентативна. На основе этих данных, а также исторических источников [8] ведутся настоящие изыскания.

Исследования велись в несколько этапов. На первом этапе была поставлена задача выявить, какие факторы оказывают влияние на динамику урожайности/продуктивности. (То же самое, но по от-

ношению к валовой продукции, валовым и чистым доходам.) В одном случае в качестве результата в так называемых растениеводческих (земледельческих) хозяйствах выступают урожайность и валовые сборы: а) зерновых (в зернопроизводящих хозяйствах); б) картофеля и овощей (в овощепроизводящих хозяйствах). В животноводческих — продуктивность и валовые сборы: а) производство молока (в молочно-товарных фермах); б) мяса (в мясных; с разбивкой на КРС, овец/коз, свиней); в) яйца и птица (птицеводческих). В качестве факторов выступали: а) для растениеводческих хозяйств: объем вносимых удобрений (минеральных и органических по их видам и подвидам), объем средств защиты урожая (пестициды, гербициды), объем воды, используемой на орошение, техническое оснащение (энерговооруженность, фондовооруженность, а также энергоемкость, фондоемкость продукции), численность занятых (объем отработанного времени), осадки и температурный режим (по двум месяцам: январские и июньские); б) для животноводческих: объем кормов на одну голову (с разбивкой на виды кормов), обеспечение ветеринарными препаратами (объем на одну голову), техническое оснащение производств (фондоемкость, фондовооруженность, энерговооруженность), численность занятых. На втором этапе ставилась задача выявить, как различные факторы влияют на динамику результатов (урожайность/продуктивность, валовую и чистую продукцию и доходы). Решение данной задачи осуществлялось с помощью корреляционно-регрессионного анализа. Проводились расчеты общего, а также частных парных коэффициентов корреляции между результатами и факторами. По результатам расчетов проводилось ранжирование факторов. Выявлялись сильные, слабые и нейтральные факторы. Затем проводились калибровка и выбраковка факторов. Рассчитывались одно- и многофакторные регрессионные модели. На третьем этапе проводились расчеты корреляции между различными факторами. Оценивалась автокорреляция. Проводилась очистка факторов от автокорреляции. Формировался комплекс независимых факторов. Среди факторов выявлялись кластеры. Определялся их ареал. Соответственно рассчитывались общий и частные парные коэффициенты корреляции между результатом и факторами, образующими кластеры. Проводилось сопоставление. Строились регрессионные уравнения.

Что выявили расчеты и что заслуживает особого внимания? Первое — динамика результата по-разному реагирует на динамику факторов. Иными словами, разные факторы оказывают разное влияние на результат. (Это было видно по частным парным коэффициентам корреляции между результатом и фактором.) Ранжирование факторов по данному критерию (уровню частного парного коэффициента корреляции между результатом и фактором) выделило сильные (или определяющие), умеренные и слабые факторы. Далее (второе) производилось наращивание/снижение объемов сильного(-ых) (в отдельных случаях их было несколько) фактора(-ов). (В некоторых случаях в статус сильных факторов попадали погодные и климатические условия: температурный и осадковый режимы. Понятное дело, что их — по крайней мере, первый — невозможно было изменять субъективно, поэтому по ним велись просто констатация и изучение многолетних наблюдений.) В результате происходил рост результата (урожайности/продуктивности, валовых сборов, валовых и чистых доходов). Но, во-первых, прирост результата оказывался несопоставимым (примечательно, что несопоставимость оказывалась не только в сторону превышения, но и снижения) с приростом фактора(-ов). Иными словами, одинаковый прирост фактора(-ов) в разное время давал разный прирост результата (или равный прирост фактора(-ов) в разное время не давал одинакового результата), что было видно на уравнениях регрессии, а также на сопоставлении расчетных и реальных результатов. Но то же самое наблюдается и в значениях коэффициентов корреляции между результатом(-ами) и фактором(-ами). Примечательным было то, что в какой-то период любое наращивание сильного фактора не давало прироста результата. В частности, наращивание объемов минеральных удобрений не стимулировало роста урожайности. Они точно застыли на одном уровне. Было сформулировано положение о достижении своеобразного предела роста через данный фактор (то же самое наблюдалось и по комбикормам). Наращивание фактора становилось бесполезным: затраты есть, а результата нет¹⁷. Во-вторых, аналогичные асимметрич-

¹⁷ Эта особенность наблюдается в конце 1980 — начале 1990-х гг. И вот что интересно и что раскрывает противоречие — то, что избыток этих ресурсов — минеральные удобрения, средства борьбы с вредителями (гербициды, пестициды),

ности наблюдались во взаимодействиях факторов, т. е. коэффициенты корреляции между факторами также меняли свое значение. (И что примечательно, что по отдельным изменения носили не только количественный характер — как и в случае с результатом, порой до первого знака, но и качественный — со сменой знака.) В-третьих, в отдельных случаях наблюдаются изменения в кластерах; менялся не только ареал — появлялись новые факторы в прежних кластерах, но и формировалась новая конфигурация кластеров. (Менялось значение общего коэффициента корреляции по кластеру. Чаще всего ограничивалось вторым знаком.) Причем (и в этом, и в предыдущем аспекте) было два явления. Одно — при увеличении значения

комбикорма, добавки, ветеринарные препараты для увеличения привеса и т. п. — колхозы и совхозы утилизировали. В одном случае их просто вывозили на свалки, леса, сваливали в овраги, балки, реки и водоемы и т. п. Причина была банальной — нужно было избавляться от них со складов, так как проверяющий из сельхозхимии должен был в конце сезона зафиксировать пустые запасы, чтобы в новый сезон завести новые по разнарядке. Плановое хозяйство! Если бы куратор увидел неиспользованные ресурсы, последовали бы репрессии. Кстати, куратор был в курсе того, что сделали с этими тысячами тонн химических удобрений и прочей продукцией химии, но его дело было зафиксировать их наличие или отсутствие на складах хозяйства, оформить заявку на следующий сезон (год). За это он получал от своей конторы не только зарплату, но и премии. Такой была порочная система превратно понятого планового хозяйства. Но был и другой случай «утилизации» — передача колхозникам и крестьянам (селянам). Первые получали этот продукт бесплатно (не прямо, а просто крали), но на последнее закрывали глаза — продукт необходимо было утилизировать. Так лучше без затрат на технику, бензин, солярку и проч., чтобы вывезти эти тонны на свалку. Но вот что интересно: у крестьян (в этих самых ЛПХ) вся эта продукция оказывалась эффективной — росла урожайность, продуктивность и т. д. Причина заключалась в том, что в ЛПХ осваивали новые технологии (от гидропоники до использования биопрепаратов). Имея небольшие по размерам хозяйства, крестьянские подворья элиминировали проблемы, связанные с техникой, рабочей силой и т. п. Можно сказать, единственными факторами, которыми они не могли управлять, были климат и погода. Но и их они умудрялись обходить, переходя, например, в выращивании овощей на тепличные хозяйства и выращивание овощей в так называемом «закрытом грунте к открытому грунту». Что же касается удобрений и биопрепаратов, то их они часто получали бесплатно от своих колхозов и совхозов (ЛПХ выступало своеобразным смежным производством колхозов и совхозов, и колхозники работали в последних не столько за зарплату, сколько за материалы для своего ЛПХ). Кстати, в 1990-е — 2000-е гг. именно эти крестьянские хозяйства обеспечивали внутренний рынок продукцией.

сильного фактора корреляция между ним и другими факторами менялась, хотя и незначительно, но не менялись ни ареал (его кластер), ни архитектура внутри кластера и в целом в матрице факторов. То же самое касается умеренных факторов. Создается впечатление, что прирост просто гасится каким-то образом в матрице факторов. Другое — если происходило изменение в самом слабом (дефицитном) факторе, то происходила перестройка матрицы факторов; появлялись новые кластеры, новая архитектура. Причем для прироста слабейшего фактора эти изменения были более очевидными, чем при снижении (т. е. увеличении его дефицита). Интересно было не только то, что на этот прирост отзывался результат, т. е. с приростом слабого фактора происходил прирост результата (росли урожайность/продуктивность, валовая продукция, доходы), но и с наращиванием объема слабого фактора рост результата не снижался, как в случае с сильным или умеренными, а продолжал расти. (Предел роста, который создавал прирост слабейшего фактора, в отличие от предела роста, который создавал сильнейший фактор, обнаружить не удалось.) В качестве слабого (дефицитного) фактора у разных хозяйств оказывались разные факторы, т. е. не было какого-то одного фактора у колхозов и совхозов горной, предгорной и степной зон. Часто в хозяйствах предгорной зоны в таком качестве выступал объем минеральных удобрений, но для горных и части степных он уже не был столь важен. Кроме того, внутри минеральных удобрений шла дифференциация по типам: калийные, азотные и т. д. удобрения. То же самое и по кормам. Комбикорма и кормовые добавки не всегда и не во всех хозяйствах играли определяющую роль в росте результатов. Иногда важным ресурсом выступали ветеринарные препараты, так же как в растениеводстве средства борьбы с вредителями и защиты урожаев. В отдельных хозяйствах (особенно горной зоны) слабым фактором выступала техническая и технологическая оснащенность. Поэтому даже незначительные изменения (даже не новая техника, а только прибавление к существующему техническому парку новой машины, трактора и проч.) вело к росту и урожаев, и валовой продукции. В отдельных хозяйствах роль слабого фактора выполняла «рабочая сила». В частности, речь идет о квалифицированной рабочей силе: агрономах, ветеринарах, механизаторах и т. п.

Обобщение имеющихся в нашем распоряжении практик ведения хозяйства позволяет отметить ряд особенностей.

Первая — чем больше активных факторов и условий присутствует в функционировании некоторого хозяйства, тем оно оказывается конкурентным, т. е. при прочих равных условиях то хозяйство оказывается более конкурентным (конкурентоспособным), у которого имеется больше активных факторов и условий. Последнее наглядно видно на примере сравнения результатов деятельности хозяйств горной, предгорной и степной зон. При прочих равных условиях хозяйства предгорной зоны оказывались более конкурентоспособными по сравнению с хозяйствами горной и степной зон в силу того, что имели по сравнению с первыми более предпочтительными комплекс погодно-климатических факторов (длину светового дня, продолжительность вегетативного периода, температуру воздуха, осадки, рельеф местности), а также состояние почвы (более глубокий гумусовый слой, богатые почвы и т. д.). Кроме того, преимущества наблюдались и по технико-технологическим факторам, а также рабочей силе (уровню квалификации, численности, мотивации). То же самое, хотя и в меньших пропорциях, и в некоторой совокупности факторов имело место в предгорных хозяйствах по сравнению с хозяйствами степной зоны. Как результат, в хозяйствах предгорной зоны урожайность, приплод, привес, валовая продукция сельского хозяйства, валовые доходы, прибыль, рентабельность и проч. показатели деятельности оказывались выше, чем в горной и степной¹⁸.

Вторая — при одинаковом количестве (и качестве) факторов один и тот же прирост одного и того же (одних и тех же) фактора(-ов) в разное время дает разный результат. Но при этом этот результат не может быть обоснован разным приростом некоего основного фактора. В частности, проводились расчеты с приростом объема внесенных минеральных и органических удобрений. Выявлены следующие тенденции. Первая: одинаковый прирост минеральных и органических удобрений дает разный прирост урожайности и др. показателей, что формально означает, что эффективность минеральных удобрений оказывается выше, чем органических. Но при этом наблюдалась и другая особенность (вторая): при одинаковом многократном приросте органических и минеральных удобрений

¹⁸ Косвенным признаком может служить соотношение орденосцев (Героев Социалистического Труда, кавалеров Ордена Ленина, других орденов и медалей) среди руководителей и работников хозяйств разных зон.

обеспечивался разный прирост урожайности и др. показателей. В частности, на единицу прироста одинаковый прирост минеральных удобрений давал меньший прирост урожайности и др. показателей, чем прирост органических удобрений, т. е. эффективность (отдача) органических удобрений оказывалась выше, чем минеральных. То же самое наблюдается с приростом техники, рабочей силы, оплаты труда и т. д. Таким образом, задается вопрос: почему одинаковый (один и тот же) прирост фактора дает разный результат? Объяснение может быть двояким. Во-первых, если исходить из известного закона Ломоносова—Лавуазье, согласно которому сколько убыло в одном месте, столько прибыло в другом, то получается, что любой прирост удобрений (а также техники, технологий, рабочей силы и проч.) должен вести к такому же приросту конечного результата, т. е. урожайности, валовой продукции, валовых и чистых доходов и проч. Однако сопоставление многолетних результатов прироста фактора(-ов) с приростом результата(-ов) не подтверждает данное положение. Напротив, как уже замечено, одинаковый прирост фактора(-ов) дает разный прирост результата(-ов). Такое расхождение может быть объяснено следующим образом: всякий прирост фактора передается результату в той же пропорции, в какой результат и фактор состоят между собой. Поэтому если прирост фактора не дает соответствующего прироста результата, то это означает, что недостающая величина где-то потерялась или была заимствована чем-то и где-то, т. е. она могла быть потрачена на что-то другое, а не на результат. Поиски «пропавшего прироста» проводились с помощью коэффициентов корреляции и эластичности, для чего рассчитывалось значение корреляции по фактору, который задал прирост, и результата. Другой аспект — корреляция между фактором, задавшим прирост, и другими факторами, участвовавшими в хозяйственном развитии, т. е. со всеми имеющимися факторами. Что обнаружено? Первое — изменение корреляции между фактором и результатом; в одном случае она выросла, в другом снизилась, но в целом изменилась, хотя эти изменения и оказываются иногда за пределами второго знака. Второе — между фактором, в котором произошел прирост значения, и другими (остальными) факторами изменилась корреляция. Опять, как и в предыдущем случае, имеют место рост с одними и снижение с другими. Последнее может быть интерпретировано как то, что факторы заимствовали часть прироста фактора, т. е. прирост

фактора не достался напрямую и полностью результату, а был заимствован другими факторами. (Кстати, в последующем, когда не производилось никакого прироста данного, а в отдельных случаях и других факторов, конечные результаты — урожайность, прирост, приплод, валовая продукция, валовые и чистые доходы — демонстрировали прирост. Последнее, на наш взгляд, происходило за счет того самого «отложенного» прироста, который не был реализован в момент прямого прироста фактора.) Третье — произошло образование новых кластеров между факторами, т. е., с одной стороны, усиление прежних кластеров, а с другой — появление новых, а также новых очертаний (ареалов) у старых кластеров. Таким образом, наблюдается новая конфигурация и архитектура комплекса факторов.

Третья — прирост фактора (и даже нескольких) не давал ожидаемого прироста результатов. В частности, прирост в технике (приобретение новых тракторов, комбайнов и прочей уборочной техники) почти не отразился на росте урожайности, продуктивности и т. п. показателях, а также на валовой продукции, валовых и чистых доходах. Да, они были, но не такие, которые ожидалось от этих приростов формально. Особенно наглядно это происходило в хозяйствах так называемой горной зоны. Анализ корреляций между фактором (в данном случае техническим оснащением) и урожайностью, а также валовой продукцией и иными показателями показал отсутствие роста. В отдельных случаях наблюдался незначительный (на уровне третьего знака) рост, а в некоторых наблюдалось даже снижение уровня коэффициента корреляции (на уровне второго и даже первого знака). Объяснять причину такого поведения «растратой» прироста фактора, как это сделано в предыдущем случае, оказалось нерациональным, так как, в отличие от предыдущего случая, корреляция фактора, у которого произошел прирост (технического оснащения производства), с другими факторами почти не менялась, т. е. речь идет о прежней конфигурации комплекса факторов. Иначе говоря, производство проигнорировало прирост технического оснащения; никак не отреагировало на прирост технического оснащения ни валовая продукция, ни валовые доходы и тем более урожайность, продуктивность и т. п. показатели. Если сопоставить хозяйства с аналогичными параметрами — изменениями технического оснащения, расположенным в разных зонах, то оказалось, что, в от-

личие от горной зоны, где не наблюдается явной реакции на технический прирост, в предгорной и степной зонах этот прирост состоялся, хотя и не так, как ожидалось. Расчет так называемого композиционного показателя корреляции — общий коэффициент корреляции между факторами, составляющими комплекс, — показал, что его значение для хозяйств предгорной и степной зон оказалось выше, чем для хозяйств горной зоны. В результате ранжирования, калибровки и выбраковки факторов был выявлен так называемый наислабейший (дефицитный) фактор¹⁹; он был необходим технологически, входил в комплекс факторов, но при этом сдерживал развитие всего комплекса в силу своего дефицита. Поэтому когда изменения не касались этого фактора, то прирост других факторов почти не отзывался на росте результатов (валовой продукции и проч. показателей), хотя некоторые изменения в результативных параметрах происходили. Но при этом небольшой прирост дефицитного фактора давал больший результат, чем большой прирост любого из остальных факторов. Происходило как бы «угасание» отдачи от прироста: чем большим был прирост недефицитных факторов, тем ниже был прирост результата. При этом обнаружилось одно важное свойство: если происходил прирост всех факторов и в том числе «наислабейшего» (дефицитного) фактора, то общий прирост результата был высоким, если же прирост факторов опережал прирост «наислабейшего» фактора, то происходил либо незначительный прирост результата, либо его неизменность, а то и вовсе снижение. Но если происходил прирост «наислабейшего» (пополнение дефицитного) фактора, то прирост результата оказывался выше, чем прирост последнего, даже если при этом не происходило прироста других факторов (происходило как бы «пробуждение» накопленной прежними приростами энергии комплекса). Но стоило остановиться на приросте «наислабейшего» фак-

¹⁹ В качестве «наислабейшего» (дефицитного) фактора в разных зонах и тем более хозяйствах выступали различные факторы. Но чаще всего ими были: земля (плодородие почвы), объем вносимых минеральных и органических удобрений, погодные условия (температура воздуха, осадковость, их колебание по сезонам и месяцам), снабжение водой, техникой (виды техники, техническая оснащенность и обеспеченность производств), обеспечение рабочей силой (уровень квалифицированной рабочей силы, агрономы, ветеринары, механизаторы и т. п.).

тора и продолжать наращивать другие факторы, как прирост результатов (валовой продукции, урожайности и проч.) приостанавливался и даже вырождался.

Результаты, выводы и рекомендации

Основной результат настоящего исследования — выявлен, описан и обоснован специфический эффект компактификации, который образуется в результате укладки (упаковки) факторов. Этот эффект нами отнесен к организационным; по крайней мере, он не носит ни технологического, ни институционального и им подобных характера. Его создает так называемая упаковка (укладка, компоновка) факторов. Другим важным результатом может быть предложенная методика выявления описанного эффекта, выражающая уточнения в традиционном корреляционном анализе, которая позволила обнаружить этот эффект, выявить его, описать и интерпретировать.

Выводы. Выявленный эффект не связан с каким-либо конкретным видом деятельности (например, сельским хозяйством, на примере которого проведены расчеты, описание и интерпретация), так как он проявляется также и на уровне территориальных хозяйственных комплексов — по сути, многоотраслевых хозяйственных систем с большим числом разнообразных как по роду занятий, так и по размеру и видам собственности предприятий и организаций. Он также не зависит от количества и качества факторов. Определяющим условием эффективности комплекса факторов является состояние наименьшего, наислабейшего (дефицитного) фактора. Анализ показал (а логика подтвердила), что процесс перекомпоновки комплекса факторов происходит лишь тогда, когда изменения происходят в наислабейшем (дефицитном) факторе. Это изменение может происходить в двух направлениях. Одно связано с приростом ресурса наислабейшего (дефицитного) фактора. В результате, как мы полагаем, он из слабой (дефицитной) переходит на любой другой, более высокий уровень, производя за собой структурирование всего комплекса, т. е. в результате этого перехода происходит переукладка факторов в комплексе кластера; формируется новая архитектура последнего (что было видно на примере факторной матрицы корреляций между факторами).

Другое направление связано с сокращением наислабейшего фактора (увеличением его дефицитности). Этот процесс также стимулирует перегруппировку комплекса факторов. Но, в отличие от предыдущего, где происходит смена наислабейшего фактора на новый, новый наислабейший оказывается сильнее предыдущего наислабейшего, поэтому наблюдается рост результата; во втором случае наислабейшим остается прежний (стало быть, никакого роста «пропускной способности», производительной силы комплекса не происходит, напротив, снижение увеличивает дефицит, а через него также и результативность), а значит, никакой смены основы роста не происходит. Более того, поскольку он становится еще более дефицитным, то возможности комплекса снижаются еще больше. Важно указать, что никакой рост других факторов (факторов, расположенных на других уровнях) не стимулирует соответствующего (ожидаемого от такого прироста) роста результата. Получается, что последнее (прирост сильнейшего и т. д. факторов) — пустая трата ресурсов.

Смысл выявленного и описанного эффекта заключается в том, что на уровне факторов идет постоянная организация хозяйственного процесса: факторы находятся в постоянном процессе перестройки, укладки, комплектации все новых и новых комбинаций. Толчком к этой организации служат изменения (прирост, снижение) в наислабейшем (дефицитном) факторе. Но внешний толчок необязательно имеет так называемый рукотворный характер. Внешняя среда — уровень солнечной радиации, движение атмосферы, температура, осадковость и т. д., в которой ведется хозяйственный процесс, — такие же источники этих изменений, как и дополнительный килограмм минеральных удобрений, литр воды и т. д. или же цены и т. п.

Описанный нами эффект в теоретическом и методологическом плане возвращает нас к выдающейся работе А. Богданова «Всеобщая организационная наука, или Тектология», 100-летию выхода третьего издания которой и посвящено настоящее исследование.

Обобщение эмпирических данных позволяет уточнить существующие и внести новые положения в методологию функционирования хозяйствующих объектов.

Первое — развитие любого хозяйствующего объекта с момента образования и до завершения связано с факторами; факторы создают/образуют хозяйственную систему, задают ей траекторию развития и завершают само развитие — со всеми сопровождающими,

сопутствующими данное развитие событиями. Но поэтому экономическое развитие любого хозяйственного объекта (от домашнего хозяйства до территории) определяется не количеством (емкостью) и качеством факторов, которыми он располагает, а их набором, а точнее комплексом или комплексами факторов. Это так называемое положение о факторной непредопределенности экономического развития.

Второе — всякий хозяйственный объект имеет в своем распоряжении всю совокупность факторов, но при формировании комплексов всякий раз использует лишь ограниченное их число и, главное, специфическую комбинацию, т. е. каждый хозяйственный объект в каждое конкретное время использует ограниченное число имеющихся факторов и их комбинацию. Сами факторы в хозяйственной системе выстраиваются в виде матрицы, носящей характер ресурсно-факторной матрицы. Поэтому хозяйственные объекты различаются не числом факторов (она у всех одинакова), а комбинацией или рисунком матрицы. Это положение о факторной комбинации.

Третье — все факторы в матрице взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, причем так, что каждый фактор взаимосвязан и взаимодействует со всеми остальными факторами; в матрице нет ни одного «свободного», «независимого», невзаимосвязанного фактора. Однако, во-первых, взаимосвязь между различными факторами оказывается различной (дифференцированной), во-вторых, факторы образуют свои локальные кластеры, в которых связь между факторами оказывается высокой. Взаимосвязь между факторами приводит к тому, что факторы (их кластеры и матрица) постоянно флуктуирует; флуктуации (амплитуда колебаний и др. параметры) у каждого фактора оказываются индивидуальными и временными, т. е. изменяются по времени (точнее — по событиям, но поскольку события расположены по времени, то флуктуации можно наблюдать по времени). В результате флуктуации создают определенные кластеры, которые работают определенное время. В принципе время существования таких кластеров может быть продолжительным. Все зависит от колебаний факторов, а последние — от конъюнктуры. При сильной и изменчивой конъюнктуре флуктуации усиливаются, в результате чего образовавшиеся кластеры начинают распадаться, но поскольку факторы не могут оставаться изолированными, то образуются новые кластеры с новыми рисунками и ареалами. Сама ресурсно-факторная

матрица оказывается подвижной, что проявляется в изменениях базовых параметров матрицы.

Четвертое — факторы флуктуируют²⁰, собираются в кластеры, формируют ареалы, изменяют их. Все это приводит в движение ресурсно-факторную матрицу, но матрица одновременно и консервативна, и подвижна. Оба свойства формируются связями факторов; связи оказывают стабилизирующее и динамичное (подвижное) влияние на матрицу. При этом следует указать на нелинейный многомерный характер связей у всех факторов: речь идет о том, что каждый фактор взаимосвязан со всеми остальными факторами прямо, непосредственно и косвенно, опосредованно, т. е. каждый фактор связан со всяким другим (остальными) прямо и непосредственно, но также через связь с другим(-ими) фактором(-ами). Что дает такая архитектура? Прежде всего, указывает на значимость фактора. Он может наращивать свое влияние (свою силу) в результате новой комбинации факторов и изменившейся конъюнктуры, а может и снижать силу своего влияния — все зависит от его места в новой комбинации и новых кластерах.

Литература

1. *Абалкин Л.И.* Тектология А. Богданова: На пути к новой парадигме // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 3—14.
2. *Берестовая К.* Основные факторы производства и факторные доходы. Рынки факторов производства и факторные доходы: URL: <https://www.syl.ru/article/304183/osnovnyie-faktoryi-proizvodstva-i-faktornyie-dohodyi-ryinki-faktorov-proizvodstva-i-faktornyie-dohodyi> (дата обращения: 16.02.2024).
3. *Богданов А.А.* Тектология (Всеобщая организационная наука): В 2 кн. М.: Экономика, 1989.
4. *Волкова В.Н., Логинова А.В.* Состояние «подвижного равновесия» (по А.А. Богданову) как объект управления // Современная конкуренция. 2023. Т. 17. № 3. С. 101—114; DOI: 10.37791/2687-0649-2023-17-3-101-114.

²⁰ Флуктуация факторов — это их цена. Цена изменчива, динамична, зависит от спроса и предложения фактора.

5. *Гребнев Л.* Факторы и ресурсы: тождество, различие или противоположность? // Вопросы экономики. 2010. № 7. С. 135—150.
6. *Жуликова О.В.* Новые представления о факторах производства // NovaInfo. 2015. № 30: URL: <https://novainfo.ru/article/2997> (дата обращения: 26.02.2024).
7. *Кендэл М.Д., Стьюарт А.* Статистические выводы и связи / Пер. с англ. Л.И. Гальчука, А.Т. Терехина; под ред. А.Н. Колмогорова. М.: Наука, 1973. 899 с.
8. *Клейнер Г.Б.* «Сознательно-товарищеские» начала организационно-управленческой модели А. Богданова // Современная конкуренция. 2023. Т. 17. № 2. С. 5—12: DOI: 10.37791/2687-0649-2023-17-2-5-12.
9. *Коваленко А.И.* Возможности упорядочения конкурентного взаимодействия в свете «Тектологии» А.А. Богданова // Современная конкуренция. 2023. Т. 17. № 3. С. 126—137: DOI: 10.37791/2687-0649-2023-17-3-126-137.
10. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XIX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.
11. *Моисеев Н.Н.* Тектология Богданова — современные перспективы // Вопросы философии. 1995. № 8.
12. *Папава В.* О некоторых спорных вопросах теории факторов производства // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 3. С. 106—118. DOI: 10.25136/2409-8647.2017.3.23890.
13. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // *Рикардо Д.* Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. 360 с.
14. *Сэй Ж.Б.* Трактат политической экономии. М.: Наука, 1986. 325 с.
15. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1980. 684 с.
16. *Тахтаджян А.Л.* Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1971.
17. *Урманцев Ю.А.* Тектология и общая теория систем // Вопросы философии. 1995. № 8.
18. *Papava V.* On Production Factors // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 145—149.

References

1. *Abalkin L.I. Tektologiya A. Bogdanova: Na puti k novoj paradigme* // Voprosy filosofii. 1995. № 8. S. 3—14.
2. *Berestovaya K. Osnovnye faktory proizvodstva i faktornye dohody. Rynki faktorov proizvodstva i faktornye dohody*: URL: <https://www.syl.ru/article/304183/osnovnyie-factoryi-proizvodstva-i-faktornye-dohodyi-ryinki-faktorov-proizvodstva-i-faktornye-dohodyi> (data obrashcheniya: 16.02.2024).
3. *Bogdanov A.A. Tektologiya (Vseobshchaya organizacionnaya nauka): V 2 kn. M.: Ekonomika, 1989.*
4. *Volkova V.N., Loginova A.V. Sostoyanie «podvizhnogo ravновesiya» (po A.A. Bogdanovu) kak ob"ekt upravleniya* // Sovremennaya konkurenciya. 2023. T. 17. № 3. S. 101—114: DOI: 10.37791/2687-0649-2023-17-3-101-114.
5. *Grebnev L. Faktory i resursy: tozhdestvo, razlichie ili protivopolozhnost'?* // Voprosy ekonomiki. 2010. № 7. S. 135—150.
6. *ZHulikova O.V. Novye predstavleniya o faktorah proizvodstva* // NovaInfo. 2015. № 30: URL: <https://novainfo.ru/article/2997> (data obrashcheniya: 26.02.2024).
7. *Kendel M.D., St'yuart A. Statisticheskie vyvody i svyazi / Per. s angl. L.I. Gal'chuka, A.T. Terekhina; pod red. A.N. Kolmogorova. M.: Nauka, 1973. 899 s.*
8. *Klejner G.B. «Soznatel'no-tovarishcheskie» nachala organizacionno-upravlencheskoj modeli A. Bogdanova* // Sovremennaya konkurenciya. 2023. T. 17. № 2. S. 5—12: DOI: 10.37791/2687-0649-2023-17-2-5-12.
9. *Kovalenko A.I. Vozmozhnosti uporyadocheniya konkurentnogo vzaimodejstviya v svete «Tektologii» A.A. Bogdanova* // Sovremennaya konkurenciya. 2023. T. 17. № 3. S. 126—137: DOI: 10.37791/2687-0649-2023-17-3-126-137.
10. *Koval'chenko I.D., Milov L.V. Vserossijskij agrarnyj rynek. XVIII — nachalo XIX veka. Opyt kolichestvennogo analiza. M., 1974.*
11. *Moiseev N.N. Tektologiya Bogdanova — sovremennye perspektivy* // Voprosy filosofii. 1995. № 8.
12. *Papava V. O nekotoryh spornykh voprosah teorii faktorov proizvodstva* // Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika. 2017. № 3. S. 106—118. DOI: 10.25136/2409-8647.2017.3.23890.

13. *Rikardo D.* Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya // *Rikardo D. Soch.: V 3 t. T. 1.* M.: Politizdat, 1955. 360 s.
14. *Sej ZH.B.* Traktat politicheskoy ekonomii. M.: Nauka, 1986. 325 s.
15. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Nauka, 1980. 684 s.
16. *Tahtadzhyan A.L.* Tektologiya: istoriya i problemy // *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik.* M.: Nauka, 1971.
17. *Urmancev YU.A.* Tektologiya i obshchaya teoriya sistem // *Voprosy filosofii.* 1995. № 8.

С.Е. ТРОФИМОВ

Практическая реализация методологии государственного регулирования нефтегазового комплекса на основе встраивания в контур Шестого технологического уклада*

Аннотация. В статье представлены результирующие положения научного исследования по вопросам совершенствования государственного регулирования нефтегазового комплекса и разработки его методологии на основе встраивания в контур Шестого технологического и нового мирохозяйственного укладов. Направленная на достижение технологического суверенитета и опережающего экономического развития, разработанная методология способствует повышению экономической устойчивости, обеспечению национальной и энергетической безопасности государства. Выделены задачи проведения научного исследования, предложены приоритетные направления практической реализации методологии с позиций системно-функционального и комплексного подходов. В условиях технологических трансформаций и беспрецедентных внешних вызовов научно

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Трофимов С.Е. Практическая реализация методологии государственного регулирования нефтегазового комплекса на основе встраивания в контур Шестого технологического уклада // *Философия хозяйства.* 2025. № 4. С. 138—158. DOI: 10.5281/zenodo.15698327.

обоснована необходимость формирования единой цифровой экосистемы государственного управления, представлены ключевые положения практического внедрения научных результатов исследования в работе государственной корпорации «Ростех».

Ключевые слова: государственное регулирование, нефтегазовый комплекс, практическая методология, технологический суверенитет, устойчивое экономическое развитие, национальная безопасность, энергетическая безопасность, Шестой технологический уклад.

Abstract. In article are presented the resulting provisions of a scientific research on improving the state regulation of the oil and gas complex and developing its methodology based on the integration of the Sixth technological and new world economic paradigms into the contour. Aimed at achieving techno-logical sovereignty and advanced economic development, the developed methodology contributes to increasing economic sustainability, ensuring national security and energy sustainability of the state. Are highlighted the tasks of conducting scientific research, are proposed the priority directions for practical implementation of the methodology from the standpoint of system-functional and integrated approaches. In the context of technological transformations and unprecedented external challenges, the need to form a unified digital ecosystem of public administration has been scientifically substantiated, are presented the key provisions for the practical implementation of scientific research results in the work of the «Rostec» State Corporation.

Keywords: state regulation, oil and gas complex, practical methodology, technological sovereignty, economically sustainable development, national security, energy sustainability, Sixth technological paradigm.

УДК 338.45:622.3(470)
ББК 65.305.143.2-21

Введение

Смена технологических и мирохозяйственных укладов, в основе которой лежат эволюционные процессы, напрямую затронула российскую экономику. В сложившихся условиях одна из задач государственного регулирования (ГР) сводится к стимулированию внут-

ренных источников ее устойчивого развития; возрастает необходимость в проведении прагматичной бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, принятии решений, направленных на комплексное социально-экономическое развитие регионов. Это позволяет внести вклад в достижение экономического и технологического суверенитета, рассматривать санкционное давление, иные виды административных и торговых ограничений, сложную геополитическую ситуацию в качестве трамплина для выхода на опережающие темпы роста [5, 9].

Центральная роль в данном вопросе отводится нефтегазовому комплексу (НГК) — системообразующему сектору народного хозяйства, формирующему основу государственного бюджета, промышленного производства и экспортных поступлений. Западные технологические санкции в отношении российского добывающего сектора экономики дали мощный импульс для развития отечественной промышленности. При этом беспрецедентные вызовы, стоящие перед российской экономикой, выявили ее недостаточную эффективность, обусловили необходимость совершенствования ГР НГК, разработки его методологии в условиях внешнеполитических и технологических трансформаций.

В то же время существующие в данной области научные исследования не дают полного представления о конкретных мерах по разрешению приоритетных задач и устранению внешних вызовов, с которыми сталкивается российская экономика. Стратегия опережающего экономического развития предусматривает разработку принципиально новой методологии ГР отраслей промышленного производства, ориентированной на достижение технологического лидерства, обеспечение национальной и энергетической безопасности с учетом синергетического эффекта связанных направлений, а также осуществления корректировки регулирующего воздействия. Таким образом, в современных условиях возрастает необходимость реализации государственной экономической политики, основанной на встраивании в контур Шестого технологического уклада, комплексном внедрении цифровых технологий в систему государственного управления и в различные сегменты народнохозяйственного механизма.

Задачи проведения научного исследования государственного регулирования нефтегазового комплекса России

В существующих прогнозах стратегического развития НГК, разрабатываемых в рамках различных сценарных условий, недостаточное внимание уделяется вопросам интенсификации геологоразведки, добычи и переработки углеводородных ресурсов, формирования прагматичных условий реализации нефтегазовой продукции на внутреннем и экспортных рынках, расширения кооперационных взаимодействий со связанными отраслями экономики и производствами. На современном этапе технологических трансформаций совершенствование механизма ГР НГК предусматривает необходимость разграничения понятийно-категориального аппарата, систематизации используемых теоретико-методологических положений. Разработка прогнозов долгосрочной устойчивости отечественного ТЭК должна быть основана на методах стратегического планирования, предполагать исследование динамики основных показателей функционирования НГК и изменений структуры ТЭБ в разрезе глобального энергетического перехода.

Постановка и достижение задач научного исследования опережающего технологического развития НГК и совершенствования механизма ГР отражены в научных монографиях автора [18—20]:

- определить теоретические предпосылки становления новой экономической доктрины ГР НГК, основанной на цифровизации системы государственного управления и производственных процессов, переходе к Шестому технологическому укладу, обеспечении национальной и энергетической безопасности, импортоопережении в промышленности и совершенствовании экологической политики;
- провести анализ генезиса и функционирования механизма ГР НГК России, раскрыть его особенности с учетом различных сценарных прогнозов развития мировой и отечественной энергетики и выделением драйверов экономического роста, обеспечивающих устойчивое развитие национального НГК в условиях глобального энергетического перехода;
- выработать предложения по совершенствованию ГР НГК, повышению энергоэффективности национальной экономики, наращиванию экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью и

диверсификации рынков сбыта, становлению крупных энергетических центров, содействию внутреннему экономическому и технологическому росту при проведении скоординированной государственной политики;

- раскрыть факторы, содействующие формированию институциональной платформы ГР НГК, направленной на поддержание долгосрочного баланса интересов государства, регионов и нефтегазовых предприятий, с учетом применения опыта российских и международных институтов регулирования;

- проанализировать взаимодействие с государствами ЕАЭС в нефтегазовой сфере, обусловленное необходимостью повышения эффективности ГР, укрепления национальной и энергетической безопасности, интеграционных и внешнеторговых взаимодействий;

- рассмотреть ключевые направления формирования единого энергетического рынка ЕАЭС, совершенствования регулирующей практики, ориентированной на расширение экономических отношений между субъектами нефтегазовой деятельности [20, 2];

- показать многоуровневую систему методологии теоретического исследования ГР НГК, проанализировать существующие методологические принципы, общенаучные подходы и конкретно научные методы исследования, условия их формирования и развития с учетом цифровизации национальной и мировой экономики; научно обосновать практическое использование выбранного методологического инструментария;

- разработать методолого-практические положения ГР НГК, проанализировать их развитие в условиях трансформации мировой экономической системы, становления Шестого технологического уклада, что позволяет сформировать практическую методологию совершенствования ГР НГК;

- обосновать необходимость применения системно-функционального подхода в ГР НГК как методологического инструмента, способствующего повышению эффективности его механизма и обеспечению экономически устойчивого развития в контексте цифровых технологических изменений и глобального энергетического перехода [18, 2];

- определить направления практического применения методологии ГР и разработать методологические положения освоения углеводородных запасов арктического и континентального шельфа России в условиях проведения государственной промышленной политики, направленной на импортоопережение нефтегазового производства;
- проанализировать факторы, определяющие ценообразование на топливно-энергетическом рынке, усовершенствовать методику прогнозирования ценовой динамики на нефть с разработкой ее прогнозного горизонта;
- сформулировать основные положения совершенствования государственной инвестиционной политики в НГК, показать их взаимосвязи в структуре национальной экономики, рассмотреть методы привлечения и осуществления капиталовложений, инвестиционную составляющую и приоритеты разработки углеводородных запасов арктического и континентального шельфа;
- адаптировать исследованные теоретические положения и методологический инструментарий ГР НГК к российской действительности с учетом внутренней специфики и передового зарубежного опыта, выделить направления их практической реализации;
- разработать концептуальный подход к импортоопережению нефтегазового производства России в условиях осуществления глобального энергетического перехода и ужесточения санкционного давления на национальную экономику [19, 2].

Практическая реализация методологии государственного регулирования нефтегазового комплекса

Нефтегазовая промышленность как флагман технологического развития выступает объектом приложения цифровых решений. Становление Шестого технологического уклада в НГК характеризуется недостаточной гибкостью при проведении государственной научно-технологической политики, направленной на становление инфраструктуры цифровой экономики. Разработка рекомендаций по цифровизации системы государственного управления, отраслей экономики и промышленного производства связана с преодолением внутренних и внешних барьеров, комплексным внедрением передовых

технологий, устранением инфраструктурных ограничений. В перспективе предполагается формирование единой платформы по предоставлению государственных услуг в цифровой форме, структурно соединенных общей архитектурой и критериями в отношении реализации стратегических целевых ориентиров цифровой трансформации [6, 25].

Критерии эффективности механизма ГР НГК должны предусматривать комплексную оценку регулирующего воздействия, быть направлены на качественное улучшение ключевых макроэкономических показателей, выполнение социальных обязательств. Оперативное реагирование на внешние вызовы, выраженные в беспрецедентном политическом давлении, возможно осуществить благодаря гибкости в принятии регулирующих решений, их адаптации к специфике внутреннего рынка и цифровым трансформациям, проведении комплексного мониторинга экономической ситуации и достоверном прогнозировании дальнейших тенденций.

Критерии результативности ориентируются на достижение устойчивого экономического роста, развитие экосистем промышленного производства, взаимоувязывают различные показатели стратегического планирования, что предполагает их своевременную корректировку. Также они учитывают глобальные интеграционные процессы и формирование новых международных институтов, предусматривают значительное увеличение инвестиций на проведение перспективных исследований, разработку и внедрение инноваций в различных сегментах НГК. Это находит прямое отражение в эффективности системы государственного управления [3, 4]. Становление новой геополитической и энергетической карты мира предусматривает расширение внешнеэкономических отношений с дружественными странами. В частности, экономическая интеграция с государствами ЕАЭС направлена на поддержание энергетической безопасности, обеспечение экономической устойчивости, целостности и связности отраслей народнохозяйственного механизма.

Объективные изменения структуры механизма ГР НГК за счет расширения интеграционных взаимодействий и участия в зарубежных энергетических проектах обусловлены технологическими трансформациями, необходимостью ответа на внешние вызовы. Промышленная кооперация между предприятиями энергетического сектора

предполагает создание производственных кластеров, связана с унификацией правовых норм, технических стандартов и регламентов, различных регуляторных требований, в том числе разработку правил торговли нефти и газом, доступа к системам их транспортировки и порядка осуществления биржевых торгов. Исследование особенностей энергетической политики зарубежных государств, формирование на основе проведенного анализа «дорожных карт» экономического и инновационного сотрудничества, реализация плана мероприятий по гармонизации НПА в определенной степени позволяют выделить проблемы и противоречия внутреннего законодательства в ТЭК [2, 17].

Трансформация мировой экономической системы обусловила необходимость принятия государственных решений в энергетической сфере и комплексного применения передовой регулирующей практики, адаптированной к российской специфике [24]. ГР направлено на стимулирование внутреннего экономического роста НГК, создание необходимых правовых и институциональных условий, обеспечение бесперебойного функционирования отрасли в условиях становления Шестого технологического и нового мирохозяйственного укладов. Индивидуальный подход к реализации нефтегазовых проектов выступает показателем практической применимости предложенной методологии.

Разработанная методология направлена на достижение технологического суверенитета и опережающее развитие российской экономики, обеспечение целостности и связности отраслей хозяйственного механизма в условиях беспрецедентных внешних вызовов, экономических и технологических трансформаций, содействие интенсификации промышленных производств [11, 21]. Основанная на встраивании НГК в контур Шестого технологического и нового мирохозяйственного укладов, она позволяет выделить и проанализировать приоритетные направления совершенствования народнохозяйственного механизма. Это обуславливает дальнейшее развитие контрольной функции ГР, обеспечение стабильности правовых условий и налоговых режимов при реализации энергетических проектов.

Развитие методологических основ ГР НГК на современном этапе экономических отношений включает разработку методологического инструментария комплексного освоения углеводородных запа-

сов, принятие выверенных регулирующих решений в отношении реализации нефтегазовых проектов. Устойчивое экономическое развитие НГК связано с повышением эффективности регулирующего воздействия, совершенствованием форм и инструментов ГР, доведением уровня производительности труда в нефтегазовой отрасли до передовых мировых показателей. Систематизация и практическая реализация методологических положений, обладающих внутренней гибкостью, осуществляются с учетом долгосрочных экономических приоритетов [1, 8, 10].

Практическая методология ГР НГК включает разработку стратегических и программно-целевых документов развития, предусматривает своевременное реагирование на возникающие внешние вызовы, расширение взаимодействий со связанными сегментами экономики и производствами, реализуется с учетом различных подходов участников энергетических отношений к инструментарию регулирующего воздействия [7, 14]. В рамках научного исследования НГК рассматривается в качестве объекта приложения регулирующего воздействия, развитие которого осуществляется в условиях смены технологических укладов, что предполагает изменение места объекта исследования в экономической системе. При этом следует учитывать не только положительный опыт нефтегазовых корпораций, но и негативную внешнюю конъюнктуру, включающую риски изменения политических факторов и санкционного давления, а также ошибки в принятии стратегических управленческих решений. В частности, заключение прагматичных экспортных контрактов предусматривает строительство производственной инфраструктуры, связанной с обеспечением национальной безопасности и достижением технологического суверенитета [13, 15].

В условиях цифровых и технологических изменений ГР НГК направлено на содействие внутреннему отраслевому развитию, стимулирование комплексного внедрения инноваций, достижение опережающих темпов экономического роста. Формирование новых организационно-структурных элементов его механизма предусматривает сбалансированность и системность, разработку методики эффективности нефтегазовых проектов. В частности, проект газопровода «Сила Сибири — 2» через территорию Монголии мощностью 50 млрд м3 проходит стадию обсуждения: подготовлены проектная

документация и технико-экономическое обоснование. При этом ценообразование на поставки трубопроводного газа отличается от спотовых цен на СПГ.

Комплексное внедрение передовых технологий в НГК обуславливает необходимость совершенствования теоретико-методологических основ ГР, сообразного им изменения методологических подходов. Предложенная методология ГР НГК как принцип построения теории, включающий сохранение положительного содержания, позволила выделить внутренние противоречия, с которыми сталкивается экономическая система на этапе становления Шестого технологического уклада. Задействованный в исследовании эмпирический метод проб и ошибок предусматривает восхождение от теоретически-абстрактного к конкретному знанию, применимому на практике в виде наблюдения. Это позволяет более рельефно выделить научные результаты, перенести разработанные положения в практическую плоскость.

Решение проблемных аспектов стратегического развития НГК и повышения его устойчивости связано с выработкой методологических регулятивов, отвечающих новым технологическим условиям и внешним вызовам. Опережающее развитие НГК сбалансировано с темпами изменений в связанных отраслях и производствах, что находит отражение в корректировке структуры национальной экономики. Трансформация условий его функционирования требует выработки новых подходов к ГР; разработанные методологические основы с определенными корректировками возможно применить к развитию других отраслей промышленного производства.

Методология государственной нефтегазовой политики предусматривает переход к более стабильным и гибким энергетическим системам, обеспечивающим защиту энергетической инфраструктуры и формирование устойчивых цепочек поставок. Критерии принятия индивидуализированных решений при разработке месторождений обусловлены проблематикой нового технологического уклада. Это предусматривает объединение потенциала науки и промышленности, преодоление дефицита инвестиций в основной капитал и производственные мощности, расширение использования национальных валют во взаимной торговле, практическую реализацию передовых технологических решений [5, 14, 22].

Формирование единой цифровой экосистемы государственного управления

Создание технологической платформы, объединяющей цифровые решения различных государственных ведомств, направлено на бесперебойное функционирование системы государственного управления, развитие взаимодействий органов власти, нефтегазовых предприятий и населения. В основу цифровой экосистемы закладывается формирование технологической инфраструктуры, реализуемое за счет совершенствования нормативно-правовой базы цифровой экономики, исследования передового российского и зарубежного опыта, принятия целенаправленных мер государственной и регуляторной поддержки инновационной деятельности нефтегазовых предприятий. Преобразование структуры экономики с акцентом на высокотехнологичные производства сопряжено с изменением институциональных факторов и формированием новых интеграционных взаимодействий, оказывает воздействие на проводимую социальную политику за счет изменения потребительских предпочтений [21].

Изменение роли и места НГК в структуре российской экономики обусловили необходимость его рассмотрения в качестве объекта приложения цифровых технологий при решении задач отраслевого развития. Формирование единой цифровой экосистемы государственного управления и отраслей экономики предусматривает технологическое и регулятивное совершенствование всех сегментов национального НГК. Цифровая экосистема позволяет выделить неэффективные меры и основные недостатки механизма ГР НГК и устранить их, способствует разработке результативных ответных действий на внешнюю конъюнктуру. Выверенный, целостный методологический инструментарий задает вектор практической реализации регулирующих решений; это обеспечивает переход на качественно новый уровень, возврат к исходной точке на более высоком этапе экономического и технологического развития.

Становление Шестого технологического уклада сопряжено с индивидуализацией производства и потребления, значительным сокращением энергоемкости отраслей промышленности. Опережающее экономическое развитие, основанное на встраивании в фазу роста нового уклада, невозможно без целостности и связности сегмен-

тов народнохозяйственного механизма, государственного стимулирования комплексного внедрения инноваций, применения передовых форм производственной кооперации. Особое внимание уделяется задействию доминирующих технологий, образующих ядро нового технологического уклада, внедрению киберфизических систем в производственные процессы. Экономика «замкнутого цикла», включающая интеграцию цепочек ценности, реализуется благодаря комплексному внедрению новейших достижений НТП, содействию ключевым потребностям промышленных предприятий, возвращению технологических компетенций в области big data, интернета вещей, предиктивной аналитики, технологий распределенного реестра и возможностей искусственного интеллекта в НГК [25].

Многоукладность экономической системы предполагает связывание накопленного управленческого опыта, объединение различных научных направлений и технологических задач. Эмбриональная фаза нового технологического уклада характеризуется выделением ключевых стратегических приоритетов государственной экономической и энергетической политики, концентрацией на их последовательном выполнении. Продвижение к технологическому лидерству основано на повышении инновационности предприятий с высокой добавленной стоимостью, формировании технологического задела для обеспечения суверенитета, совершенствовании производственно-сбытовых цепочек поставок, создании новых видов высокотехнологичной продукции. Это достигается за счет использования информационных технологий в государственном управлении и отраслях промышленности, автоматизации управленческих и технологических процессов, масштабирования перспективных управленческих решений. Драйверами опережающего экономического развития выступают комплексное внедрение передовых цифровых технологий, становление наукоемких предприятий, обеспечивающее принципиально новый уровень управления экономическими системами и нефтегазовыми компаниями.

Расширение интеграционных взаимодействий в направлении обмена технологическим опытом и компетенциями включает выделение приоритетов внешнеэкономической политики, проведение крупных международных мероприятий в технологической сфере в контексте трансформационных процессов и перспектив развития ми-

ровых энергетических рынков. Сюда относится исследование ключевых трендов глобальной энергетики, в том числе использования автомобильного транспорта, перехода на ВИЭ, потребления продукции глубокой переработки углеводородов и нефтегазохимии в долгосрочном прогнозном горизонте [16].

Прагматичные условия контрактов в области Четвертой промышленной революции и Шестого технологического уклада способствуют росту капитализации российских компаний, развитию внутреннего финансового рынка, стимулируют корпорации, банковский сектор к выделению значительных инвестиций на приоритетные высокотехнологичные разработки. Предлагаемые цифровые решения возможно использовать, в частности, в вопросах бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, таможенно-тарифного регулирования, увеличения производственных мощностей и наращивания промышленного потенциала в различных сегментах энергетического производства.

Развитие технологической инфраструктуры цифровой экономики предусматривает создание приоритетных экономических условий инновационного становления нефтегазовых предприятий, выявление инфраструктурных стыков и ограничений, разработку технических требований и регламентов. В рамках информационного взаимодействия между различными органами государственного управления реализуется мониторинг достижения целевых показателей цифрового и технологического развития, предполагающих кратный рост производительности труда в отдельных сегментах промышленного производства. Организационно-правовая платформа единой цифровой экосистемы включает осуществление контрольной функции государства в отношении унификации законодательства цифровой экономики, ускорения сроков согласования межведомственных взаимодействий, согласованности с Государственной программой «Цифровая экономика», дорожными картами цифровой трансформации субъектов федерации [12, 22].

Таким образом, преобразование накопленного российского опыта ГР отраслей экономики и промышленности к внедрению глобальных технологических достижений и высоких наукоемких технологий, а также адаптация передовой зарубежной практики к специфике внутреннего рынка направлены на качественное повышение

эффективности государственной энергетической политики, обеспечение экономической устойчивости и конкурентоспособности, достижение целей опережающего экономического развития на основе встраивания НГК в контур Шестого технологического и нового мирохозяйственного укладов.

Стратегическое развитие государственной корпорации «Ростех» на современном этапе

Стратегическое развитие государственной корпорации «Ростех» включает разработку стратегических направлений и принятие методологически выверенных управленческих решений, направленных на последовательное достижение целевых ориентиров, заложенных в Стратегии развития, в установленные сроки. Примером может служить предложенное автором в 2021 г. создание единой цифровой экосистемы предприятий, входящих в контур государственной корпорации, направленное на качественное улучшение экономических результатов деятельности, сокращение непроизводительных расходов.

Стратегическое развитие охватывает вопросы финансово-экономической и инвестиционной деятельности государственной корпорации, в том числе проведение экономической и экспертной аналитики, оценку перспективных проектов и направлений развития, выхода на новые рынки сбыта, масштабирование эффективных управленческих практик, внедрение в практику разработанных научных исследований, теоретико-методологических положений, практических предложений и рекомендаций. Одним из стратегических приоритетов может выступить развитие нефтегазового направления государственной корпорации. Следует отметить, что консолидация всех нефтегазовых активов под единое управление позволит обеспечить вывод на качественно новый уровень развития. Дополнительные доходы, получаемые от управления нефтегазовыми активами, возможно задействовать в связанных отраслях и иных направлениях деятельности государственной корпорации. Необходимо отметить значимость наличия двусторонней обратной связи с сотрудниками. В частности, это позволяет вносить своевременные предложения по совершенствованию экономического блока государственной корпорации, адаптировать результативные управленческие решения к перспективным проектам с учетом особенностей их практической реализации.

Международная практика исходит из того, что крупнейшие корпорации зачастую неповоротливы к изменениям по сравнению с относительно небольшими компаниями. Соответственно, в условиях трансформационных изменений необходимо принятие мер по повышению экономической гибкости, маневренности, адаптации к новым цифровым и технологическим условиям, выходу на новые направления и рынки сбыта продукции. Данные вопросы включают адаптацию государственной корпорации к цифровым и технологическим изменениям, их соответствие нормативно-правовой базе; перенаправление потоков капитала на перспективные направления; развитие корпоративных связей и отношений с крупнейшими компаниями из других отраслей и сфер производства, финансовыми институтами и организациями. Особое внимание уделяется соотнесению с задачами Минпромторга, разработке методологии реализации крупномасштабных, стратегически значимых проектов.

Эффективная конкуренция на глобальных рынках содействует ускоренному экономическому развитию ключевых отраслей российской промышленности. В данном контексте следует выделить необходимость прозрачных взаимодействий между предприятиями холдинговых структур государственной корпорации. Это способствует повышению эффективности корпоративного управления производственными активами, сокращению непроизводительных расходов. Ключевая роль в Стратегии развития должна отводиться расширению конструктивных взаимодействий с органами государственной власти, различными энергетическими и инвестиционными компаниями, правительствами дружественных зарубежных стран.

Становление предприятий, обретение и укрепление их экономической устойчивости и прозрачности функционирования в новых макроэкономических условиях включает вопросы расширения производственных мощностей, оптимизации маршрутов поставок на рынки сбыта продукции. Долгосрочный рост производительности труда, увеличение внутреннего товарооборота и экспортных поставок обеспечивают большую загрузку ключевых транспортных потоков. Модернизация позволяет существенно повысить производительность предприятий и загрузку производственных объектов. Предприятия заинтересованы в выгодных условиях кредитования, стабильности денежно-кредитной политики, минимизации политических рисков. Результативность управленческих решений зависит в том числе

от комплексного внедрения инноваций и передовых технологий, финансовых возможностей.

Прагматичная социальная политика предприятий включает разработку социальных и экологических программ развития территорий, проведение мероприятий по сохранению окружающей среды, комплексное развитие инфраструктуры в регионах присутствия. Объединение компаний, приобретение совместных долей в предприятиях осуществляются с целью повышения эффективности, сокращения непроизводительных, в том числе административных расходов.

На современном этапе экономических отношений следует выделить роль и значение осуществления взаимодействий с партнерами, располагающими необходимыми технологическими, инновационными разработками, ресурсным и кадровым потенциалом; оказания взаимной технологической, консультационной поддержки на долгосрочной основе. Рост экспортной выручки и интенсификация производств — важнейшие составляющие устойчивого развития промышленных предприятий. Выделение ключевых точек прорывного экономического роста, разработка стратегических направлений развития отраслей промышленности позволяют адаптировать передовые управленческие практики в деятельности государственной корпорации «Ростех». В конечном итоге, данные меры способствуют принятию результирующих управленческих решений по обеспечению технологического прорыва в относительно короткие сроки [23].

Заключение

Решение поставленных в научном исследовании задач позволило разработать следующие теоретико-методологические положения и практические рекомендации:

- теоретико-методологические подходы к ГР НГК: проведен анализ генезиса его механизма и развития на этапе становления Шестого технологического уклада, исследованы специфика, направления совершенствования ГР НГК Российской Федерации в условиях цифровизации ТЭК и системы государственного управления, а также глобального энергетического перехода;
- концептуальные основы ГР НГК в контексте формирования и углубления евразийской экономической интеграции: изучены его институциональные положения, проанализированы внешнеэкономические

ческие взаимодействия со странами ЕАЭС, способствующие укреплению национальной и энергетической безопасности государства; научно обоснована значимость формирования единого энергетического рынка ЕАЭС как фактора, содействующего его устойчивому развитию;

- трехуровневая система методологии теоретического исследования ГР НГК, состоящая из методологических принципов, общенаучных подходов и конкретно-научных методов исследования; практическая методология его совершенствования в условиях комплексного внедрения технологий Шестого технологического уклада и осуществления глобального энергетического перехода; научно обоснована целесообразность применения системно-функционального подхода в обеспечении экономически устойчивого развития НГК;

- методологические основы ГР недропользования арктического и континентального шельфа России, методологический инструментарий комплексного освоения его углеводородных запасов; проанализированы ключевые направления практического приложения его методологии, изучены вопросы ценообразования на мировом нефтегазовом рынке и методы его прогнозирования;

- направления практической реализации стратегических императивов проводимой энергетической и инвестиционной политики в НГК; разработанные в научном исследовании теоретико-методологические основы, методологический инструментарий и практические рекомендации по совершенствованию ГР НГК содействуют решению народнохозяйственной задачи практической реализации концепции импортоопережения нефтегазового производства России [18—20].

Литература

1. Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М.: Вопросы экономики, 2004. 416 с.
2. Брагинский О.Б., Миловидов К.Н. Экономика производства и использования углеводородного сырья: мировая практика и отечественный опыт. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2018. 424 с.
3. Винокуров М.А. Роль государства в корректировке модели экономического роста России. СПб.: Питер, 2014. 192 с.

4. *Гарипов В.З.* Государственный подход — фундамент нефтяной отрасли // Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. 2017. Т. 7. № 1. С. 10—16.
5. *Глазьев С.Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
6. *Дементьев В.Е.* Технологическое развитие и структурные изменения в экономике // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 116—130.
7. *Дмитриевский А.Н.* Избранные труды: В 7 т. Т. I: Системный подход в геологии: теоретические и прикладные аспекты. М.: Наука, 2008. 454 с.
8. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
9. *Колганов А.И.* Сравнительное исследование современных социально-экономических моделей достижения технологической независимости // Российский экономический журнал. 2023. № 5. С. 19—35.
10. *Кононов Ю.Д.* Пути повышения обоснованности долгосрочных прогнозов развития ТЭК. Новосибирск: Наука, 2015. 147 с.
11. *Литвиненко В.С., Петров Е.И., Василевская Д.В., Яковенко А.В., Наумов И.А., Ратников М.А.* Оценка роли государства в управлении минеральными ресурсами // Записки Горного института. 2023. Т. 259. С. 95—111. DOI: 10.31897/PMI.2022.100.
12. *Мантуров Д.В.* Теория и практика разработки и реализации новой модели промышленной политики: Дис. ... докт. экон. наук. М., 2022. 583 с.
13. *Мастепанов А.М.* Влияние западных санкций на развитие энергетики России. Регулирование энергетической политики // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2019. № 6. С. 5—24.
14. *Мелентьев Л.А.* Методология системных исследований в энергетике. Избранные труды. М.: Наука, 1995. 300 с.
15. *Некипелов А.Д., Ивантер В.В., Глазьев С.Ю.* Приоритеты долгосрочного социально-экономического развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 18—31.

16. *Сечин И.И.* Тенденции и проблемы развития российской экономики // *Философия хозяйства*. 2024. № 5. С. 87—132.
17. Стратегическое управление нефтегазовым комплексом: кризис и перспективы устойчивого развития / Под ред. Е.А. Телегиной. М.: Информ-Знание, 2009. 399 с.
18. *Трофимов С.Е.* Методологические основы государственного регулирования нефтегазового комплекса России. М.: ИНФРА-М, 2022. 314 с.
19. *Трофимов С.Е.* Практические вопросы реализации государственной нефтегазовой политики. М.: ИНФРА-М, 2023. 400 с.
20. *Трофимов С.Е.* Совершенствование государственного регулирования нефтегазового комплекса России: проблемы теории и методологии. М.: ИНФРА-М, 2022. 337 с.
21. *Уэст Дж.* Масштаб: Универсальные законы роста, инноваций, устойчивости и темпов жизни организмов, городов, экономических систем и компаний. М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2018. 512 с.
22. *Христенко В.Б.* Энергия для промышленного роста. М.: Альпина Паблишер, 2012. 169 с.
23. *Чемезов С.В., Контев Ю.Н., Турко Н.И., Ерешко Ф.И.* Приоритетные направления формирования инновационной экосистемы научно-технологического развития государственной корпорации в условиях цифровой трансформации // *Вестник Академии военных наук*. 2019. № 4. С. 13—20.
24. Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России / Под ред. А.А. Макарова, Л.М. Григорьева, Т.А. Митровой. М.: ИНЭИ РАН, АЦ при Правительстве РФ, 2015. 400 с.
25. *Litvinenko V.S.* Digital Economy as a Factor in the Technological Development of the Mineral Sector // *Natural Resources Research*. 2019. Vol. 29. No. 3. P. 1521—1541.

References

1. *Blaug M.* Metodologiya ekonomicheskoy nauki ili kak ekonomisty ob"yasnyayut. М.: Vo-prosy ekonomiki, 2004. 416 s.

2. *Braginskij O.B., Milovidov K.N.* Ekonomika proizvodstva i ispol'zovaniya uglevodorodnogo syr'ya: mirovaya praktika i otechestvennyy opyt. M.: RGU nefti i gaza im. I.M. Gubkina, 2018. 424 s.
3. *Vinokurov M.A.* Rol' gosudarstva v korrektyrovke modeli ekonomicheskogo rosta Rossii. SPb.: Piter, 2014. 192 s.
4. *Garipov V.Z.* Gosudarstvennyy podhod — fundament neftyanoy otrasli // Nauka i tekhnologii truboprovodnogo transporta nefti i nefteproduktov. 2017. T. 7. № 1. S. 10—16.
5. *Glaz'ev S.YU.* Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirohozyajstvennom ukladah. M.: Knizhnyy mir, 2018. 768 s.
6. *Dement'ev V.E.* Tekhnologicheskoe razvitie i strukturnye izmeneniya v ekonomike // AlterEconomics. 2022. T. 19. № 1. S. 116—130.
7. *Dmitrievskiy A.N.* Izbrannyye trudy: V 7 t. T. I: Sistemnyy podhod v geologii: teoreticheskie i prikladnye aspekty. M.: Nauka, 2008. 454 s.
8. *Zinov'ev A.A.* Faktor ponimaniya. M.: Algoritm, Eksmo, 2006. 528 s.
9. *Kolganov A.I.* Sravnitel'noye issledovanie sovremennykh social'no-ekonomicheskikh modeley dostizheniya tekhnologicheskoy nezavisimosti // Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal. 2023. № 5. S. 19—35.
10. *Kononov YU.D.* Puti povysheniya obosnovannosti dolgosrochnykh prognozov razvitiya TEK. Novosibirsk: Nauka, 2015. 147 s.
11. *Litvinenko V.S., Petrov E.I., Vasilevskaya D.V., YAkovenko A.V., Naumov I.A., Ratnikov M.A.* Ocenka roli gosudarstva v upravlenii mineral'nymi resursami // Zapiski Gornogo instituta. 2023. T. 259. S. 95—111. DOI: 10.31897/PMI.2022.100.
12. *Manturov D.V.* Teoriya i praktika razrabotki i realizatsii novoy modeli promyshlennoy politiki: Dis. ... dokt. ekon. nauk. M., 2022. 583 s.
13. *Mastepanov A.M.* Vliyaniye zapadnykh sankcij na razvitie energetiki Rossii. Regulirovaniye energeticheskoy politiki // Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom. 2019. № 6. S. 5—24.
14. *Melent'ev L.A.* Metodologiya sistemnykh issledovaniy v energetike. Izbrannyye trudy. M.: Nauka, 1995. 300 s.
15. *Nekipelov A.D., Ivanter V.V., Glaz'ev S.YU.* Prioritety dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2013. № 6. S. 18—31.

16. *Sechin I.I.* Tendencii i problemy razvitiya rossijskoj ekonomiki // *Filosofiya hozyajstva*. 2024. № 5. S. 87—132.
17. Strategicheskoe upravlenie neftegazovym kompleksom: krizis i perspektivy ustojchivogo razvitiya / Pod red. E.A. Teleginoy. M.: Inform-Znanie, 2009. 399 s.
18. *Trofimov S.E.* Metodologicheskie osnovy gosudarstvennogo regulirovaniya neftegazovogo kompleksa Rossii. M.: INFRA-M, 2022. 314 s.
19. *Trofimov S.E.* Prakticheskie voprosy realizacii gosudarstvennoj neftegazovoj politiki. M.: INFRA-M, 2023. 400 s.
20. *Trofimov S.E.* Sovershenstvovanie gosudarstvennogo regulirovaniya neftegazovogo kompleksa Rossii: problemy teorii i metodologii. M.: INFRA-M, 2022. 337 s.
21. *Uest Dzh.* Masshtab: Universal'nye zakony rosta, innovacij, ustojchivosti i tempov zhizni organizmov, gorodov, ekonomicheskikh sistem i kompanij. M.: Azbuka Biznes, Azbuka-Attikus, 2018. 512 s.
22. *Hristenko V.B.* Energiya dlya promyshlennogo rosta. M.: Al'pina Pabliher, 2012. 169 s.
23. *CHemezov S.V., Koptev YU.N., Turko N.I., Ereshko F.I.* Prioritetnye napravleniya formirovaniya innovacionnoj ekosistemy nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya gosudarstvennoj korporacii v usloviyah cifrovoj transformacii // *Vestnik Akademii voennyh nauk*. 2019. № 4. S. 13—20.
24. Evolyuciya mirovyh energeticheskikh rynkov i ee posledstviya dlya Rossii / Pod red. A.A. Makarova, L.M. Grigor'eva, T.A. Mitrovoj. M.: INEI RAN, AC pri Pravitel'stve RF, 2015. 400 s.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

О человеке коллективных представлений*

Аннотация. В статье раскрывается тезис о том, что человек — мыслящее, но неразумное существо. Его разум включает в себя одновременно и неразумие, о чем свидетельствует история отношений Гильгамеша и Энкиду. В статье объясняется смысл коллективных представлений и указываются отличительные черты понятийного мышления и образного.

Ключевые слова: сознание, смерть, разум, образ, понятийное мышление, образное мышление, галлюциноз.

Abstract. The article reveals the thesis that man is a thinking but irrational being. His mind includes both unreason, as evidenced by the history of Gilgamesh and Enkidu's relationship. The article explains the meaning of collective representations and points out the distinctive features of conceptual and imaginative thinking.

Keywords: consciousness, death, mind, image, conceptual thinking, imaginative thinking, hallucinosis.

УДК 101
ББК 87.5

Каким был человек пять тысяч лет тому назад? Об этом рассказывает поэма о царе города Урук, которого звали Гильгамеш. Царь одной своей частью принадлежал к богам, другой — к людям. Поэма не видит в нем ничего общего с жизнью зверей. Какой она видит жизнь зверей и людей? Звери живут в природе, человек живет в городе, который искусственно отгородился от природы крепостной стеной. Люди работают. Звери живут на воле.

Пройдет две тысячи лет после событий, описанных в поэме, и греческие философы изобретут «фюзис» и отнесут человека к живот-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. О человеке коллективных представлений // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 161—167. DOI: 10.5281/zenodo.15698334.

ным. При этом человек будет отнесен Аристотелем к домашним животным. Этих животных будет всего два: человек и осел. И это будет ошибкой греческой философии.

Чем «все видевший до края мира» человек поэмы «Гильгамеш» отличается от зверей? Тем, что он говорит, носит одежду, ест человеческую еду и знает смерть, а звери ее не знают. У человека есть сознание — у зверей его нет. Люди ищут бессмертие — звери живут в вечности. Разум человека изначально обременен знанием связи между жизнью, смертью и сознанием.

Гильгамеш

Чтобы жить, человеку нужно быть сильным. Гильгамеш — сила. Ничто не могло обессилить эту силу. Где сила, там и право сильного, т. е. насилие. В переводе Н. Гумилева это место из поэмы звучит так:

Не знает он равных в искусстве мученья
Тех людей, что доверены его власти.

Все мужчины города по приказу царя вставали рано утром под звуки барабана и шли на тяжелые строительные работы. Все женщины по праву первой ночи принадлежали Гильгамешу. Царь буйствовал днем и своевольничал ночью. Произвол одного ведет любого другого человека к сознанию. Привел он к сознанию и жителей города.

Боги часто являлись людям в их сновидениях. Жители Урука обратились к богам за помощью. Боги обещали им помочь. В мире было много глины. Что боги могли сделать из глины? То, что родится, говорит поэма, у них в сердце (а не в голове, как у нас сейчас), т. е. из глины они могли сделать животное, подобное человеку и равное по силе Гильгамешу. Они его сделали и назвали это животное Энкиду. Почему же они не сделали из глины человека? Потому что человек возникает иначе. Об этом мы узнаем из рассказа об Энкиду: если убрать у человека божественную часть, то станет он животным, ибо никакой самой по себе человеческой части в нем нет.

Энкиду

Энкиду подобен Гильгамешу, только ниже его ростом и шире в кости. А еще у него на лбу выросли рога, и весь он был покрыт шерстью. Ни людей, ни мира не ведал Энкиду. Вместе с газелями он

ел траву и вместе со всеми зверями ходил на водопой. Увидел его как-то охотник и оцепенел. По подобию он человек, а по сути — животное. Охотник ловил зверей. Энкиду мешал ему, освобождая их из ловушек и силков. И тогда разумный Гильгамеш подослал к Энкиду храмовую проститутку.

Сознание не разум человека, а врата смерти

По одним данным, провел Энкиду с храмовой жрицей любви одну неделю. По другим данным — две. За одну неделю она показала ему женское искусство любви. Он научился у нее понимать язык людей, забыв свою прежнюю дикость. Энкиду привык есть человеческую еду, носить одежду.

Насытив свою любовную жажду, он хотел вернуться к прежней жизни вместе со зверями. Но звери, увидав его, отпрянули от него. Он был уже не с ними. Тело его стало тяжелым. Энкиду уже не мог бежать со стадом, как бегал ранее. Он, говорится в поэме, ощутил в себе новый разум. Он стал человеком.

Недавно найденная табличка рассказывает, что за вторую неделю любви Энкиду социализировался. Ему блудница предложила поселиться в городе:

...где каждый полезным занят делом,
как горожанин, найдешь себе место.

Из равенства силы родилась дружба Гильгамеша и Энкиду. Энкиду — двойник Гильгамеша, его внутреннее, вынесенное наружу. Вместе они вступают в неявную борьбу с богами. В этой борьбе с ними оба они открыли в себе сущность человека, которая состоит в его конечности. Для каждого человека настает время, когда ему приходится умирать. И каждый сознает свою конечность. Сознание — не разум человека, а врата его смерти.

Критика разума

Неразумно критиковать разум. Но его критикуют. За что? За то, что он, как Нарцисс, смотрит только на себя, и больше его ничто не волнует. Ему неважны ссылки на опыт, на внешний мир. Он сам сочиняет правила для себя и назначает себя судьей в споре с самим собой. Иными словами, разум существует сам по себе, а люди сами по себе. Потом они встретились, и возникла идея коллективных представлений.

Коллективные представления

Термин «коллективные представления» придумал Дюркгейм. Но концептуальной ясности этот термин никогда не имел и понимался так же, как понималось слово Дестюта де Трасси «идеология», т. е. как что-то общее, объединяющее людей. Пока у людей были коллективные представления, наука им была не нужна, и разум ими понимался как некий абстрактный объект. Потом греки изобрели философию. Для чего? Для того чтобы разрушить коллективные представления и освободить место для знаний. Пока существуют науки с претензией на знание истины, коллективных представлений уже ни у кого не будет. Люди будут безнадежно разъединены с собой и с миром. Коллективные представления останутся в памяти как изобретение варваров.

Науку надо еще суметь пережить. Идея искусственного интеллекта, пытающегося объединить людей в момент, когда их уже ничто не объединяет, стала символом заката научного знания.

Леви-Брюль и галлюциноз

В 1930 г. в России (СССР) вышла книга «Религия — дурман для народа». Так называлась книга Леви-Брюля «Первобытное мышление». СССР заменил коллективные представления идеологией. Символом этого замещения стала интеллигенция.

У Леви-Брюля была хорошая интуиция, благодаря которой он позаимствовал у Дюркгейма выражение «коллективные представления», чтобы как-то отличить первобытных людей от культурных. У первобытных он нашел коллективные представления, у культурных — научные. В чем их отличия? Коллективные представления построены на «данных», на том, что не существует, но человеку дано прямо и непосредственно. Прямо и непосредственно человеку даны образы. Аффект всегда связан с образом. А научные представления построены на относительных истинах о том, что существует. Они всегда логичны и предметны.

Первобытные люди жили в галлюцинозе, культурные люди живут уже в обществе. Общество пытается вытеснить галлюциноз из жизни людей, заменяя антропологическое социальным. Леви-Брюль — культурный человек. Он полагал, что психика людей меняется в зависимости от общества. Какие отношения в обществе, такая

у людей и психика. Но это была его ошибка. Психика вообще была придумана эволюцией не для жизни в обществе, а для жизни в природе, в пространстве. Для жизни в галлюцинозе люди придумали сознание, которое наделило человека чувством реальности. Только у того, кто галлюцинирует, возможно чувство реальности.

Галлюциноз был разрушен, а сознание осталось. Но сознание было не нужно ни для жизни в природе, ни для жизни в социуме. Социум ориентируется не на то, что человеку дано, а на знание того, что есть. В галлюцинозе люди живут среди того, чего нет, но что существует сознательными усилиями немногих. Вторичная встреча сознания и человека породила общину, непрерывно возобновляемую альтернативу общества.

Тейлор, в отличие от Леви-Брюля, полагал, что психика человека одна и та же во все времена. Каков у человека галлюциноз, таковы у него и коллективные представления. Таковы и его сны в эпоху цивилизации. Начиная с Парменида, философы утверждали границу между бытием и небытием, между *что* и *ничто*. *Что* есть, говорили они, а *ничто* нет. У всякого существования должно быть «что». Это рационально. Существование без «что» иррационально. Это существование подобно сновидению.

Сновидения, говорит Платон, — это живопись для спящих. Они устраиваются богами. Живопись (искусство) — это сновидение для бодрствующих. Ее устраивают себе сами люди. Все люди — художники.

Что знает любой художник? Он знает, что человек изначально лишен того, что принято называть сущностью. У него нет инстинкта, модели жизни в природе. А если у него нет сущности, то у него нет и внешних пусковых причин для его действий. Ему остается полагаться лишь на внутренние образы и галлюцинации, которые могут запустить работу его психики.

Сознание мыслящих, но неразумных существ обрекало их на действия вслепую, на авось. Пока существует сознание, будут существовать и магия, и мистика, и религия. Когда не будет сознания, мир будет состоять не из того, что человеку дано, а из того, что есть. Но это уже будет не человеческий мир, а мир искусственного разума. Что пропустили греческие философы? То, чего нет, но что нам дано. Они видели две стороны: то, что существует, и то, что не существует.

Мы сегодня видим третью сторону: то, чего нет, но что нам дано нашими самоощущениями.

Туземцы и миссионеры

Вообще-то никаких первобытных людей в современном мире нет. И европейские миссионеры, и туземцы, которых встречали миссионеры, прожили все те же 40 тысяч лет, если, конечно, историю человека отсчитывать от наскальной живописи. Чем они отличаются друг от друга?

Выготский и Лурия пишут в «Этюдах по истории поведения: обезьяна. Примитив. Ребенок»: «Наш опыт конденсируется в понятиях, и мы поэтому свободны от необходимости сохранять огромную массу конкретных впечатлений. У примитивного же человека почти весь опыт опирается на память» [1].

Если согласиться с Выготским и Лурией, то нужно признать, что естественно мыслить образами, «картинками», фигурами геометрии. Понятийное мышление превращает слово в знак. Знаковое мышление убивает образную мысль. Понятия хранят логику и отбрасывают детали. Аффект хранит роскошь деталей и, пренебрегая логикой, воспроизводит тот порядок, в котором они (детали) эмоционально связаны друг с другом. Что из этого следует? Образная память может удерживать мельчайшие подробности жизни человека и местности. Никакие карты при этом человеку не нужны. Карты нужны пиратам и разбойникам.

Туземец узнает след каждого зверя и каждой птицы. По направлению последних следов он может сказать, где находится в данный момент животное. Никакая наука не сможет этому научить человека. У индейца, говорит Леви-Брюль, не только топографическая память. Он так же легко может запомнить песни, послания. Индейцу достаточно один раз побывать на месте, чтобы навсегда запомнить его образ. Ему не нужно письмо, чтобы передать устные сообщения на любые расстояния. Без письменных знаков они могут запомнить беспредельное количество фактов. И одновременно они не могут сосчитать до трех, потому что в этот счет не помещаются аффект и синестезия.

Туземцы полагают, что если бы было только то, что есть, то не было бы сновидений. А без сновидений мир будет неполон. Во всяком случае человек не узнает, что у него есть сознание, ибо сознание

только для того и существует, чтобы соединить то, что есть, с тем, что дано в сновидениях.

Миссионеры полагают, что есть то, что есть. А что снится, того нет. Все, что есть, подчиняется действию естественных причин. Туземцы не признают естественные причины. Миссионеры не признают сверхъестественные причины. Одни не обращают никакого внимания на сущность существующего, вторых не интересует все несущественное. Туземцы бдительны по отношению к образам и охотятся за тем, что может ускользнуть от чувств. Миссионеры — логики. У них «я» есть «я» и нет чувства принадлежности к целому. У туземцев есть чувство принадлежности к целому и нет никакого «я». Вернее, «я» у них состоит из многих элементов. Например, у каждого человека есть глаза и зубы, но помимо этого еще есть имя и тень. При этом первые люди беспокоились о своей тени не меньше, чем о своем имени или изображении. Посвягательство на тень воспринималось как посвягательство на жизнь и каралось смертной казнью. Наступить на тень означает оскорбить. Воткнуть нож в тень — совершить убийство.

Об интеллекте туземцев рассказывает Леви-Брюль. Была засуха. Страдали и туземцы, и миссионеры. Вожди племени подумали и сказали, что причина засухи в том, что миссионеры во время богослужения надевают особый головной убор. Миссионеры возражали. Они показали вождям свой сад и обратили их внимание на то, что сад страдает от отсутствия воды, а не от головного убора. Это не убедило туземцев, и волнения в племени закончились только с началом дождей.

Литература

1. *Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок.* М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.: URL: https://bim-bad.ru/docs/vygotsky_luria_etudy.pdf (дата обращения: 30.05.2025).

References

1. *Vygotskij L.S., Luriya A.R. Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok.* M.: Pedagogika-Press, 1993. 224 s.: URL: https://bim-bad.ru/docs/vygotsky_luria_etudy.pdf (data obrashcheniya: 30.05.2025).

С.С. БЕЗМАТЕРНЫХ, К.В. ПАТЫРБАЕВА

**Проблема смысла жизни в мистической средневековой философии: идейные истоки и опыт мысли
Мейстера Экхарта***

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы мистицизма Средневековья с точки зрения концепции учения о единении человека с Абсолютом, раскрывающей проблемы смысла жизни и объединяющей иррациональные и рациональные компоненты. Раскрываются основные характерные черты процесса мистического познания в учении Мейстера Экхарта. Выявлены особенности работ немецкого мистика Средневековья, которые недостаточно исследованы научным сообществом с точки зрения теологии и диалектики. В статье предпринята попытка проанализировать философскую концепцию мистического познания Экхарта, основанную на понимании человека, и религиозного смысла христианства. Авторы приходят к выводу о прогрессивности взглядов Экхарта и в то же время неоднозначности опыта мистической средневековой философии в определении смысла жизни человека.

Ключевые слова: христианская философия, средневековый иррационализм, человек, мистика Средневековья, познание.

Abstract. This article examines the issues of medieval mysticism from the point of view of the concept of the doctrine of the unity of man with the Absolute, revealing the problems of the meaning of life and uniting irrational and rational components. The main characteristic features of the process of mystical cognition in the teachings of Meister Eckhart are revealed. The features of the works of the German mystic of the Middle Ages, which have not been sufficiently studied by the scientific community from the point of view of theology and dialectics, are revealed. The article attempts to analyze the philosophical concept of mystical cognition of Eckhart, based on the understanding of man and the religious meaning

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Безматерных С.С., Патырбаева К.В. Проблема смысла жизни в мистической средневековой философии: идейные истоки и опыт мысли Мейстера Экхарта // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 168—177. DOI: 10.5281/zenodo.15698365.

of Christianity. The authores comes to the conclusion about the progressiveness of Eckhart's views and, at the same time, the ambiguity of the experience of mystical medieval philosophy in determining the meaning of human life.

Keywords: christian philosophy, medieval irrationalism, man, medieval mysticism, knowledge.

УДК 1(091)
ББК 97.3

Мистические учения, которым свойственна склонность к символизму, интуитивному пониманию и использование специальных упражнений и медитаций, присутствуют в различных религиях и духовных практиках по всему миру. Мистицизм, объединяя философскую и теологическую концепцию, подразумевает, что человек путем различных психотехнических методик способен испытать экстатическое ощущение объединения с Божеством, или Абсолютом.

Вера в реальность подобного объединения как идейная составляющая мистицизма была заложена в истории мысли йоги и китайского даосизма, что впоследствии превратилось в европейский мистицизм Средневековья. Актуальность философского анализа проблемы смысла жизни в мистической средневековой философии обусловлена необходимостью выявления склонности человека к положительному восприятию и унификации его основ, необходимости направления внимания внутрь себя.

В контексте средневекового европейского мистицизма существует множество значимых фигур, однако в данной работе особое внимание будет уделено именно учению Майстера Экхарта. Наследие философской мысли Майстера Экхарта, пусть и религиозного характера, неоднозначно и недостаточно исследовано научным сообществом.

Р.С. Аликаев, Л.С. Аликаева, М.Р. Тогузаева отмечают, что работы Майстера Экхарта занимают особое место в немецкой средневековой мистике. Они оказали значительное влияние как на становление лингвофилософских концепций языка Нового времени, так и на раскрытие теологических проблем, оставив неизгладимый след в христианской мистике. Пропаганда идеи о том, что Бог находится

езде, не нашла отклика у католической церкви, которая, в свою очередь, осудила в 1329 г. тезисы его работы, признав их еретичными [1, 12].

В.В. Пархоменко, рассматривая мистицизм через оценку с позиции православной антропологии, говорит о том, что глубокая диалектика тварного и нетварного мира, отличающая работы Мейстера Экхарта, проявилась именно в переломное время Средневековья. Взгляды Экхарта во многом схожи со взглядами предшествующих ему философов, к примеру Мехтильды Магдебургской и Плотина.

Однако именно учение Мейстера Экхарта связывает в единый процесс мистического познания категории «внешнее» и «внутреннее» [6, 4].

Как отмечают Т.А. Лазарева и Е.Н. Цветаева, Экхарт стремился донести положения духовной практики до христианских общин, что оказало огромное влияние на язык философии. Мистик создал емкие обозначения для ментальных процессов и сформулировал новую богословскую концепцию высшей добродетели [5, 69—74].

Эпоха Средневековья, сопровождаемая различными иррациональными течениями, характеризуется объединением в себе элементов теологии и философии. Именно в этот период взгляды Мейстера Экхарта составляли контраст с распространенными подходами иррационализма и рациональными компонентами западноевропейской мистики и были направлены на объяснение мистического опыта через рациональные понятия и категории.

Рассматривая рациональность средневековых авторов, Е.В. Пенионжек делает акцент на том, что разделение рационализма и иррационализма на строго классическое и неклассическое далеко не всегда обосновано. Элементы рационализма и иррационализма могут проявляться в любую эпоху, при этом рациональность больше выражалась в особом языке метафоричности с интуитивным и абстрактным познанием [7, 172].

Примером синтеза рационального и иррационального является Майстер Экхарт, стремившийся объяснить мистический опыт через рациональные понятия и категории, что характерно для классической философии. Учение Экхарта переплетает глубоко религиозные аспекты и черты, заимствованные из язычества и древней философии, и отражает стремление к интуитивному общению с мистическими

силами. Познание Бога, по Экхарту, связано с познанием самого себя. Сущность вещей и их существование исходят напрямую от Бога, из чего следует, что Бог является первопричиной, началом, неизменным завершением всего сущего.

Идея Экхарта о том, что Бог и человек, по сути, одно и то же, приводит к выводу о полном исчезновении личности в Боге. По Экхарту, человеку присуща способность, так же как и Богу, выходить за рамки пространства и времени. Божественный свет помогает душе стать соратницей Бога, так как именно Бог действует через нее. Разумная человеческая душа, погружаясь в процессе самопознания в первое — изначальное — основание, познает в нем и самого Бога. При этом она познает его не как Бога, который в качестве понятия «Бог» всегда мыслится как некоторый внешний для души объект, но она познает его неотделимым от себя, т. е., следовательно, как самое себя. Майстер Экхарт формулирует эту мысль в характерной для его стиля манере речи от первого лица, подчеркивая, что в своем изначальном состоянии его «я» ничего не желало и ни к чему не стремилось, «ибо я был чистым бытием и познавателем самого себя в удовольствии истины» [8].

На мистическую философию Экхарта оказал огромное влияние Дионисий Ареопагит, которого Экхарт считал одним из богословских авторитетов и на чьи многочисленные трактаты многократно ссылался, но привнося собственную философскую мысль и свой предмет обсуждения. В работах Экхарта также присутствуют характерные особенности языка мистики, как и в работах Дионисия Ареопагита, такие как метафоры, отступление от реальных образов, аналогия, что подразумевает желание христианских авторов не отступать от Священного Писания.

Проблема смысла жизни, на наш взгляд, раскрывается Майстером Экхартом путем слияния концепций философского понимания человека и религиозного смысла христианства. Философская традиция достижения строгости и системности позволяет углубиться в понимание средневекового христианства и мистической средневековой философии.

По Экхарту, человек способен к достижению сущностного единения с Богом путем решения противоречий в понимании прямой связи между человеком и божественным. При этом восприятие Бога

как чего-то мысленного становится недостаточным, так как исчезновение мысленного неизбежно приводит к потере Бога, который имеет абсолютную власть, направляет наши действия и делает более значимым истинное действие, совершенное Богом [3, 179]. Но богопознание всегда связано с самопознанием.

Самопознание выступает как условие для богопознания. В процессе познания Бога человек, сливаясь с самой глубокой сущностью Бога (Единого), все еще остается самим собой. Это самое интересное и важное в учении Экхарта: Бог здесь «антропологизируется» в том смысле, что никакого Бога (в любом возможном смысле) нельзя ни представить, ни описать вне человека, человек — это абсолютное поле для утверждения любых возможных смыслов. Говоря метафорически, можно сказать, что понятие «Бог» становится здесь частным по отношению к понятию «человек», хотя, конечно, сами эти понятия следует понимать не в конечном, логическом смысле, а в смысле бесконечных интуиций, которые дают само бытие без разделения на субъект и объект («без помощи образа», как говорит сам Экхарт) [9, 1311—1319].

При поверхностном рассмотрении может показаться, что смысл человеческой жизни, по мнению средневекового мистика, заключается в Боге и слиянии с ним. Однако стоит обратить внимание, что в этом акте человек остается человеком. Человек сам открывает Бога внутри себя, а не наоборот. Бог в этом случае становится предикатом, свойством самого человека. В этом смысле взгляды Экхарта можно назвать прогрессивными и гуманистическими. Эта мысль философа частично предвосхищает центральную концепцию Ницше, согласно которой рожденный сверхчеловек может заменить место Бога путем отречения от себя.

Рассматривая такие аспекты, как прощение и благосклонность Бога, Экхарт стремится направить человека к отстранению от всех грехов, которые, тем не менее, не являются препятствием к прощению при условии искреннего обращения к Богу. Свойства души для Майстера Экхарта приобретают личностный характер с атрибутами духовной реальности.

Внутри человека есть «искорка», т. е. нечто большее, чем сам человек. Человек оказывается потенциально больше, чем он сам и даже чем сам Бог. Нечто в глубине души, и это не разум или сердце,

а некое ощущение близости с бесконечным. То есть внутри самого человека есть бесконечность. Обнаруживая ее в себе, человек становится духовно активным, и вместе с активностью он обретает ответственность.

Бог, согласно средневековому мистику, сам рождается в человеческой душе и находит в ней пристанище. Настоящее блаженство достигается, именно когда Бог пребывает в человеке, а не наоборот. В этом и заключается антропоцентризм Экхарта: человек, нашедший и реализовавший «искорку», превосходит Бога-Троицу и становится ответственным за рождение Бога. Экхарт обращает внимание на глубокое самоосознание и открытие внутри человека собственной бесконечной, высшей природы. Такое познание приводит к осознанию единства с божественной сущностью, при этом в этом осознании человек и не теряет свою индивидуальность.

Таким образом, человечество становится центром божественного. Без человека понятие Бога теряет значение. Человек рассматривается как вершина существования. Человек, полностью достигший отрешенности, так поглощен вечностью, что все земное и переходящее лишается силы воздействовать на него. Те люди, которые не выбрали духовный путь и предпочли ему материальное, уподобляются животным, «скотам». Бог «антропологизируется»: никакого Бога (в любом возможном смысле) нельзя ни представить, ни описать вне человека [9, 1311—1319].

Формулируя учение в противовес традиционным церковным доктринам, опираясь на учения Христа и философию Фомы Аквинского, Экхарт хоть и стремился к сглаживанию своих взглядов перед интеллектуальной элитой, но раскрывался перед обычными людьми открыто и искренне, делясь своими убеждениями и иллюстрируя глубокую связь между Богом и человеком путем внутреннего переосмысления и преобразования.

В связи с этим стоит отметить, что направленность внимания на себя, т. е. переориентация с «внешнего» на «внутренне», является важной особенностью мистики Экхарта как схоласта и последователя учения Фомы Аквинского. Как проповедник Майстер Экхарт выражал мистические переживания, связанные с поиском истинного пути к Богу: к примеру, в трактате «Об отрешенности» философ вы-

двигает мысль, что именно путем отрешенности, чистой и превосходящей от себя и от представления о Боге, можно познать божественное основание, т. е. разум.

Книга «Божественное утешение» Майстера Экхарта является, на наш взгляд, удачной попыткой обойти ограничения, наложенные традициями церкви, подчеркивающей необходимость достижения единства с Богом через глубину внутреннего содержания, полного внутреннего слияния сущностей. В самом фундаменте души боговдохновение может существовать только в отсутствии медиаторов и сравнений, в этом случае Экхарт выдвигает мысль, что душа во взаимосвязи с Богом исключает подобность, следовательно, смысл человека раскрывается путем слияния его с Богом и на основе обретения душой истинной сущности [2, 12].

В своих проповедях Экхарт подчеркивает идею о рождении Бога внутри души, а истинное блаженство приходит путем присутствия и действия Бога внутри души человека. Рассматривая Бога в абсолютной форме, философ проводит мысль, что Бог и душа становятся одним целым путем избавления души от многообразия действий, временных рамок и разнообразия мира, что обуславливает обретение полноты жизни и стирание границ между душой и Божественным царством. Осознание человеком единства с Богом, глубокое самосознание и открытие собственной бесконечной высшей природы исключают потерю индивидуальности и, напротив, ставят человечество в статус центра Божественного, а человека — в статус вершины существования.

Еще одним направлением философской мысли Экхарта является познание и просветление, обретая которые человек обретает благословенное состояние, перестает быть заблудшим существом и обретает божественную мудрость. Человек, раскрывший свою глубинную сущность, в описании Экхарта, обнаруживает, что остается самим собой, сливаясь с сущностью Бога, при этом понятия «Бог» и «человек» следует понимать не с точки зрения конечных смысловых аспектов, а с точки зрения бесконечных интуиций, позволяющих формировать единение Бога и человека.

Вклад философа в культурное и духовное наследие, развитие религиозной философии, идеалистической диалектики, христианской мистики и философии невероятно значим, так как Экхартом был предложен новый взгляд на вопросы о природе Бога и души.

Позднесредневековой немецкой мистике дается неоднозначная оценка исследователями, они указывают на ее противоречивость и двойственность. С одной стороны, субъективизм религиозных переживаний в практиках мистиков формировал тенденции к оживлению церковной жизни, что должно было, по сути, привести к торжеству идей церкви и ее идеалов. Однако, с другой стороны, установление «непосредственного контакта» с Богом формировало превратное представление о возможной «свободной» жизни вне церковных рамок и различных религиозных ограничений традиционного мировоззрения [4].

Неоднозначность интеллектуальной позиции Майстера Экхарта можно выразить путем сопоставления возможности формирования учения немецкого богослова на основе господства теории томизма, которая устранила всякую мистику, но способствовала погружению философа в опыты личных мистических переживаний о растворении личности познающего во всеобщности Всеединства. Ограничение знания жесткими рамками схоластики, традиционность духовной жизни в обрядах и священных делах влияли на устойчивость мистицизма, но, тем не менее, позволили Экхарту переосмыслить устои, преодолеть пантеистические взгляды и сформировать собственную философскую мысль о проблеме связи Бога, человека и смысла жизни.

* * *

Наследие философской мысли Майстера Экхарта занимает особое место в немецкой средневековой мистике, оказав значительное влияние как на становление лингвофилософских концепций языка Нового времени, так и на раскрытие теологических проблем. Учение немецкого мистика составляло контраст с распространенными подходами иррационализма и рациональными компонентами западноевропейской мистики и содержало попытку объяснить мистический опыт через рациональные понятия и категории, что характерно для классической философии.

Познание Бога, по Экхарту, связано с познанием самого себя, сущность вещей и их существование исходят напрямую от Бога, а человеку присуща способность, так же как и Богу, выходить за рамки пространства и времени, что приводит к пониманию проблемы смысла жизни через слияние концепций философского понимания человека и религиозного смысла христианства. Взгляды Майстера Экхарта можно назвать гуманистическими и прогрессивными в опыте мистической средневековой философии.

Литература

1. Аликаев Р.С., Аликаева Л.С., Тогузаева М.Р. Майстер Экхарт и вопросы лингвофилософии языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 12—21.
2. Билалов М.И., Залибекова А.З. Стоянки философского освоения «смысла жизни» // Научная мысль Кавказа. 2021. № 1 (105). С. 12—18.
3. Бойко Л.А. Некоторые аспекты философии средневекового символизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6—3 (81). С. 177—189.
4. Душин О.Э. Л.П. Карсавин о генезисе и основаниях средневековой западноевропейской мистики // Verbum. 2019. № 21: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/l-p-karsavin-o-genezise-i-osnovaniyah-srednevekovoy-zapadnoevropeyskoy-mistiki> (дата обращения: 03.02.2025).
5. Лазарева Т.А., Цветаева Е.Н. Развитие абстрактной лексики в средневековой проповеди (на примере слова *tugent* в наследии Мейстера Экхарта) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2022. № 11 (866). С. 69—75.
6. Пархоменко В.В. Мистицизм М. Экхарта и его оценка с позиции православной антропологии // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2020. № 14. С. 4—18.
7. Пенионжес Е.В. Рациональность средневековых авторов в понимании времени // Манускрипт. 2020. № 10. С. 172—175.
8. Хорьков М.Л. Самопознание в эрфуртской версии немецкой проповеди № 52 Майстера Экхарта // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. 2-й полутом. С. 1311—1319.

References

1. *Alikaev R.S., Alikaeva L.S., Toguzaeva M.R.* Majster Ekkhart i voprosy lingvofilosofii yazyka // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2020. № 1. S. 12—21.
2. *Bilalov M.I., Zalibekova A.Z.* Stoyanki filosofskogo osvoeniya «smysla zhizni» // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2021. № 1 (105). S. 12—18.
3. *Bojko L.A.* Nekotorye aspekty filosofii srednevekovogo simvolizma // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2023. № 6—3 (81). S. 177—189.
4. *Dushin O.E.* L.P. Karsavin o genezise i osnovaniyah srednevekovoy zapadnoevropejskoj mistiki // Verbum. 2019. № 21: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/l-p-karsavin-o-genezise-i-osnovaniyah-srednevekovoy-zapadnoevropejskoj-mistiki> (data obrashcheniya: 03.02.2025).
5. *Lazareva T.A., Cvetaeva E.N.* Razvitie abstraktnoj leksiki v srednevekovoj propovedi (na primere slova tugent v nasledii Mejstera Ekkharta) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2022. № 11 (866). S. 69—75.
6. *Parhomenko V.V.* Misticism M. Ekkharta i ego ocenka s pozicii pravoslavnoj antropologii // Trudy Saratovskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii. 2020. № 14. S. 4—18.
7. *Penionzhuk E.V.* Racional'nost' srednevekovykh avtorov v ponimanii vremeni // Manuskript. 2020. № 10. S. 172—175.
8. *Hor'kov M.L.* Samopoznanie v erfurtskoj versii nemeckoj propovedi № 52 Majstera Ekkharta // Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. 2018. 2-j polutom. S. 1311—1319.

Э. МАРТИН

**К вопросу о кризисе идентичности.
Критика интерпретации идеи идентичности
в постмодернизме и постструктурализме***

Аннотация. На фоне современного усиливающегося влияния антиантропоцентризма и релятивизма как ценностной парадигмы, политики гендерного плюрализма на Западе, современной идеологии сохранения духовно-нравственных ценностей в России тема идентичности приобретает особую актуальность. В статье предлагается краткий критический обзор интерпретации понятия личности и личностной идентичности в философии Р. Декарта, Дж. Локка, Д. Юма. Анализируется психоаналитическая трактовка идентичности в работах Д.Г. Мида, Э. Эриксона и И. Гоффмана. На основе анализа основных концептуальных идей постмодернизма автор демонстрирует трактовку постмодернистскими теоретиками «идентичности» как нечто сконструированного, текучего, множественного и фрагментарного. Автор утверждает, что постмодернистская интерпретация мира и человека проложила путь к идее отказа от целостности человеческого самосознания как ядра человеческой личности. Представлена критика идеи радикального самоконструирования идентичности в рамках постструктуралистского феминизма. Показывается, что задачей постструктуралистского феминизма является не только преодоление гендерной, но и любой идентичности в попытках создания идентично нейтральных существ. В статье утверждается, что идентичность человека связана прежде всего с его духовностью и самосознанием. Уделяется внимание феномену самоидентичности как внутренней, интимно переживаемой сфере самосознания. Самоидентичность соотносится с сущностью человека, которая заключается в его сознании, а точнее в его религиозном сознании. Децентрированное постмодернистское самосознание означает мутированную идентичность. Автор связывает современный кризис идентичности в секуляризованном социуме с мутацией самосознания, поскольку самость

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мартин Э. К вопросу о кризисе идентичности. Критика интерпретации идеи идентичности в постмодернизме и постструктурализме // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 178—193. DOI: 10.5281/zenodo.15698378.

больше не осмысливается критически, а является результатом внешнего влияния и самоконструирования вне обращения к трансцендентности, вне контекста духовных ценностей. Утверждается, что идентичность человека не может быть полностью ни продуктом социальной конструкции, ни результатом собственного выбора, а зависит от самосознания как главного условия развития человеческих качеств, формирующих личность. Подчеркивается важность самоидентичности как трансцендентального единства сознания, обуславливающего внутреннюю устремленность к духовному преображению. Самоидентичность как ядро личностной идентичности есть главное условие сохранения, непрерывности и преемственности человеческих качеств.

Ключевые слова: человек, идентичность, самоидентичность, гендерная идентичность, личностная идентичность, сознание, самосознание, постмодернизм, постструктурализм, феминизм, самоконструирование идентичности.

Abstract. In the light of the increasing influence of anti-anthropocentrism and relativism as a value paradigm, policy of gender pluralism in the West; ideology of preservation of spiritual values in Russia, the topic of identity becomes particularly relevant. The article provides a brief critical overview of the interpretations of the notion of person and personal identity in the philosophy of R. Descartes, J. Locke, D. Hume. It analyses the psychoanalytic interpretation of identity in the works of G.H. Mead, E.H. Erikson, E. Goffman. On the basis of the analysis of the main conceptual ideas of postmodernism, the author demonstrates how postmodern theorists interpret "identity" as something constructed, fluid, multiple and fragmented. The author argues that postmodern interpretation of the world and man paved the way for the idea of abandoning the integrity of human self-awareness, as the core of the personal identity. The article presents a criticism of the idea of radical self-construction of identity within the framework of poststructuralist feminism. The author shows that the aim of poststructuralist feminism is not only to overcome gender identity, but any identity in the attempt to create identity neutral beings. It is argued that the human identity is primarily linked with spirituality and self-consciousness. The author pays attention to the phenomenon of self-identity as inner, intimately experienced sphere of self-awareness. Self-identity correlates

with the essence of a person, which is in his consciousness, or rather religious consciousness. Decentred postmodernist self-consciousness means a mutated identity. The author links the contemporary identity crisis in a secularised society with a mutation of self-consciousness, since the perception of the surrounding world and oneself is no longer critically comprehended, but becomes a result of external influence and self-constructing without appeal to transcendence, outside the context of spiritual values. It is argued that identity of a person, e.g. the way one understands, identifies himself cannot be entirely either a product of social construction or the result of his own choice. The importance of self-identity is emphasised as transcendental unity of consciousness that determines the internal aspiration for spiritual transformation. Self-identity as the core of personal identity is the main condition for preservation and continuity of human qualities.

Keywords: human being, identity, self-identity, gender identity, personal identity, consciousness, self-consciousness, postmodernism, poststructuralism, feminism, self-construction of identity.

УДК 101
ББК 87.5

Тема идентичности является сложной и многоаспектной. Понятие «идентичность личности» сводится прежде всего к вопросу о том, как человек осознает себя. Идентичность включает в себя тождественность и переменчивость, ибо человек развивается на протяжении всей своей жизни. Что является ядром личностной идентичности? Правомерно ли утверждать, что личностная идентичность формируется исключительно в социокультурной среде? Более того, активная социализация в секуляризованном мире может породить абсолютную бездуховность.

Понятие личностной идентичности

Начиная с эпохи Просвещения считалось, что люди обладают уникальной идентичностью и отличительным сознанием, способны решать проблемы на основе разума и логики. Такое понимание личности берет свое начало в философии Р. Декарта, для которого разум каждого человека был уникален сам по себе, о чем свидетельствует его знаменитое утверждение «Я мыслю, следовательно, существую».

В попытке обосновать природу своего существования Декарт исследует понятие «Я». Осознание того, что он не может быть отделен от своей мысли, заставило его описать «Я» как мыслящую вещь, что, по сути, есть «ум... или интеллект, или разум...» [8, 18].

Самые ранние философские представления о личностной идентичности были тесно связаны с вопросами сознания, религии, разума, морали и души. Философские теории Дж. Локка, Д. Юма и И. Канта и по сей день сохраняют свою значимость в дискурсе о личностной идентичности. Дж. Локк впервые стал рассматривать проблему идентичности как самостоятельную. Локк делает различие между понятиями «субстанция», «человек» и «личность». Понятие «человек» относится к физическому телу. Человек с неразвитыми умственными способностями не может называться личностью, но при этом он все же остается человеком. Тождество личности является сознанием. Идентичность основана на сознании (а именно памяти), а не на субстанции души и тела. Локк определяет личность как «мыслящее разумное существо, обладающее разумом и способное размышлять и считать себя самым собой, одним и тем же мыслящим существом, в разное время и в разных местах» [21, 318]. Локк подчеркивает, что личность — это существо, обладающее не только сознанием, но и самосознанием. Это означает, что личность имеет способность осознавать себя как одно и то же мыслящее существо в разное время и в разных ситуациях. Он сосредоточился на значении памяти и сознания в описании проблемы самоидентификации. Локк уделяет внимание религиозному сознанию, рассматривая личность как моральное и юридическое существо. Согласно Локку, для личности необходимы моральные законы вышестоящего законодателя, а именно Бога.

Д. Юм, напротив, выступал против отождествления личности и сознания. Шотландский философ считает, что идея «Я» — это всего лишь иллюзия. Не существует постоянного «Я», продолжающегося во времени. Существует три элемента нашего разума: впечатления, идеи и процедуры, которые ими управляют. Впечатления — это, по сути, простые ощущения, а идеи включают в себя воспоминания о восприятиях, а также элементы нашего сознания и психики. Наше восприятие постоянно меняется. Личностную идентичность можно объяснить только на основе причинно-следственной связи [19, 260—

262]. Юм отрицает понимание личности как духовного единства, которое тождественно себе на протяжении всей человеческой жизни.

Критика Локком картезианского отождествления души и мышления предвосхищает кантовское понятие трансцендентального субъекта. Согласно И. Канту, принцип «Я мыслю» должен сопровождать все наши представления [20]. По Канту, в трансцендентальном эго заложен следующий принцип: осознай себя как мыслящего субъекта. Мы знаем субъекта как единое и уникальное целое (тот же самый) во всех его восприятиях и мыслях. Благодаря апперцепции «Я» сохраняется самосознание как способность не терять самотождественность.

Психоаналитическая интерпретация идентичности

Такие понятия, как человеческая идентичность и субъективность, в начале прошлого века столкнулись с рядом проблем. Универсальная картезианская идея *cogito* была поставлена под сомнение новыми разработками в области психоанализа. Особое влияние оказали идеи З. Фрейда о бессознательном, которые оспаривают корректность самоидентичности в сознании. Все, что изображает наше сознание, верно, но все то, что бессознательно, не изображено, тоже правильно и имеет прямое отношение к нашему осознанию себя. К исследованию этой проблемы подключились психоаналитические и социологические теории. Дж.Г. Мид утверждает, что в процессе принятия социальной роли у человека развивается концепция «Я». Ставя себя на место других, он может посмотреть на себя как на объект. Личность человека возникает из внешних социальных взаимодействий и внутренних ощущений самого себя. Возникновение концепции идентичности лежит в способности принимать на себя роль «другого» [22, 277].

Проблема идентичности приобрела особую остроту и актуальность середине XX в., когда Э. Эриксон впервые ввел в оборот понятие «кризис идентичности». Он предложил психосоциальную трактовку идентичности, утверждая, что на каждом этапе своего развития (которых всего насчитывается восемь) индивид может переживать психологический кризис, способный привести либо к позитивному исходу, либо к негативному. Согласно Эриксону, тождество самого себя является фундаментальным принципом, который развивается на протяжении жизни и дает ощущение преемственности внутри себя и

во взаимодействии с другими и позволяет сохранять свою уникальность. Эриксон подчеркивает, что «в социальных джунглях человеческого существования нет ощущения жизни без идентичности» [10, 130].

И. Гоффман разработал концепцию «испорченной идентичности», согласно которой человек получает негативную или стигматизирующую характеристику от другого. Это связано с процессом навешивания «ярлыков», в результате чего люди, не соответствующие общепринятым нормам, воспринимаются как «отклоняющиеся», или «outsiders» [15, 8]. Гоффман был теоретиком ситуативного «Я», предложив теорию, согласно которой «Я» создается во время взаимодействия, подобно драматургии. Жизнь человека можно сравнить с представлением, в котором люди как актеры. Человек развивает свою личностную идентичность как функцию взаимодействия с другими посредством обмена информацией. Представление существует независимо от психического состояния, поскольку личностную характеристику часто приписывают человеку, несмотря на его или ее неверие в представление или даже незнание его [2, 22]. Таким образом, человеческая идентичность зависит не от самосознания, а от взаимодействия с «другими» и от впечатления, которое индивид производит на других.

Если в середине 1960-х гг. акцент ставился на психосоциальный фактор во взаимодействии индивида и социума, то к концу XX в. идентичность личности стала рассматриваться как продукт социальной конструкции, как субъективная реальность. П. Бергер утверждает: «Идентичность — это ключевой момент субъективной реальности. Как вся субъективная реальность, идентичность находится в диалектических отношениях с обществом. Идентичность формируется социальными процессами» [3, 194]. Но в субъективной реальности может создаваться все что угодно. Человеческие уникальные качества кристаллизуют сознание, которое трансцендентно по своей природе. Оно от Бога.

Самоидентичность и личностная идентичность

Самоидентичность и личностная идентичность являются взаимозависимыми, но не тождественными понятиями. Современный философ Дж. Драммонд считает, что ключом к пониманию само-

идентичности является выявление трансцендентальных структур, которые делают возможной расширенную во времени, непрерывную и единую эмпирическую жизнь. Самоидентификация коренится в формальной, временной структуре интенционального опыта, лежащего в основе психологической непрерывности. Личностная идентичность, напротив, коренится в содержании конкретного потока опыта, принятого пассивно или активно в рефлексии субъекта в свете его социальных и традиционных наследий [9, 235]. В рамках такой дефицитарности личность представляется зависимой от социума вне контекста духовных ценностей, в силу того, что сознание лишено трансцендентности, поскольку сведено к психоэмоциональным детерминантам и личному опыту.

Для Ю. Хабермаса развитие самоидентичности является ответом на требования, присущие структуре языкового общения. Индивидуация, осуществляемая лингвистически опосредованным процессом социализации, объясняется языковой средой [17, 82, 93].

На наш взгляд, нельзя утверждать, что самоидентичность является исключительно результатом социализации. В антропологическом измерении самоидентичность относится к самосознающему субъекту. Самоидентичность — это внутренняя, интимно переживаемая сфера самосознания, обусловленная не внешними условиями и не наличием «другого», а духовными ценностными установками. Эти ценности определяет не социум, а вера, религиозное сознание. Самоидентичность является трансцендентной, ибо человек изначально не есть результат своей экзистенции. В основе человеческой сущности есть предзаданный образец. Мы созданы по образу и подобию Божию. Самоидентичность — это образ «Я». Проблема «Я» существует только в сознании человека. Феофан Затворник утверждал, что сознание — существенное свойство человека: «Это такое свойство, по коему человек, утверждая свое собственное бытие и бытие вещей вне себя, отличает их от себя, а себя от них, говорит себе — я, а не они, а о тех — они, а не я. Оно получает название самопознания, когда обращается внутрь, к себе исключительно» [1, 255].

Самоидентичность соотносится с сущностью человека. Сущность человека в его сознании, а точнее, в его религиозном сознании, потому что сознание дано от Бога. Если разум способен менять критерии истины, сомневаться, то религиозное сознание лишено таких

метаний, потому что есть вера в Бога, который есть Истина. Религия — это источник духовно-нравственных ценностей, обуславливающих самоограничение как главное условие существования антропологической реальности, где господствует сознание, а не законы природы. Самость нуждается в трансцендентности, ибо в человеке изначально заложено стремление к поискам смысла жизни, к высшим ценностям, которые невозможно эмпирически познать или воспринять в социальном мире. Самоидентичность мыслящей личности, реализующей себя на основе духовно-нравственных ценностей, возможна только в перспективе духовного совершенствования и обожения.

Становление личностной идентичности происходит на основе самости, т. е. нашего «Я». Значительное влияние на формирование личностной идентичности оказывают религия, семья, историко-культурные традиции и социальная среда. Это динамичный процесс, который связан с самореализацией, но в основе этого процесса лежит самоидентичность. Несмотря на динамику экзистенциальных условий, наличие различных социальных, политических и других внешних факторов, самоидентичность есть главное условие сохранения, непрерывности и преемственности самосознания, а значит, и сохранения человеческих качеств.

Самоидентичность — это не самоконструирование. Это ядро нашего сознания, в котором заложен код человеческих качеств, обуславливающих смыслообразующие мотивы, ведущие к экзистенциальным поискам, к тому, что выше и важнее нашего биологического существования и социализации.

Прежде чем осознать что-то, человек осознает себя как человека. Самоидентичность как внутреннее переживаемое чувство, влияющее на духовную жизнь человека, возможна лишь в контексте обращения к трансцендентности. Без обращения к высшей божественной сфере Абсолюта любые попытки самопознания, саморефлексии так или иначе сводятся к эго-идентичности как к процессу рефлексий сугубо личностных измерений и гедонистических потребностей.

Постмодернистская интерпретация

Постмодернизм унаследовал главный тезис атеистического экзистенциализма, который сформулировал Ж.-П. Сартр, согласно которому экзистенция (существование) предшествует эссенциализму (сущности). Сартр объясняет суть этого тезиса следующим образом: «Мы имеем в виду, что сначала человек существует: он материализуется в мире, познает себя и только после этого определяет себя» [23, 22]. Этот антиэссенциалистский тезис встречается у Ф. Ницше, который легализовал путь к отказу от метафизики, положил начало разрушению эссенциалистского понимания субъекта в метафизическом смысле, указав на его конструктивистский характер.

Радикальный взгляд на индивидуальную свободу в западной философии фактически проложил путь к пониманию идентичности как к чему-то постоянно меняющемуся, поскольку на место человеческого субъекта встали лингвистические и социальные структуры, тотальность текста, деконструктивизм, а вместо человеческого оказалась пустота.

Постмодернизм ниспровергает способность сознания формировать личность. Для таких влиятельных теоретиков постмодернизма, как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, М. Фуко и Р. Рорти, несмотря на различия в их философских воззрениях, общим является стремление децентрировать субъект в случайностях, особенностях, релятивизации дискурсных конструкций. Постмодернистский поворот сделал идентичность глубоко проблематичным явлением, позволив фривольное обращение с личностной идентичностью, безграничный и безусловный либерализм. Постмодернизм рассматривает мир как нечто неоднородное, состоящее из огромного множества интерпретаций, в которых знание и истина случайны, а идентичность, по своей сути, децентрализована и подвижна, потому что состоит из нестабильных отношений. Постмодернизм делает акцент на релятивизм и плюрализм, отвергая идею веры в трансцендентное начало, трактует человеческую личность как социальный конструктор. Если традиционно плюрализм допускает разнообразие мнений и точек зрения при условии сохранения фиксированной позиции субъекта, имеющего свою позицию, то постмодернистский плюрализм отвергает субъекта и его способность занимать какую-либо определенную точку зрения.

Вера в Бога, который и есть Истина, накладывает определенные ограничения на то, как себя идентифицировать, чему и кому верить. Абсолютная истина есть условие онтологической стабильности, потому что есть некие фиксированные критерии правильности, обеспечивающие уверенность и чувство реальности. Но в постмодернизме религия, понятия добра и зла, мораль, идентичность стали амбивалентными и открытыми к различным толкованиям.

Постмодернизм, позволив многоплановую, разнообразную интерпретацию всего, постулирует фрагментарное «я». На уровне индивида идентичность является синонимом ядра личности, которым наделен актер. Крайние версии конструкционизма, связанные с постмодернизмом, полностью отвергают понятие ядра и рассматривают человеческую идентичность как продукт дискурса, по сути, фрагментарный, множественный и преходящий.

М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Батай, Р. Рорти, Л. Иригарэй представляют радикальные постмодернистские теории, в которых на место субъекта встают властные отношения, желания и дискурсы. Фуко отвергает точку зрения о том, что у человека есть внутренняя и фиксированная сущность, которая есть его идентичность. Он утверждает, что наша идентичность никак не фиксируется в традиционном смысле, а опосредуется многими диалогическими дискурсами, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Фуко описал технологии самости как способы, с помощью которых люди воздействуют на себя, создавая определенные способы идентичности и сексуальности [11].

Если модернизм утверждал, что существует естественная реальность — мир как таковой, то постмодернизм трактует реальность как интерпретацию текстов, концептуальную конструкцию, деконструирует устоявшиеся убеждения и мировоззрения. Деконструктивизм является ключевой теорией постмодернизма.

Концепция деконструктивизма была впервые изложена Ж. Деррида в его книге «О грамматологии», где он исследует взаимодействие между языком и построением значения [6]. Деррида старается выйти за рамки всех традиций и конвенций, как бы встать в позицию утраты ясности и поиска новых смыслов. Он развивает идею о том, что центральные концепции и категории западной традиции, такие как субстанция, тождество, идентичность, субъект и объект, должны быть деконструированы.

Деррида акцентировал внимание на реконструкции и интерпретации текста в форме критики и ориентации на более глубокие смыслы, стремясь показать, что сознание индивида зависит от языковых стереотипов. Человеческий язык в лучшем случае передает не истину, а то, как определенный индивид понимает истину в какой-то момент времени в контексте его культурных, социально-политических отношений, влияний и личных переживаний.

По мнению Деррида, идентичности возникают из сферы различения посредством предикации и концептуального знания. Поскольку он считает, что сознание по существу языковое, то мы можем утверждать, что язык производит идентичности и значения, которые составляют наш мир.

Таким образом, у Деррида роль самосознания в процессе формирования личностной идентичности практически нивелируется, поскольку на место сознания встал язык [7, 79—153, 133].

Следует отметить, что сознание в языке не нуждается. Язык связывает людей в социуме, являясь инструментом социализации. Языковое сознание относится к коммуникациям. Человек идентифицирует себя изначально не через коммуникацию с другими, а посредством осознания и различения себя и других.

Если свести идентичности к социокультурной конструкции, которая есть результат лингвистики и дискурсов, то тогда человека можно понимать просто как биосоциальное существо, которое нуждается лишь в социальном воспитании и коммуникациях, чтобы выполнять свою социальную функцию и быть гибким в восприятии доминирующих идейных установок. Это значит фактически низвести с человека к существу, у которого отсутствует критическое мышление.

Идея самоконструирования идентичности

Господство морального релятивизма лишило современный секуляризованный социум духовных векторов и нравственных императивов, превратив проблему идентичности в своего рода «сделай сам себя» проект. Основной задачей этого «проекта» является не осмысление себя как личности, а, прежде всего, задача добиться успеха, достигнуть максимального материального комфорта вне контекста духовных императивов, религиозного мировоззрения и культурных традиций.

Р. Сеннетт писал о деградации характера, вызванной гибкостью, пронизывающей беспокойной динамикой позднего модерна. «Как может человек формировать понятие об идентичности... в социуме, состоящем из эпизодов и фрагментов» [24, 26].

А. Гидденс утверждает, что до модерна общество было сконструировано в основном традициями. В условиях доминирования традиционных культур людям приходилось думать о том, как действовать в той или иной среде, поскольку они наследовали определенные способы действий, которые предписаны давними обычаями и традициями. Однако для постмодернизма характерна посттрадиционная культура, в которой традиции теряют свою силу, а люди обладают большей свободой в отношении того, как они хотят действовать и кем они хотят быть. По мере того как ослабевает традиция, человек становится источником собственной свободы действий. Гидденс выдвигает теорию о том, что переход к посттрадиционной культуре заставляет людей понимать свою самоидентичность как рефлексивный проект. Вместо того чтобы принимать как должное или наследовать то, кем мы являемся, мы активно формируем себя, создавая биографические повествования, по мере того как идем по жизни. Таким образом, мы относимся к своей идентичности как к проекту, к тому, что мы активно конструируем [13].

В современном мире традиции, религия и культура утратили свою значимость, породив все более саморефлексивную личность, лишенную духовно-нравственных императивов. С дестабилизацией традиций устоявшиеся варианты самоидентичности уступают место ситуации, когда «человек сам должен найти свою идентичность среди стратегий и вариантов, представляемых абстрактными системами» [14, 124].

Постструктуралистский феминизм. Проблема гендерной идентичности

Идея радикального самоконструирования идентичности явно прослеживается в постструктуралистском феминизме, тесно связанном с постмодернизмом. Эту идею довольно ярко продемонстрировала феминистка Д. Харауэй в образе киборга в своем эссе «Манифест киборгов» [18]. Киборг — это метафорическое воплощение радикального архетипа самоконструирования, которое предлагает мо-

дель изменения социально навязанной идентичности. Бесполой киборг — это симбиоз техники (кибернетики) и органики, олицетворяющий гибкость, пластичность социально сконструированных идентичностей. Харауэй предлагает идею того, что у нас есть способности преодолевать наши гендерные, национальные, культурные идентичности, стать полностью идентично нейтральным существом.

В постструктуралистском видении практически все критерии человеческой нормальности с точки зрения человеческого вида, поведения гендерной принадлежности и сексуальной ориентации отменяются. То, что мы обычно понимаем как самость или Я, рассматривается в рамках постструктурализма как «социально сконструированная фантастика» (хотя и серьезная), как продукт языка и конкретных дискурсов [25, 50]. Например, по мнению М. Фуко, половая идентичность — это культурный сценарий, а не биологическое свойство, поэтому это понятие относительно и непоследовательно. Представители феминизма делают особый акцент на постоянную трансформацию идентичности социальных акторов. Основываясь на работах таких мыслителей, как М. Фуко и Ж. Деррида, теоретики постструктуралистского феминизма подчеркивают конститутивную роль дискурса в определении гендера и сексуальной ориентации.

Дж. Батлер, проецируя идею Фуко о сексуальности на гендерную идентичность, исследует вопрос о том, как теоретическое разделение между социально сконструированным гендером и биологическим полом якобы создает иллюзию того, что гендер человека основан на фиксированной и бинарной биологической сущности.

Понятие «гендер» стало активно использоваться благодаря второй волне феминизма — примерно с середины прошлого века. Гендер используется как социокультурный феномен. Пол — это биологический атрибут, означающий нашу природную идентичность.

В конце 1990-х гг. Батлер сделала революционную попытку создать «гендерную проблему», разрушив традиционное бинарное представление о половой идентичности. Согласно Батлер, гендер следует рассматривать не как биологический факт, а как разыгранное действие (перформанс), который заставляет нас поверить в существование другого пола. В рамках ее теории «гендерной перформативности» понятие половой идентичности полностью нивелируется. Имеет значение только социокультурное содержание гендера, который постоянно реализуется, основываясь на социальных нормах [5].

Дж. Батлер пишет: «Субъект не является ни основанием, ни результатом, а постоянной возможностью некоего “перезначающего процесса”» [4, 13].

В настоящее время на Западе активно постулируется идея гендерно нейтральной идентичности. В атмосфере морального релятивизма, когда нет Бога, а значит, не существует источника критериев истины, правильности, обеспечивающего универсальную легитимацию, природная идентичность становится открытой для оспаривания.

Заключение

В современном западном социуме, где господствует моральный релятивизм, феномен кризиса идентичности заключается главным образом в отказе от идеи человека как субъекта, обладающего сознанием.

Как предсказывал Фуко, человек в том виде, в каком он существует, «исчезнет» [12, 420]. Человек, ставший лишь недавним изобретением европейской культуры, равно как и породивший ее период истории, может продолжаться недолго. И «тогда может случиться, что человек исчезнет, как лицо, начертанное на песке» [12, 422].

В условиях плюралистического многообразия децентрированное «Я» означает мутацию сознания, поскольку восприятие окружающего мира и самого себя больше не осмысливается критически, а является результатом внешнего влияния и самоконструирования вне контекста духовно-нравственных императивов. Социокультурная жизнь способствует раскрытию в человеке его собственной человеческой идентичности только тогда, когда человек руководствуется духовными ценностями. Социум влияет на нашу внешнюю жизнь, а вот на нашу внутреннюю жизнь влияет религия, которая определяет духовно-нравственные векторы человеческой жизни.

Внутренняя идентичность определяется нашим сознанием. В сознании человека происходит демаркация на «Я» и «другие», на «Я» и «нечеловеческий мир». Самосознание определяя ценностное содержание внутренней жизни, является главным условием критического мышления, позволяющем осмысливать происходящее и противостоять абсурдности внешнего мира.

Идентичность человека, т. е. то, как он себя осмысливает, идентифицирует, не может быть полностью ни продуктом социальной конструкции, ни результатом собственного выбора. Но в секуляризованном обществе, в условиях господства релятивистского мировоззренческого плюрализма, человек лишен духовно-нравственных ориентиров, необходимых для самоидентичности как трансцендентального единства сознания, обуславливающего внутреннюю устремленность к духовному преображению.

Литература

1. *Феофан Затворник, Свт.* Начертания Христианского Нравовучения. М., 2010. 689 с.
2. *Becker H.S.* Outsiders: Studies in the sociology of deviance. N.Y.: The Free Press, 1963. 224 p.
3. *Berger P.L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. L.: Penguin Books, 1991.
4. *Butler J.* Contingent foundations: feminism and the question of «postmodernism» / J. Butler, J.W. Scott (eds.) // *Feminists theorize the Political*. N.Y.: Routledge, 1992. P. 3—21.
5. *Butler J.* Gender trouble. Feminism and the subversion of identity. N. Y.: Routledge, 1990. 92 p.
6. *Derrida J.* Of grammatology. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976. 560 p.
7. *Derrida J.* Violence and metaphysics: An essay on the thought of Emmanuel Levinas // *Writing and difference*. Chicago: The University of Chicago, 1978. P. 79—195.
8. *Descartes R.* The Philosophical writings of Descartes. Vol. II. Cambridge: Cambridge University press, 1985. 442 p.
9. *Drummond J.* Self-identity and personal identity // *Phenomenology and the cognitive sciences*. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 235—247.
10. *Erikson E.H.* Identity, youth and crisis. N. Y.: W.W. Norton Company, 1968. 336 p.
11. *Foucault M.* Technologies of the self: A seminar with Michel Foucault / L.H. Martin, H. Gutman, P.H. Hutton (eds). Massachusetts: University Massachusetts Press, 1998. 176 p.
12. *Foucault M.* The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences. L.: Routledge, 2001. 448 p.

13. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity, 1991. 264 p.
14. *Giddens A.* The Consequences of Modernity Anthony Giddens. Cambridge: Polite Press, 1994
15. *Goffman E.* Stigma: Notes on the management of spoiled identity. L.: Penguin Books, 1963.
16. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. N. Y.: Doubleday Garden City, 1959. 256 p.
17. *Habermas J.* Moral development and ego identity // Communication and the evolution of society. Boston: Beacon Press, 1979. P. 69—94.
18. *Haraway D.* A manifesto for cyborgs: science, technology & socialist feminism in the 1980s // Australian Feminist Studies. 1987. Vol. 2. No. 4. P. 1—42.
19. *Hume D.* A Treatise of human nature. Oxford: Oxford University Press, 1978. 442 p.
20. *Kant I.* Critique of pure reason. Cambridge: University Press, 1999. 800 p.
21. *Locke J.* An Essay Concerning Human Understanding. Pennsylvania State University Press, 1999. 719 p.
22. *Mead G.H.* Mind, self and society: From the standpoint of a social behaviorist. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1972. 401 p.
23. *Sartre J.-P.* Being and nothingness: an essay in phenomenological ontology. L.: Routledge, 2020. 918 p.
24. *Sennett R.* The corrosion of character: The personal consequences of work in the new capitalism. N. Y.; L.: W.W. Norton & Company, 1999. 176 p.
25. *Spargo T.* Foucault and queer theory. Cambridge: Icon books, 1999. 81 p.

References

1. *Feofan Zatvornik, Svt.* Nachertaniya Hristianskogo Nra-voucheniya. M., 2010. 689 s.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

О правиле существования субъекта в вечности*

Аннотация. В статье рассматриваются этические следствия концепции вечного возвращения Ницше.

Ключевые слова: Ницше, этика, вечное возвращение, мораль, вечность, Достоевский, совесть, Заратустра

Abstract. The article examines the ethical implications of Nietzsche's concept of eternal return.

Keywords: Nietzsche, ethics, eternal return, morality, eternity, Dostoevsky, conscience, Zarathustra

УДК 101

ББК 87.5

Чего я хочу?

Чего я хочу? Если задать человеку вопрос «Чего ты хочешь?», то что он ответит? Он ответит: я хочу много денег — и это будет честный ответ; или он ответит: я хочу власти — и это тоже будет честный ответ; или внимания; или молодости; или статуса; или любви; или любящей семьи; или здоровья; или знаний; или признания. Это все честные ответы честного человека. Деньги, власть, внимание, молодость, статус, любовь, семья, здоровье, знания, признание — это все очень хорошие ответы. Но каждый из них — это слабый, не философский ответ. Скажи, чего бы ты хотел, если бы у тебя была вечность?

Человек идет по берегу озера, смотрит на летящие по небу облака и деревья по берегам. Он подходит к пирамидальной скале на берегу озера — и вдруг к нему приходит самая главная его мысль — мысль о вечном возвращении¹. Но дело не в самом по себе вечном

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мерзляков С.С. О правиле существования субъекта в вечности // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 194—202. DOI: 10.5281/zenodo.15698431.

¹ «Теперь я расскажу историю Заратустры. Основная концепция этого произведения, мысль о вечном возвращении, эта высшая форма утверждения, которая

возвращении того же самого — какое мне дело до того, что время бесконечно уходит в прошлое и так же бесконечно уходит в будущее? Пусть Вселенная крутится в вечном хороводе — да, этот танец наполняет мою душу благоговением, но это благоговение и удивление зрителя, наблюдающего из зала за представлением на сцене. Вся суть и все дело в моем отношении к вечности — и я зову свою самую бездонную мысль, мысль о своем существовании в вечности². Я только сейчас понял, что люблю свою жизнь в вечности. Я не просто люблю то, что имею здесь и сейчас: это озеро, свежий ветер, эти облака, и этот запах леса, и эти валуны в форме пирамиды — мне этого мало, потому что все это — всего лишь мгновение, явление преходящего времени — скоро его не станет. Я люблю всю свою жизнь: не только со всеми ее радостями, удовольствиями, и свежим ветром, и запахом деревьев, и шумными празднованиями на городской площади, но и со страданиями, грязными переулками, запахом лекарств, разочарованиями, страхами, безнадежностью, унынием — вот что значит любить свою жизнь в вечности.

Бездонная мысль принесла облегчение человеку. Что его пугало больше всего? Его пугало ускользающее мгновение, его воля спотыкалась о «здесь и сейчас», постоянно становящимся прошлым³. Ты смотришь в зеркало и видишь то, что ускользает в мгновении — ты не можешь сохранить ни одно из этих мгновений. То, что ты видишь в зеркале, только и делает, что умирает — это самое невыносимое для того, кто в зеркало смотрит⁴. Нельзя сохранить для себя ни

вообще может быть достигнута, относится к августу 1881 г.: она набросана на листе бумаги с надписью: “6000 футов по ту сторону человека и времени”. Я шел в этот день вдоль озера Сильваплана через леса; у могучего, пирамидально нагроможденного блока камней, недалеко от Сурлея, я остановился. Там пришла мне эта мысль» [4, 85].

² «Вставай, бездонная мысль, выходи из глубины моей!» [5, 217].

³ «Что время не бежит назад, — в этом гнев ее; “было” — так называется камень, которого не может катить она» [5, 138].

⁴ «Поистине, друзья мои, я хожу среди людей, как среди обломков и отдельных частей человека! Самое ужасное для взора моего — это видеть человека раскромсанным и разбросанным, как будто на поле кровопролитного боя и бойни. И, если переносится мой взор от настоящего к прошлому, всюду находит он то же самое: обломки, отдельные части человека и ужасные случайности — и ни одного человека! Настоящее и прошлое на земле — ах! друзья мои, это и есть

этот миг, ни любой другой — даже самый молодой и радостный. Но самая бездонная мысль примиряет человека с ускользающим мгновением настоящего — это и есть высшая форма утверждения. Прошлое и настоящее больше не разрывают человека на ужасные случайности — мгновения твоего прошлого навсегда с тобой: твое прошлое вернется к тебе — у тебя на это вечность. И чего ты захочешь тогда, когда научишь свою душу говорить «сейчас» так же, как «было» и «будет», и водить хоромы над настоящим, прошлым и будущим?⁵ Если в тебе достаточно воли к жизни, то в вечности ты захочешь каждого ее мгновения. Даже того, где ты не идешь по берегу озера и не вдыхаешь запахи леса, но сидишь в суде среди осуждающих тебя; даже того, где ты смотришь на грязные закоулки темного города; даже того, где ты лежишь в лихорадке и слышишь запах бинтов и лекарств, — вот что значит жить в вечности.

И что за странное лекарство — «И этой пройдет»? Глупый, старый Соломон, это не разговор с Богом. Там говорят на другом языке и носят другое кольцо⁶. Это яд, а не лекарство. Что это значит: утешаться тем, что «и это пройдет»? Тебе дали существование, вдохнули в тебя дыхание жизни. По какому праву ты отказываешься от этого мгновения или от другого? Так с Богом не разговаривают — он этого не поймет. Хочешь в вечность — принимай ее во всей ее полноте, скажи: «Да, и этого я хочу тоже».

Ты хочешь денег, власти, внимания, молодости, статуса, любви, семьи, здоровья, знаний, признания, потому что ты хочешь

самое невыносимое *для меня*; и я не мог бы жить, если бы не был я провидцем того, что должно прийти» [5, 137].

⁵ «О душа моя, я научил тебя говорить “сегодня” так же, как “когда-нибудь” и “прежде”, и водить свои хоромы над всеми “здесь”, “там” и “туда”» [5, 224].

⁶ «Если некогда дыхание снисходило на меня от дыхания творческого и от той небесной необходимости, что принуждает даже случайности водить звездные хоромы; если некогда смеялся я смехом созидательной молнии, за которой, гремя, но с покорностью следует долгий гром действия; если некогда за столом богов на земле играл я в кости с богами, так что земля содрогалась и трескалась, изрыгая огненные реки, — ибо земля есть стол богов, дрожащий от новых творческих слов и от шума игральных костей, — о, как не стремиться мне страстно к Вечности и к брачному кольцу колец — к кольцу возвращения? Никогда еще не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь я детей, кроме той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, о Вечность!» [5, 232].

счастья. Твоя проблема в том, что ты не умеешь жить в вечности. Лекарство «и это пройдет» принимают те, кто хочет мгновения «здесь и сейчас» — только счастья. Но вечность — это не история про счастье⁷, вечность — это история про волю. Оставь счастье слабым — их не возьмут в вечность⁸. В вечность берут не любящих свое счастье, а любящих свою волю. Самое главное — это оставить себе свою волю, свой долг⁹. Воля дает свободу¹⁰, но свобода вовсе не гарантия счастья¹¹.

Страх заставляет выбирать счастье, а не свободу. Страх не успеть. Но в вечности нельзя не успеть. Поэтому там живут по-другому. Просто ты не умеешь жить в вечности и боишься смерти. Но это ошибка, потому что твоей смерти не существует. Скажи: было

⁷ «В чем то самое высокое, что можете вы пережить? Это — час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас отвратительным, так же как ваш разум и ваша добродетель» [5, 9].

⁸ «Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. “Счастье найдено нами”, — говорят последние люди и моргают. Они покинули страны, где было холодно жить, ибо им необходимо тепло. Также любят они соседа и жмутся к нему, ибо им необходимо тепло. Захворать или быть недоверчивым считается у них грехом, ибо ходят они осмотрительно. Одни безумцы еще спотыкаются о камни или о людей! От времени до времени немного яду: это вызывает приятные сны. А в конце побольше яду, чтобы приятно умереть. Они еще трудятся, ибо труд — развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их. Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотно. И кто захотел бы еще управлять? И кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно. Нет пастуха, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом. «Прежде весь мир был сумасшедший», — говорят самые умные из них и моргают. Все умны и знают все, что было; так что можно смеяться без конца. Они еще ссорятся, но скоро мирятся — иначе это расстраивало бы желудок. У них есть свое удовольствие для дня и свое удовольствие для ночи; но здоровье — выше всего. “Счастье найдено нами”, — говорят последние люди, и моргают» [5, 13—14].

⁹ «Мое страдание и мое сострадание — ну что ж! Разве к счастью стремлюсь я? Я ищу своего *дела!*» [5, 332].

¹⁰ «Воля освобождает: таково истинное учение о воле и свободе — ему учит вас Заратустра» [5, 83].

¹¹ Если бы Бог хотел, чтобы мы были счастливыми, а не свободными, он бы создал нас счастливыми. Наша жизнь — это подготовка к вечности. Не все этот тест пройдут (см., например: [2, 166—178]).

так, чтобы ты заснул и не проснулся? И не будет. Очень простая вещь, которую очень сложно понять: не может быть одновременно А и не А¹². Ты живешь так, будто в твоей жизни есть твоя смерть. Но в твоей жизни твоей смерти нет и быть не может. Самая простая и самая бездонная мысль, которая никогда еще не была продумана до конца. Страшная мысль — я умру. Но бояться нужно другого — того, что ты не умрешь. Ты не умрешь — и что тогда?

Здесь, на берегу этого озера, у этих камней, я чувствую вечность: вечность — это эмоция. Что это значит — я хочу всего? Это значит, что я хочу всего, что доступно существованию в принципе. Мне нужно существование во всей его полноте, со всеми его закоулками и падениями — вообще все. Поэтому в каждый момент времени я откликаюсь на зов вечности: «Да, и этого я хочу тоже». Это правило примиряет меня с моим настоящим, которое становится моим выбором. Уходит страх перед настоящим: каждое мгновение моей жизни — это выбор моей воли — «Да, и этого я хочу тоже».

Этика вечности

В вечности нет места совести. Потому что совесть — это социальный конструкт в нашей голове: сегодня одна социальная структура, завтра — другая. Тут нет места вечности — это всего лишь мгновение. Совесть формируется в процессе нашей социализации — это нормы, которые мы усваиваем в семье, школе, университете, армии, тюрьме. Это правила, которым нас учат: это «хорошо», а это — «плохо», которые становятся частью нас¹³. И мы говорим о себе: это — хорошо, а это — плохо, даже когда других людей рядом нет.

¹² «Стало быть, самое ужасное из зол, — смерть — не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет. Таким образом, смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для одних она сама не существует, а другие для нее сами не существуют» [1, 433].

¹³ «Наблюдающая за самим собой инстанция известна нам как цензор Я, как совесть, это та же самая инстанция, которая ночью осуществляет цензуру сновидения, от которой исходят вытеснения недопустимых желаний. Когда она при бреде наблюдения распадается, то раскрывает нам свое происхождение из влияния родителей, воспитателей и социальной среды, из идентификации с отдельными из этих лиц, служащих идеалом» [6, 432].

Совесть — это цензор, который умеет говорить с нами разными голосами — иногда писклявыми и глуповатыми. Это наш внутренний голос — тот самый демон. В вечности совести нет. Субъект в вечности — бессовестный.

Однако в вечности есть другие правила, которые определяют отношение субъекта к Другому — это этика вечности. Вопросы, которые задаются с точки зрения вечности, — это вопросы об основаниях бытия. Это значит, что этика в вечности — это фундаментальная этика. Поэтому вечность — это методология.

В вечности субъект не только проходит мимо пирамидальной скалы на берегу озера, где к нему приходит мысль о вечном возвращении — эта высшая форма утверждения, но также я — субъект — плыву на лодке вдоль этого берега мимо этой скалы — как тот человек, которого я сейчас вижу; и пасу стадо овец на зеленом лугу — как тот человек на другом континенте, которого я сейчас не вижу; и пишу рассказы в своей маленькой комнате, в доме далеко на Севере, среди снегов, — как другой человек; и забираюсь на самую высокую гору — как другой человек; и зарабатываю деньги в высоком здании со стеклянными окнами — как другой человек; и руковожу государством — как другой человек; и в дальней дороге везу груз — как другой человек; и кричу на площади среди толпы — как другой человек; и пишу картины — как другой человек; и танцую на сцене — как другой человек; и создаю механизмы — как другой человек; и спасаю жизни в белом халате — как другой человек; и убиваю людей на войне — как другой человек.

Вечность является нам не только во времени, но и в пространстве вокруг нас. Это не только две дороги — одна уходящая в бесконечность будущего, а другая — в бесконечность прошлого, сходящиеся у ворот, которые называются «Мгновение»¹⁴, но и все пространство за их пределами, уходящее в ширь горизонта. И это не пустое пространство — оно заполнено людьми, которых мы встречаем. Это

¹⁴ «Путь, где мы остановились, лежал через ворота. “Взгляни на эти ворота, карлик! — продолжал я. — У них два лица. Две дороги сходятся тут: по ним никто еще не проходил до конца. Этот длинный путь позади — он тянется целую вечность. А этот длинный путь впереди — другая вечность. Эти пути противоречат один другому, они сталкиваются лбами, — и именно здесь, у этих ворот, они сходятся вместе. Название ворот написано сверху: “Мгновенье”» [5, 154].

значит, что в вечности я есть и тот, кто плывет на лодке мимо меня; и тот, кто спасает жизни; и тот, кто убивает; и все остальные — те, кто окружают меня здесь и сейчас в пространстве. Все эти люди, которые окружают меня, — это способы моей жизни в вечности, это мои вариации, бесконечное число моих вариаций. Это значит, что Другой — это я в вечности. В вечности ты по-другому смотришь на Другого.

Другие люди — это зеркало вечности, в котором отражаюсь я сам. Я люблю себя и люблю свою жизнь. И, конечно, я люблю то, что я вижу в зеркале. Я смотрю на другого человека. Кто бы ты ни был, какую бы жизнь ты не жил, но в вечности — я с тобой. Потому что ты — носитель существования. И я тоже — носитель существования.

Другой человек здесь и сейчас живет свою жизнь: он живет обычной тихой жизнью; или он совершает странные действия и живет странную жизнь; он любит то, что любить нам кажется странным; или он любит то, что нравится и остальным людям; он знает то, чего не знают другие; или не знает того, что давно известно остальным; он живет в большом городе или в маленькой деревушке; он делает то, за что его наказывают, или он подчиняется правилам; он делает то, что он хочет, и за этого его порицают; он не делает того, что он хочет, и за это он порицает сам себя; он хочет того же, что и все; он хочет того, чего хотеть не принято. Но я хочу всего, что доступно существованию. «Да, и этого я хочу тоже!» — поэтому я с тобой, и я хочу того же, что ты хочешь сейчас — чего бы ты ни хотел. Что бы ты ни делал, в какую пропасть бы ты ни падал, чего бы ты ни хотел, чего бы ты ни стыдился, чем бы ты ни гордился, что бы ты ни ненавидел, какую бы ты жизнь ни жил, какие бы ты ошибки ни совершал, чего бы ты ни боялся, чего бы ты ни прятал, — в вечности я хочу того же самого. Поэтому я с тобой. И я готов защищать твое существование во всей его полноте. Это высшая форма эгоизма — любить дальнего в вечности¹⁵. «У меня нет совести, — говорит субъект в вечности, — просто я люблю людей, я люблю их»¹⁶. Это и есть этика вечности. Я люблю свою жизнь в вечности настолько, что твоя жизнь становится для меня абсолютной ценностью. Никакой местечковой

¹⁵ «Братья мои, не любовь к ближнему советую я вам — я советую вам любовь к дальнему. Так говорил Заратустра» [5, 59].

¹⁶ «Заратустра отвечал: “Я люблю людей”» [5, 6].

морали, никакого стыда¹⁷, никаких оговорок и никаких полутонов: тут, в вечности, — по ту сторону добра и зла — имеют значение только человек и его существование¹⁸.

Поэтому субъект говорит: моя работа — защищать человека, этого носителя существования¹⁹. «Я хочу всего: да, и этого я хочу тоже». Но если так, то позволь другому человеку забираться туда, куда он может забраться, и падать туда, куда он может упасть; позволь другому человеку делать твою работу в вечности — это благородно²⁰. Жить в вечности — значит любить другого человека. Это суть — основа — морали вечного возвращения — этика вечности.

Резюме

Концепция вечного возвращения предполагает специфическое отношение к Другому — особую мораль. Жить в вечности — значит любить другого человека. Правилom существования субъекта в вечности является следующее: «Да, и этого я хочу тоже».

Литература

1. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
2. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы. М.: АСТ, 2007.
3. *Мерзляков С.С.* Сознание: между психопатией и шизофренией // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 125—136.
4. *Ницше Ф.* Ессе homo. Антихрист. СПб.: Азбука, 2016.

¹⁷ «“Самое непростительное в тебе: у тебя есть власть, и ты не хочешь властвовать”. И я отвечал: “Мне недостает голоса льва, чтобы приказывать”. Тогда, словно шепотом, сказала она мне: “Самые тихие слова — те, что приносят бурю. Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром. О Заратустра, ты должен идти, как тень того, что должно наступить: так будешь ты приказывать и, приказывая, идти впереди”. И я отвечал: “Мне мешает стыд”. Тогда опять сказала она мне беззвучно: “Ты должен еще стать ребенком, чтобы стыд не мешал тебе. Гордыня юноши тяготее еще на тебе, поздно помолодел ты, — но кто хочет превратиться в дитя, должен преодолеть еще свою юность”» [5, 146].

¹⁸ «...и чрево бытия не вещает человеку иначе, как голосом человека» [5, 28].

¹⁹ Это и есть основание философии, ее практическое применение, важная социальная функция, которая проявляется и становится главенствующей в настоящее время (см., например: [3]).

²⁰ «Новое хочет создать благородный, новую добродетель. Старого хочет добрый и чтобы старое сохранилось» [5, 41].

5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб.: Азбука-классика, 2008.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. СПб.: Азбука-классика, 2010.

References

1. *Diogen Laertsij*. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov. M.: Mysl', 1979.
2. *Dostoevskij F. Brat'ya Karamazovy*. M.: AST, 2007.
3. *Merzlyakov S.S. Soznanie: mezhdru psihopatiej i shizofreniej* // Voprosy filosofii. 2023. № 12. S. 125—136.
4. *Nicshe F. Ecce homo. Antihrist*. SPb.: Azbuka, 2016.
5. *Nicshe F. Tak govoril Zaratustra*. SPb.: Azbuka-klassika, 2008.
6. *Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz*. SPb.: Azbuka-klassika, 2010.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

Г.С. ШИРОКАЛОВА

Российские студенты: секс — потребность или мода?*

Аннотация. В 2020 г. в Конституцию РФ внесены поправки, регламентирующие направления государственной семейной политики по преодолению кризиса в демографической и ценностной сферах. Любая управленческая, практическая работа должна опираться на информационную базу, которая обосновывается в том числе историческими и социологическими исследованиями. Цель статьи — определить причины формирования положительного отношения молодежи к таким либеральным ценностям, как поддержка сексуальных меньшинств, смена пола, легализация однополых браков и легких наркотиков, являющихся факторами деформации семейно-брачных отношений. Методологическая основа исследования — диалектический материализм, постулирующий формирование «многослойности» общественного сознания экономическими, историческими и социальными условиями жизни разных социальных групп.

Студенты вузов выбраны в качестве объекта изучения потому, что это наиболее активная часть молодежи, социализировавшаяся в рыночной экономике, имеющая иной менталитет по сравнению с предыдущими поколениями, транслирующая свой стиль жизни всему населению через многочисленные каналы, задающая смысловые парадигмы, траектории развития, контуры поведения во всех сферах жизни, опираясь как на объективные обстоятельства, так и на веяния моды.

В результате исследования автор приходит к выводу, что брачно-сексуальные отношения всегда имели объективные причины, как одна из форм социализации, позволяющая адаптироваться к реалиям окружающей среды, обеспечивающая возможность удовлетворения или замещения витальных и социальных потребностей социума. Возможность статусной вертикальной мобильности, социализа-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Широкалова Г.С. Российские студенты: секс — потребность или мода? // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 205—231. DOI: 10.5281/zenodo.15698458.

ции в разных сферах, подкрепляемая идеологией, вытесняет на второй план физиологические потребности, в том числе в сексе, и повышает его значимость в условиях невозможности удовлетворения базовых социальных потребностей.

Ключевые слова: дифференциация и интеграция ценностей, студенты, сексуальные отношения, семья, традиции, Россия.

Abstract. In 2020, the Constitution of the Russian Federation was amended to regulate the directions of state family policy to overcome the crisis in the demographic and value spheres. Any managerial, practical work should be based on an information base, which is justified, among other things, by historical and sociological research. The purpose of the article is to identify the reasons for the formation of a positive attitude of young people towards such liberal values as support for sexual minorities, gender reassignment, legalization of same—sex marriage and light drugs, which are factors of deformation of family and marital relations. The methodological basis of the research is dialectical materialism, which postulates the formation of a «multilayered» social consciousness by the economic, historical and social living conditions of different social groups.

University students have been chosen as the object of study because they are the most active part of the youth, who have socialized in a market economy, have a different mentality compared to previous generations, transmit their lifestyle to the entire population through numerous channels, set semantic paradigms, development trajectories, contours of behavior in all spheres of life, based on objective circumstances, so are the trends of fashion.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that marital-sexual relations have always had objective reasons as one of the forms of socialization, allowing to adapt to the realities of the environment, providing the opportunity to satisfy, replace the vital and social needs of society. The possibility of status-based vertical mobility, socialization in various fields, supported by ideology, puts physiological needs, including sex, into the background and increases its importance in conditions where it is impossible to meet basic social needs.

Keywords: differentiation and integration of values, students, sexual relations, family, traditions, Russia.

УДК 316.34
ББК 60.54

После внесения в 2020 г. в Конституцию РФ положений о защите традиционных для России форм брака как союза мужчины и женщины, укрепления межпоколенных отношений был принят ряд законодательных актов для их реализации. В 2024 г. стартовал объявленный В.В. Путиным национальный проект «Молодежь России», а в 2025 г. — проекты «Семья», «Молодежь и дети», в которых отражены задачи, вытекающие из Конституции РФ. Но насколько они соответствуют установкам российской молодежи? Статистика семейно-брачных отношений свидетельствует о разнонаправленности процессов в этой сфере: от ориентации на многодетность или бездетность до восстановления традиций многоженства в исламских республиках. Такое взаимопереплетение актуализировавшегося прошлого (иногда сохраняющегося уже в рудиментарных формах) с апробированием элементов из будущего формируется многими факторами как объективного, так и субъективного свойства.

Докажем, что ведущее место среди факторов, определяющих моральные нормы в сексуальной сфере, принадлежит не столько идеологии, формирующейся под определенные государственные задачи и закрепляемой через социальные институты права, образования, СМИ, культуры, религии с учетом социального статуса каждой целевой группы, сколько социально-экономическим отношениям, задающим характеристики повседневности конкретной общности и «модные» тенденции. На практике же политики часто выбирают какой-либо из социальных институтов в качестве панацеи, универсально решающей сложные проблемы. В последние годы в этом качестве предлагаются система образования и религия, что нашло отражение во введении в федеральный компонент дисциплин «Семьеведение», «Основы российской государственности», «Основы религиозных культур и светской этики». Например, в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (09.11.2022 г.) оговаривается особая роль в ней православия и других религий, являющихся «неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия».

Преувеличение роли религиозного воспитания не соответствует реальности. Мы разделяем выводы О.А. Грива «о постепенном наступательном развитии и формировании разнообразных систем религиозного образования и воспитания детей и молодежи; о формировании некоего кентавра — сочетания светского российского образования, зачастую получаемого достаточно условно, с религиозным нетрадиционным образованием, развивающимся в соответствии с его пониманием лидерами организаций, при участии семей, в которых подрастают дети» [5, 68].

Установка на религию как эффективный институт регулирования брачно-сексуальных отношений достаточно распространена среди религиозных деятелей, политиков, ряда ученых и аккумулируется общественным мнением. Позиция первых объясняется их «воцерковленностью», вторых и третьих — поиском «простых» решений сложных проблем в условиях изменившегося «социального бытия». «Общественное же мнение» выбирает вариант, в наибольшей степени соответствующий конкретной ситуации. В реалиях России «особая роль» не означает «решающая роль», но религиозными деятелями и властью они на практике отождествляются, что проявляется в разных формах клерикализации политики государства, не соответствующей мировоззренческим поискам молодежи, которые не останавливать в глобализирующемся обществе.

На наш взгляд, роль «идеологического и психологического воздействия» на интерес к сексуальности во всех ее формах значима, но первична витальная потребность на выживание, как будет показано далее. В современных условиях это воздействие, маскирующееся под новые формы масскультуры, является инструментом переключения внимания с удовлетворения социальных потребностей на физиологические, но не для продолжения рода, а для удовлетворения сексуальной потребности, дающей психологическую разрядку, ощущение самостоятельности выбора, свободы в условиях общества риска. Философский спор о том, человек — «биосоциальное или социобиологическое существо», может продолжаться бесконечно, но история свидетельствует, что для большинства первичны базовые витальные потребности. Это подтверждается соотношением альтруистов, конформистов, эгоистов в разных популяциях [3]. Под влиянием социальных условий (особенно в экстремальных ситуациях,

угрожающих популяции в целом) это соотношение может изменяться, но затем восстанавливается. Альтруизм, конформизм, эгоизм встроены в системы координат «традиционные — нетрадиционные ценности», в которых противоположны цели самопожертвования, самосохранения, получения личной выгоды.

Итак, корни современных семейно-брачных и сексуальных отношений гораздо глубже, чем принято считать, следовательно, надо проследить тенденции изменения практики брачно-сексуальных отношений в разных социально-экономических условиях. В данной статье мы ограничимся временными рамками XIX—XXI вв. в России.

Вначале обратимся к историческим фактам о регулировании брачно-сексуальных отношений в досоветский период. Насколько эффективно справлялись с миссией формирования нравственности в семейных отношениях религиозные организации в то время, когда православие было государственной идеологией России и не имело «конкурентов» в форме институтов светского образования, СМИ и интернета?

Отношение к заповеди «не прелюбы сотвори» в дворянской, купеческой среде, у интеллигенции Серебряного века (представители и образ жизни которых особенно идеализировался в последние пять десятилетий) хорошо известно из художественной и научной литературы, мемуаров. Обратимся к характеристикам брачно-сексуальных отношений в наиболее многочисленной, верующей, консервативной социальной группе — крестьянству. Его масштабная миграция в города в связи с развитием промышленности сформировала менталитет, ставший доминантой на долгие годы, хотя и подверженный после Революции 1917 г. в условиях массовой вертикальной, горизонтальной мобильности влиянию нормативного для них образа жизни горожан. Первопоколенная интеллигенция тоже сохраняла в той или иной степени элементы культуры отцов и дедов: фразу «А еще в шляпе» как укор неподобающему поведению можно было услышать еще в конце 1980-х гг.

Мифологизация истории дореволюционной России как оплота нравственности, стержнем которой было православие, актуализировалась в годы перестройки. Реальность в Российской империи была намного сложнее. Дореволюционную повседневную сексуальную

культуру подробно проанализировал И.С. Кон [17]. Не останавливаясь на этом детально, укажем некоторые из причин распространения ряда явлений обычного права: ранних браков, снохачества, свального греха в ночь на Ивана Купала, «обмена женами» у народов, живших изолированно для предупреждения вырождения рода, и т. п. Эти и другие практики (для многих с позиций дня сегодняшнего — «извращения») имеют социально-экономические причины, что свидетельствует об объективной обусловленности моральных норм.

К примеру, «Стоглав» с середины XVI в. обязывал священников венчать девушек не моложе 12, а юношей — 15 лет [25]. Но запрет нередко нарушался: няня Татьяна Лариной в XIX в. была выдана замуж в 13 лет, а ее муж Ваня был еще моложе. Пушкин в «Истории села Горюхина» пишет, что «мужчины женивались обыкновенно на тринадцатом году на девицах двадцатилетних» [26, 129.]. Эта традиция особенно долго продержалась в старообрядческих семьях. Женильба двенадцатилетнего сына на девушке, которая старше на несколько лет, давала семье мужа дополнительные рабочие руки и «возможность» невестке родить (от свекра) ребенка, на что часто уже была не способна свекровь, изможденная десятком родов и тяжелой работой. У матерей-подростков младенцы часто рождались слабыми, особенно первенцы. (Напомним: в «Ветхом Завете» именно первенцев приносили в жертву Богу.) «Неработники» были не нужны семье, и это увеличивало долю «заспанных» детей, т. е. задавленных во время сна грудью. На рубеже XIX—XX вв. О.П. Семенова-Тян-Шанская фиксировала в Рязанской губернии: «Добрая половина баб “заспала” в своей жизни хоть одного ребенка... За заспанного младенца священник накладывает “епитемью”» [28, 28]. Это одна из причин заниженной статистики по убийствам в Российской империи. Если ребенок (сын) выживал, семье со временем «прирезали» землю, а на малозаселенных территориях землю давали и на женскую душу. Стал увеличиваться и возраст вступающих в брак. В результате «прежде чаще встречались целомудренные малые и девушки, а теперь целомудренного малого уже не найти, да и девушек таких совсем мало. В шестнадцать — семнадцать лет малый обыкновенно уже сходится с женщиной» [28, 78]. «Профессионального разврата не существует, но очень легко купить всякую бабу деньгами и подарком» [28, 79]. По мере урбанизации рост самоуважения «вкусивших

свободы» в городах мужчин стал еще одной причиной сексуальной свободы.

Ночь Ивана Купала давала психологическую разрядку и возможность забеременеть тем, кто не мог этого сделать в браке. В настоящее время немало причин способствует росту интереса к язычеству, среди них — поиск самоидентификации через приобщение к ранним славянским практикам. Естественно, это осуждается РПЦ: «Если кому-то хочется стать язычниками, прыгать через костры, гадать, осуществлять ритуальные купания, блудить с первым встречным, приносить под кустами “торжественно жертву богам”, — пожалуйста, у нас страна свободная (по крайней мере, в этом)... Для православного христианина участвовать в таких языческих праздниках недопустимо» [10].

Брачное поведение корректировалось объективными обстоятельствами повсеместно. На Дальнем Востоке, где мужчин среди переселенцев, особенно старообрядцев, в разы больше, чем женщин, была высока доля разновозрастных и межконфессиональных браков. После свадьбы брачующиеся часто возвращались в «свою» веру [1]. «Обмен женами» был необходим и для выживания малых популяций, живущих в сложных географических условиях [16], сохранялся он и в советское время.

Утрата девственности на отдельных территориях осуждалась, ворота мазались дегтем, а где-то будущие пары так проверяли свою совместимость [9; 10]. Однако повторим: сексуальное поведение, прежде всего, регулировалось социально-экономическими условиями существования социальной группы. Причиной осуждаемого РПЦ сексуального поведения было непосредственное или опосредованное обеспечение семье базовых потребностей выживания: в пище, здоровье, продолжении рода, уважении и самоуважении, почему и сохранялось столетиями.

Ситуативным фактором ослабления брачной и сексуальной морали и, как результат, роста венерических заболеваний, алкоголизма являются войны, актуализирующие витальные потребности. В XX в. Первая мировая война катализировала этот процесс. П.А. Сорокин писал: «Проходя мимо здания недалеко от Бестужевских курсов, я видел толпу, хохочущую, непристойно жестикулирующую. В подворотне на глазах у зевак совокуплялись мужчина и женщина.

“Ха-ха! — смеялись в толпе. — Поскольку свобода, все позволено!». И далее: «По обеим сторонам улицы солдаты и проститутки, вызывающе занимающиеся непотребством» [30, 92].

Ретроспективный анализ доказывает, что в досоветский период имела место дихотомия смыслов сексуальных отношений между провозглашаемым и дозволенным, неправомерным и осуждаемым, причиной чего были социально-экономические отношения. Миграция из деревень в города, сопровождавшаяся утратой «соседского контроля», увеличивала свободу нравов.

После Октябрьской революции на формирование иных норм бытового поведения потребовались десятилетия. Уходили в прошлое причины ранних браков, снохачества, зависимого положения жен. Повышение социального статуса женщины через образование, включение в общественное производство, организации при трудовых коллективах (профсоюз, комсомол, КПСС, товарищеские суды) в соответствии с социалистической моралью формировали новые формы гендерных отношений.

Великая Отечественная война вновь ослабила моральные скрепы [21]. После войны государство старалось выровнять половую структуру в регионах, используя различные программы (военные городки около «города невест» Иванова, комсомольские оргнаборы на сибирские стройки).

Повышение уровня жизни, вертикальная мобильность через образование, восстановление соотношения мужчин и женщин в новых поколениях сформировали в «атеистической стране» новые формы брачно-сексуальных отношений, идеологически поддерживаемые требованиями к комсомольцам, членам партии Моральным кодексом строителя коммунизма, массовостью Движения за коммунистическое отношение к труду. То, что представители православия сегодня вкладывают в понятие «традиционные ценности», содержательно близко советским ценностям до начала перестройки. Путь к ним был долг: об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, приведенные в статье Т.В. Рогачевой, Н.Н. Маликовой и М.А. Захарова «Сексуальная культура современной российской молодежи». Отметим динамику лишь нескольких показателей. В 1923 г. в Петрограде «среди студенчества и рабочей молодежи моложе 18 лет сексуальный опыт имели 47% юношей и 67% девушек.

Среди участников молодежной конференции в 1929 г. до 18 лет начали половую жизнь 77,8% мужчин (из них 16% — в 14 лет и моложе) и 68% женщин. В 1965 г. только 6% студентов до шестнадцати лет имели сексуальные контакты (из юношей — 11%, девушек — 1%). В 1972 г. таких студентов было 8%. Для сравнения: в 2013 г. до 17 лет сексуальные отношения имели уже 47,4%, причем принципиальная разница по гендерному признаку отсутствует [27]. Проанализировав разные факторы и формы сексуального поведения, авторы констатируют «стихийный характер формирования сексуальной культуры» после разрушения СССР и «разновекторность воздействия на молодого человека информации, отсутствие достижимых и авторитетных для молодежи источников информации» [27]. Но это лишь другая сторона медали в «лихие девяностые». Первая — это кризис, начавшийся в эпоху перестройки, разрушивший экономическую основу существования подавляющего большинства семей, выживание которых стало зависеть от степени «включения» в рыночные отношения, в том числе в интимной сфере.

Итак, «традиции», как видно из краткой исторической справки, были достаточно разнообразны, оценивать их вне контекста «выживания» как популяции, так и отдельного индивида недопустимо. Вновь отметим: роль институтов образования, религии как регулятора брачно-сексуальных отношений не была решающей ни в досоветский, ни в постсоветский период. Однако, если говорить о дихотомных тенденциях между реальным и декларируемым, в советский период они ощутимо сократились, прежде всего благодаря социально-экономическим отношениям, на основе которых формировались институты права, образования, культуры и т. д.

Факторы формирования брачно-сексуальных отношений в современной России. Провозглашение во времена перестройки политиками, учеными конвергенции положительных черт социализма и капитализма как новой цели развития общества на практике означало изменение социально-экономической структуры общества и соответствующую ей реабилитацию «капиталистической морали» во всех сферах.

Для формирования каждой новой целевой группы выбирались специфические технологии. Так, в 1986 г. был принят закон СССР

«Об индивидуальной трудовой деятельности», а 1988 г. — «О кооперации в СССР», итогами чего стали разрушение государственного сектора в экономике и социальной сфере, появление социальной группы «кооператоров», «теневиков», «подпольных миллионеров», «спекулянтов» [14]. Отмена государственной монополии на внешнюю торговлю Постановлением «Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций» в 1988 г. и Постановление «О развитии хозяйственной деятельности советских организаций за рубежом» в 1989 г. [11], опустошив отечественные прилавки, породили движение «челночников», «продавщиц на рынках», наем которых нередко предполагал предоставление сексуальных услуг. Для резкого увеличения новых целевых групп повышение их социального статуса сопровождалось не только «правом» на несоблюдение моральных норм, но и смягчением законодательства под влиянием сконструированной моды «на отрицание всего социалистического и восхваление всего рыночного» [18, 29]. В результате в 1990-х гг. вновь обнажились первичные причины регуляции брачно-сексуального поведения — подчинение его витальным потребностям выживания.

К этому добавились новые технологии воздействия на общественное сознание, активно использовавшиеся для формирования новых практик поведения, соответствующих рыночным отношениям. Среди них: 1 — попытка «заставить выполнить навязываемое действие, т. е. сломить сопротивление (открытое управление)»; 2 — «замаскировать управляющее воздействие так, чтобы оно не вызвало возражения (скрытое управление)» [33, 4]. Дополняя друг друга, они активно применялись для аннигиляции традиционных ценностей и формирования иных смыслов жизни. «Обилие неструктурированной информации, многообразие стандартов и фильтров ее отсеивания приводит неподготовленного человека к отказу от критического ее осмысления, руководствуясь в оценке информационных данных конформистскими стереотипами, ориентированными на коллективное социальное верование» [35, 112].

Оказавшимся без работы в условиях продовольственного и промышленного дефицита новым акторам предлагалась «религиозная и сексуальная терапия». Социально-экономический кризис

1990-х гг. резко увеличил долю верующих в традиционных конфессиях и новых религиозных движениях (НРД). В конце 1980-х гг. в процессе подготовки и проведения 1000-летия крещения Руси было разработано и затем принято новое законодательство о свободе совести, давшее основания для постепенного восстановления статуса РПЦ как «идеолога» новой России, в том числе через ст. 67 Конституции РФ. Для сохранения территориальной целостности страны были сделаны уступки и другим конфессиям. Но неопиты и «захожане», живущие в новых экономических условиях, выбрали из вероучений именно те примеры поведения, которые соответствовали их социально-экономическому статусу и референтным группам.

Сексуальные потребности, удовлетворение которых в «обществе риска» не требовало больших финансовых средств, замещало, вытесняло или переключало на какое-то время внимание с других базовых потребностей — в безопасности, продолжении рода, материальном обеспечении, что функционально аналогично массовой алкоголизации и наркотизации населения. В это время на телевидении появляются передачи о сексе. Этот этап становления российского телевидения Л. Парфенов назвал эпохой «эфирной вседозволенности» [23]. В 1997 г. передача Е. Ханги «Про это» на НТВ сняла запрет на публичное обсуждение темы о сексуальном насилии, гомосексуализме и т. п. Авторы сделали целый цикл передач о безопасном сексе, впервые с экрана ведущие заговорили о проблеме СПИДа. «Новаторство пришлось по вкусу не всем зрителям: в редакцию передачи поступала масса писем с негативными отзывами, критика лилась и из газет» [29]. Но «культурная» политика решала задачи разрушения прежнего и созидания «иного».

Жизнь, особенно в российских городах, стала полем развертывания «новых смыслов». Культурные скрепы разрушались вседозволенностью «новых русских», кинематографом, телевидением, эстрадой. Согласно экспертной оценке народного артиста СССР Ю.М. Соломина, еще во время перестройки начались «изгнание» классики из репертуара театров, призывы закрыть «музейный» Малый театр (Дом А.Н. Островского), извращение первоначальных замыслов авторов. Так, в пьесе А.Н. Островского «Лес» «звучали песни Высоцкого, а русский купец устраивал стриптиз» вместо того, чтобы показать

«такой изумительный язык, такие потрясающие человеческие отношения и столь глубокий философски смысл...» [15]. И это объяснимо: в пьесах дореволюционных авторов давалась критическая оценка тем социальным группам и классам, которые возрождались в пост-СССР. Стриптиз как форма разрушения национальных «табу» стал «языком нового театрального искусства», в том числе в провинции. В 2000 г. Р. Виктюк ставит в Нижнем Новгороде «Мастера и Маргариту» М. Булгакова. По признанию «самого Воланда» — артиста Г. Демурова, «Виктюк так заражает актеров своей энергией и своими идеями, что даже уговорил Ольгу Берегову (она будет играть Маргариту) раздеться на сцене» [2].

Еще более ярким примером краха традиционного культурного ландшафта стало создание на площадке Московского драматического театра имени Н.В. Гоголя «Гоголь-Центра», на спектаклях которого, проходивших с аншлагом, совокупления на сцене являли собой новые смыслы новых поколений. Закрытие его летом 2022 г., совпавшее с премьерой спектакля «Я не участвую в войне», было воспринято почитателями и актерами как уничтожение «свободного, яркого театра» с «современным языком», «очень сексуального, неудержимого, дерзкого, дикого», как «большой ущерб для российской культуры», а возможно, и как «конец России», поскольку это «доказательство того, что все, к чему прикоснется эта страна, в том виде, в каком она есть, будет умирать» [24]. После закрытия «Гоголь-Центр» начал гастролы по миру, что свидетельствует о востребованности такой формы театрального искусства.

В Библии Моисей для изменения менталитета евреев 40 лет водил их по пустыне, столько же требовал Верховенский в «Бесах» Ф.М. Достоевского для переустройства России: «одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького» [6]. История доказала, что в условиях резкой смены «бытия» в постсоветских странах хватило одного поколения. В 1990-х гг. резко увеличивается распространение болезней, передающимися половым путем. «Наиболее неблагоприятная ситуация складывается с заболеваемостью сифилисом, которая близка к эпидемической. В 1997 г. ее уровень по сравнению с 1989 годом увеличился более чем в 64 раза», а среди детей и подростков — в 77 раз [4].

Приведем еще одно доказательство формирования брачно-сексуальных отношений под влиянием «условий повседневности» в Церкви Последнего Завета, созданной в 1991 г. и запрещенной в России в 2022 г. [31]. Этот пример показателен тем, что в новых религиозных движениях (НРД) практически нет «захожан», а жизнь адептов нередко требует принятия кардинальных решений. В данном случае решение ухать в Красноярский край, сменить профессию, разорвать прежние социальные связи требовало осознания готовности жить по строгим правилам общины. Среди «малых огоньков, освещающих тропу к Вершине Совершенства» Виссариона (С.А. Торопова) есть «огонек» № 53: «Человек для своего супружеского жития должен иметь одного избранника. Ибо Природная Любовь возникает только между двумя воссоединяющимися. ...Если мужчина стремится иметь несколько жен, то в сем проявляется лишь слабость перед плотскими потребностями и проявляется несостоятельность достичь гармонии Любви Природной» [19]. Но уже через несколько лет из-за высокой доли незамужних женщин, чтобы избежать осуждаемого прелюбодеяния, было разрешено с согласия жены брать в семью другую женщину. Жене объяснялись правила отношения к ней для помощи в адаптации к новой жизни. Так возвращались дихотомные маркеры предыдущих веков. Реальность секты Виссариона — один из показателей того, что ориентация на религиозные ценности позволяет реализовать брачно-сексуальные потребности в новых формах богоискательства и богостроительства, опираясь на практики Ветхого Завета и Корана. Новый Завет тоже ситуативно лоялен к сексуальным отношениям, что естественно в условиях распространения его в поздней Римской империи. Нужно либо вовремя покаяться, как Мария Магдалина, либо спросить: кто не грешен, пусть первым бросит камень.

Как показано выше, формы реализации брачно-сексуальных отношений формируются конкретно историческими обстоятельствами, отличающимися в разных регионах. Естественно, что возраст и социальный статус также определяют их специфику у студентов вузов, которые займут управленческие позиции в ближайшем будущем. Их мнения выявлены в ходе исследования «Культурное наследие и связь поколений» Российским обществом социологов, соорга-

низатором которого был автор (N = 9751 чел.). Во всех исследованиях РОС выборка выстраивалась преподавателями вузов, на занятиях которых студенты через свои гаджеты заполняют анкету с помощью Google-форм [8]. Географическое положение, многонациональность и поликонфессиональность России требуют конкретизации анализа по ее субъектам. Этот посыл подтверждает сравнение результатов социологических исследований по федеральным округам: либеральные ориентации в большей степени характерны для молодежи Северо-Западного и Центрального федеральных округов. Из более чем 50 вопросов выделим те, которые соответствуют теме данной статьи (табл. 1).

Таблица 1

**Оценка студентами обеспечения прав граждан в идеальном обществе и в современной России,
% от опрошенных в федеральных округах**

Оцените обеспечение государством прав граждан:	Федеральный округ							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Толерантное отношение к сексуальным меньшинствам								
в идеальном обществе	81,4	77,2	84,5	87,2	76,4	77,9	81,3	62,3
в обществе, в котором вы живете	36,3	40,9	30,3	29,4	44,1	40,2	35,1	53,8
Индекс контрастности	45,1	36,3	54,2	57,8	32,3	37,7	46,2	8,5
Возможность однополых браков								
в идеальном обществе	78,4	74,5	81,1	85,4	72,9	74,5	77,9	55,5
в обществе, в котором вы живете	34,6	37,3	27,4	25,9	47,1	37,7	34,1	57,6
Индекс контрастности	43,8	37,2	53,7	59,5	25,8	36,8	43,8	-2,1

Оцените обеспечение государством прав граждан:	Федеральный округ							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Возможность смены пола								
в идеальном обществе	73,9	69,4	74,6	76,7	69,7	69,2	71,8	55,1
в обществе, в котором вы живете	44,9	47,7	41,0	43,3	49,4	46,4	43,3	58,9
Индекс контрастности	29,0	21,7	33,6	33,4	20,3	22,8	25,8	-3,8
Легализация легких наркотиков								
в идеальном обществе	62,4	63,5	68,9	68,1	65,0	62,7	57,3	54,4
в обществе, в котором вы живете	50,0	48,8	41,7	41,2	52,1	48,6	54,0	59,9
Индекс контрастности	12,4	14,7	27,7	26,9	12,9	14,1	3,3	-5,5

Примечание: индекс контрастности исчислялся по формуле: $I_k = a - b/100$, где I_k — индекс контрастности, а и b — веса полярных ответов в процентах, 100 — постоянная величина, применяемая для удобства расчета.

Во всех федеральных округах большинство студентов положительно относится к нетрадиционным практикам. Индекс контрастности (разница между желаемым и действительным) особенно велик в Северо-Западном и Центральном федеральных округах. Северо-Запад географически близок Европе, задающей жизненные смыслы. В ЦФО центр притяжения — Москва, москвичи — референтная группа, которой надо подражать, чтобы стать «своим»; она же, в свою очередь, «равняется» на творческую и политическую интеллигенцию, рекламирующую свои брачно-сексуальные ориентации как

новую норму полноценной жизни. Кроме того, социальное расслоение, конкуренция за «место под солнцем», френетичный темп жизни, невозможность создать семью усиливают замещающую, терапевтическую функцию секса. Большее значение индекса не означает меньшей «распространенности» толерантности или однополых браков. Масштаб явлений, возможно, известен правоохранительным органам, для нас же важно мнение о возможности достижения идеала. В этих округах для респондентов более значимы существующие ограничения сексуальных потребностей, и, наоборот, чем ниже потребность в отклонениях от традиций (например, СКФО), тем чаще они обращают на себя внимание, повышая оценку распространенности как факта диссонанса между культурным наследием и новацией. Без учета «подтекста» ответов можно попасть в «цифровую ловушку»: масштабы явления меньше в СЗФО и ЦФО и больше в СКФО. Отметим также, что выявленные дихотомные тенденции могут проявиться не только при сравнении разных федеральных округов, но и при сопоставлении мнений респондентов в разных субъектах федеральных округов, например, в Ставрополе и Чеченской республике.

Итак, глубинные причины изменения отношения к сексуальной морали — социально-экономические отношения в конкретную историческую эпоху. Приведем еще одно доказательство обоснованности наших выводов. В монографии «Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, перспективы развития» среди ценностей семья на первом месте, а возможность реализовать эту ценность — на пятом. Ценность секса — на двадцатом месте, а возможность удовлетворения этой потребности, ценности — на втором! [13, 114]. Это тоже свидетельство замещающей, терапевтической функции секса: семью создать не могу, тем более что ограничений для удовлетворения актуальных для молодости половых потребностей практически нет.

Сексуальная свобода как признак «идеального общества» не означает готовности вступить в однополый брак или сменить пол, однако свидетельствует о признании приоритета прав человека на самореализацию в любой форме. В этом проявляется мягкая сила анонимной власти референтных групп. Для доказательства дихотомии смыслов приведем данные исследования РОС 2024 г. «Семья в современной России: взгляд студенчества», соорганизатором которого был автор (N = 8521) [7]. Доля, считающих однополый брак нормой

для идеального общества, несколько ниже доли согласных, что брак — это союз мужчины и женщины (табл. 2).

Таблица 2

Отношение студентов к утверждению, что «брак — это союз мужчины и женщины, % от опрошенных в федеральных округах

Согласны ли Вы с утверждением, что «брак — это союз мужчины и женщины»?	Федеральный округ РФ					
	ЦФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	ДФО
Не согласен	6,4	4,9	2,1	6,5	8,4	7,2
Согласен отчасти	10,6	8,5	6,7	12,2	13,3	12,1
Согласен	83,0	86,6	91,2	81,4	78,4	80,7
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее	0,766	0,816	0,891	0,749	0,700	0,735
Стандартное отклонение	0,554	0,498	0,373	0,564	0,614	0,582

Примечание: здесь и далее в таблицах нет СЗФО и СФО, поскольку они мало представлены в выборке.

Как и в 2022 г., наиболее консервативны студенты Северо-Кавказского федерального округа, но, как следует из табл. 2, лояльность к многообразию форм брачных союзов выше в УрФО.

Ответ на вопрос, насколько мнения студентов отличаются от общераспространенных в обществе, дает исследование ФОМ россиян от 18 лет из 104 населенных пунктов (N = 1500). Так, накануне принятия поправки в Конституцию РФ о том, что брак — это союз мужчины и женщины, 85% были против разрешения однополых браков, 7% были за них, противников гейпарадов — 80%, сторонников — 9%. Из тех, кто знает представителей сексменьшинств (таковых в выборке 20%), 67% отметили безразличие к этому факту [22].

В 2024 г. в исследовании РОС «Семья в современной России: взгляд студенчества» нами были уточнены и другие представления студентов вузов РФ о семейных отношениях (табл. 3).

Таблица 3

**Мнение студентов о необходимости сохранения девственности
до официального брака, % от опрошенных
в федеральных округах**

От- вет на во- прос	Федеральный округ РФ											
	ЦФО		ЮФО		СКФО		ПФО		УрФО		ДФО	
	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Нет	62,0	65,1	59,4	65,6	20,0	23,2	61,6	63,3	67,9	72,6	63,8	64,6
За- труд- ня- юсь от- вс- тить	24,8	25,0	25,2	25,9	20,5	23,0	25,5	25,6	20,6	19,8	21,9	22,4
Да	13,2	9,9	15,4	8,5	59,6	53,8	12,9	11,1	11,5	7,6	14,3	13,0
Ито- го	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание: респондентам был задан вопрос: «Должны ли хранить девственность до официального брака девушки и юноши?».

В ЦФО, СКФО, ПФО, ДФО отличия в требованиях к девственности юношей и девушек практически в рамках статистической погрешности. Но сама девственность больше ценится в Северо-Кавказском федеральном округе: разница с близлежащим ЮФО по показателю «должны хранить девственность» в несколько раз, что свидетельствует и об уважении к традициям, и о контроле со стороны окружения как за девушками, так и за юношами.

О значимости для студентов гармонических сексуальных отношений в семейной жизни свидетельствует распределение ответов в табл. 4.

Доли тех, кто считает ненужным хранить девственность до брака, несколько ниже доли считающих секс важным фактором со-

хранения семьи, следовательно, введение дисциплин типа «Семьеведение» или «Основы православной культуры» не изменит глобального тренда на увеличение количества пробных гражданских браков у молодежи. Тем более что поколения «отцов и дедов» тоже приемлют проживание без взаимной ответственности в критических ситуациях.

Таблица 4

Мнение студентов о влиянии сексуальной совместимости на прочность семьи, % от опрошенных в федеральных округах

Согласны ли Вы с мнением, что семья более прочная, если есть сексуальная совместимость между супругами?	Федеральный округ РФ					
	ЦФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УрФО	ДФО
Нет	1,7	1,9	3,4	1,9	1,8	2,0
Не имеет значения	20,6	18,6	30,0	21,6	16,2	22,4
Да	77,8	79,5	66,7	76,5	82,0	75,6
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее	0,761	0,776	0,633	0,745	0,802	0,736
Стандартное отклонение	0,464	0,461	0,548	0,478	0,441	0,485

В советское время государством провозглашалась цель всестороннего развития личности. В последнее время все чаще возникает вопрос: какая личность и всесторонность до каких границ — идеал современного россиянина? Реализация этого лозунга в рыночных условиях — не это ли оптимальный путь к самоуничтожению человечества?

Исследования доказывают тесную взаимосвязь нетрадиционных сексуальных ориентаций и наркомании [32]. Сторонников легализации легких наркотиков среди наших респондентов несколько меньше, но велико осуждение ограничений в этой сфере в ЦФО и СЗФО (Москва и Санкт-Петербург входят в число трех самых наркозависимых регионов) [20].

Подведем итоги. Под влиянием социально-экономических факторов у молодых людей, получающих высшее образование, сфор-

мировались новые правила жизни, подкрепленные смыслами, транслируемыми через кинематограф, СМИ, рассказы живших за границей знакомых, туристические поездки. Насколько объективны эти представления — иной вопрос, но рыночные отношения, в которых социализировалось уже два поколения россиян, вызвали «рост эгоистических тенденций, который становится все более очевидным в наше время. Современная “нравственность”, обусловленная агонией культуры сверхпотребления, поставила эгоизм во главу угла. Эгоцентризм стал нормой, он вызывает симпатию, к нему стремятся, он является целью и средством достижения других целей. ...Эгоизм делает Эго “слишком автономным”, гипертрофированно замкнутым в самом себе, за счет чего “прострелы” и вторжения бессознательного начинают носить чрезмерный характер. Пороги раздражимости таких людей слишком высоки, для того чтобы получить хоть какие-то ощущения, им необходимы чрезмерные стимулы» [12].

Есть ли у государства, религиозных организаций, в образовательной сфере «рычаги», с помощью которых можно выполнить задачу защиты и возвращения традиционных ценностей (как мы выяснили, тождественных не дореволюционному, а советскому), «перевернуть мир» эгоцентризма, составной частью которого стало наслаждение в экономике тотального рынка? Вопрос уже не дискуссионный. Утрата новыми поколениями многих традиций прошлых эпох — одна из закономерностей исторического развития, но скорость и направленность этого процесса зависят от социально-экономических отношений. Мониторинг исследований молодежных ориентаций дает возможность оценки эффективности государственной политики по укреплению традиционных ценностей. Итак, ответ на вопрос, заданный в заголовке, будет таков: сексуальные потребности объективны, но мода на формы их удовлетворения стала ответом на экономические, политические и социальные отношения, сложившиеся в последние десятилетия. Бытие вновь формирует сознание. В том числе с помощью «синдрома разбитого окна».

Литература

1. *Аргудяева Ю.В.* Создание семьи у дальневосточных старообрядцев // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы V научно-практической конференции. Москва, 20—21 ноября 2000 г. М.: Принтер, 2000. С. 449—467.

2. Виктюк Роман поставил «Мастера и Маргариту» в Нижнем Новгороде // Культура: Lenta.ru 07.12.2000: URL: https://lenta.ru/news/2000/12/07/victuk_nn/ 07.12.2000 (дата обращения: 21.04.2023).

3. Гидлевский А.В., Максименко Л.А. Альтруизм и эгоизм как базовые детерминанты бытия человека // Фундаментальные исследования. 2014. № 6—3. С. 649—653.

4. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1997 году от 01 января 1998 // docs.cntd.ru: URL: [https:// docs.cntd.ru/document/901734703](https://docs.cntd.ru/document/901734703) (дата обращения: 24.09.2024).

5. Грива О.А. Дети и религия: традиции и вызовы времени // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 10 (76). № 2. С. 64—70.

6. Достоевский Ф.М. Бесы. Ч. 2. Гл. 8. Иван-Царевич: URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.73/index.html> (дата обращения: 21.04.2025).

7. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В. Идеальная семья в представлениях современной студенческой молодежи России (по материалам социологического исследования) // Философия хозяйства. 2024. № 5. С. 215—234. DOI: 10.5281/zenodo.13920366.

8. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61—78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

9. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К.Д. Цивиной; примеч. Т.А. Бернштам, Т.В. Станюкович, К.В. Чистова; послесл. К.В. Чистова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 511 с.

10. Иоанн Негер, диакон: Языческий праздник Купала — день «узаконенного разврата» // Славянская традиция: URL: <https://slavtradition.com/svodki-smi/suzhdeniya/8832-yazycheskij-prazdnik-kupala-den-uzakonennogo-razvrata> (дата обращения: 21.01.2025).

11. Катасонов В. Чтобы выстоять в санкционной войне, нужна государственная монополия внешней торговли // Завтра. 2022.

20 марта: URL: https://zavtra.ru/blogs/chtobi_vistoyat_v_sanktcionnoj_vojne_nuzhna_gosudarstvennaya_monopoliya_vneshnej_torgovoli (дата обращения: 12.04.2025).

12. Кейсельман В.Р. Альтруизм: так называемое добро: URL: https://www.b17.ru/article/altryizm_tak_nazivaemoe_dobro/ (дата обращения: 03.04.2025).

13. Киреев Е.Ю., Красниковский В.Я., Сазонов А.А., Сазонова А.Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, перспективы развития: Монография / Под ред. А.А. Сазонова. М.: Издат. дом «Наука». 2013. 285 с.

14. Князев С., Комарова Е. «Шаг к разгосударствлению экономики»: российские политики и ученые — о принятии закона «О кооперации в СССР» // РТ на русс.: URL 26.05.2023: <https://russian.rt.com/science/article/1151361-zakon-kooperaciya-sssr> (дата обращения: 12.04.2024).

15. Кожемяко В. Вперед, к Островскому! // Gazeta-Pravda.ru. 4—5 апреля 2023 г. Вып. № 32 (31381): URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/32-31381-45-aprelya-2023-goda/vperedyed-k-ostrovskomu/> (дата обращения: 21.04.2023).

16. Коломиец О.П. Архаичные формы брака у чукчей в XIX — начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1 (116). С. 127—129.

17. Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010. 606 с.

18. Лукашевич Д.А. Уголовно-правовое обеспечение экономических отношений в СССР в период перехода к рыночным отношениям // Закон и право. 2021. № 1. С. 27—32.

19. Малая крупница Слова Виссариона, являющего Последний Завет от Пославшего Его Отца Небесного. Минусинск: Общественный культурно-просветительный центр содействия развитию духовности и культуры «Источник», б.г.

20. Марычев Н. Топ-8 самых наркозависимых регионов России // InvestFuture. 24.06.2019: URL: <https://investfuture.ru/news/id/top-8-samyh-narkozavisimyh-regionov-rossii> (дата обращения: 27.03.2024).

21. Накачи М. Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х — 1960-х годах // Демографическое обозрение. 2022. № 9 (1). С. 34—55. DOI: 10.17323/demreview.v9i1.14572.

22. Отношение к сексменьшинствам // ФОМ: URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14220/> (дата обращения: 23.04.2023).

23. *Парфенов Л.* Новое достижение эфирной вседозволенности — в ток-шоу НТВ «Про это» говорят только о сексе. Лицо программы — Елена Ханга, первая чернокожая ведущая отечественного ТВ: URL: <https://namednibook.ru/pro-yeto.html> (дата обращения: 21.09.2024).

24. Послушайте Александра Кузнецова, актера Гоголь-Центра. С Гоголь-Центром перестала существовать и Россия // ЗЛОЙ СВОшник. Дзен: URL: <https://dzen.ru/video/watch/62beaf3c7ad65e278f8bdc01?f=d2d> (дата обращения: 21.04.2025).

25. Правило 18, Стоглавый собор (Стоглав): URL: <https://orthodoxbible.ru/canons.php?id=32&canon=18> (дата обращения: 23.03.2025).

26. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1960.

27. *Рогачева Т.В., Маликова Н.Н., Захаров М.А.* Сексуальная культура современной российской молодежи // Медицинская психология в России: Электрон. науч. журн. 2013. № 1 (18).: URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2013_1_18/nomer/nomer12.php (дата обращения: 24.04.2024).

28. *Семенова-Тян-Шанская О.* Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М.: Ломоносовъ, 2010. 192 с.

29. *Сладкова А., Абакумова А.* Не было никаких рамок: Елена Ханга — о передаче про секс, о расизме и феминизме // РТ на русском: URL: <https://russian.rt.com/russia/article/763245-veduschaya-pro-eto-intervyu> (дата обращения: 21.04.2023).

30. *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман / Пер. с англ. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. 302 с.

31. Церковь последнего завета — Рувики: Интернет-энциклопедия: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Церковь_последнего_завета (дата обращения: 04.03.2025).

32. *Шайдукова Л.К.* Социально-психологические и медико-наркологические аспекты гомосексуализма // Социальная и клиническая психиатрия. 2016. № 26 (2). С. 86—90.

33. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М.; Мн.: ООО «Издательство АСТ», Харвест, 2002. 848 с.

34. Широкалова Г.С., Мансуров В.А. Особенности исследовательского проекта РОС-2024 «Семья и студенты» // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 164—167. DOI: 10.31857/S0132162524100151.

35. Яковлев В.Ю. Проблема оснований рациональности в экзистенциально-культурном контексте современной эпохи // Кострома. Genus Loci: Альманах / сост. и отв. ред. А.В. Зайцев. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. Вып. 3. С. 107—113.

References

1. Argudyaeva YU.V. Sozdanie sem'i u dal'nevostochnykh staroobryadcev // Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': Materialy V nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 20—21 noyabrya 2000 g. М.: Printer, 2000. S. 449—467.

2. Viktyuk Roman postavil «Mastera i Margaritu» v Nizhnem Novgorode // Kul'tura: Lenta.ru 07.12.2000: URL: https://lenta.ru/news/2000/12/07/viktuk_nn/ 07.12.2000 (data obrashcheniya: 21.04.2023).

3. Gidlevskij A.V., Maksimenko L.A. Al'truizm i egoizm kak bazovye determinanty bytiya cheloveka // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. № 6—3. S. 649—653.

4. Gosudarstvennyj doklad o sostoyanii zdorov'ya naseleniya Rossijskoj Federacii v 1997 godu ot 01 yanvarya 1998 // docs.cntd.ru: URL: [https:// docs.cntd.ru/document/901734703](https://docs.cntd.ru/document/901734703) (data obrashcheniya: 24.09.2024).

5. Griva O.A. Deti i religiya: tradicii i vyzovy vremeni // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya. 2024. T. 10 (76). № 2. S. 64—70.

6. Dostoevskij F.M. Besy. CH. 2. Gl. 8. Ivan-Carevich: URL: <https://ilibrary.ru/text/1544/p.73/index.html> (data obrashcheniya: 21.04.2025).

7. Dulina N.V., Mansurov V.A., Pronina E.I., SHirokalova G.S., SHkurin D.V. Ideal'naya sem'ya v predstavleniyah sovremennoj studentcheskoj molodezhi Rossii (po materialam sociologicheskogo issledovaniya)

// *Filosofiya hozyajstva*. 2024. № 5. S. 215—234. DOI: 10.5281/zenodo.13920366.

8. *Dulina N.V., Mansurov V.A., Pronina E.I., SHirokalova G.S., SHkurin D.V., YUr'ev P.S.* Narodnaya kul'tura v ocenках rossijskoj studencheskoj molodezhi // *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. 2022. T. 8. № 3. S. 61—78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5.

9. *Zelenin D.K.* Vostochnoslavjanskaya etnografiya / Per. s nem. K.D. Civinoj; primech. T.A. Bernshtam, T.V. Stanyukovich, K.V. CHistova; poslesl. K.V. CHistova. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1991. 511 s.

10. Ioann Neger, diakon: Yazycheskij prazdnik Kupala — den' «uzakonennogo razvrata» // *Slavyanskaya tradiciya*: URL: <https://slavtradition.com/svodki-smi/suzhdeniya/8832-yazycheskij-prazdnik-kupala-den-uzakonennogo-razvrata> (data obrashcheniya: 21.01.2025).

11. *Katasonov V.* CHtoby vystoyat' v sankcionnoj vojne, nuzhna gosudarstvennaya monopoliya vneshnej trgovli // *Zavtra*. 2022. 20 marta: URL: https://zavtra.ru/blogs/chtobi_vistoyat_v_sanktcionnoj_vojne_nuzhna_gosudarstvennaya_monopoliya_vneshnej_torgovoli (data obrashcheniya: 12.04.2025).

12. *Kejsel'man V.R.* Al'truizm: tak nazyvaemoe dobro: URL: https://www.b17.ru/article/altryizm_tak_nazivaemoe_dobro/ (data obrashcheniya: 03.04.2025).

13. *Kireev E.YU., Krasnikovskij V.YA., Sazonov A.A., Sazonova A.L.* Molodezh' Moskvyy: cennostnye priority, perspektivy razvitiya: Monografiya / Pod red. A.A. Sazonova. M.: Izdat. dom «Nauka», 2013. 285 s.

14. *Knyazev S., Komarova E.* «SHag k razgosudarstvleniyu ekonomiki»: rossijskie politiki i uchenye — o prinyatii zakona «O kooperacii v SSSR» // *RT na russ.*: URL 26.05.2023: <https://russian.rt.com/science/article/1151361-zakon-kooperaciya-sssr> (data obrashcheniya: 12.04.2024).

15. *Kozhemyako V.* Vpered, k Ostrovskomu! // *Gazeta-Pravda.ru*. 4—5 aprelya 2023 g. Vyp. № 32 (31381): URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/32-31381-45-aprelya-2023-goda/vperedyed-k-ostrovskomu/> (data obrashcheniya: 21.04.2023).

16. *Kolomic O.P.* Arhaichnye formy braka u chukchej v XIX — nachale XX veka // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. Vyp. 1 (116). S. 127—129.

17. *Kon I.S.* Klubnichka na berezke: seksual'naya kul'tura v Rossii. M.: Vremya, 2010. 606 s.

18. *Lukashevich D.A.* Ugolovno-pravovoe obespechenie ekonomicheskikh otnoshenij v SSSR v period perekhoda k rynochnym otnosheniyam // *Zakon i pravo*. 2021. № 1. S. 27—32.

19. Malaya krupica Slova Vissariona, yavlyayushchego Poslednij Zavet ot Poslavshego Ego Otca Nebesnogo. Minusinsk: Obshchestvennyj kul'turno-prosvetitel'nyj centr sodejstviya razvitiyu duhovnosti i kul'tury «Istochnik», b.g.

20. *Marychev N.* Top-8 samyh narkozavisimyh regionov Rossii // *InvestFuture*. 24.06.2019: URL: <https://investfuture.ru/news/id/top-8-samyh-narkozavisimyh-regionov-rossii> (data obrashcheniya: 27.03.2024).

21. *Nakachi M.* Analiz pronatalistskoj semejnoy politiki v SSSR v 1940-h — 1960-h godah // *Demograficheskoe obozrenie*. 2022. № 9 (1). S. 34—55. DOI: 10.17323/demreview.v9i1.14572.

22. Otnoshenie k seksmen'shinstvam // FOM: URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14220/> (data obrashcheniya: 23.04.2023).

23. *Parfenov L.* Novoe dostizhenie efirnoj vsedozvolennosti — v tok-shou NTV «Pro eto» govoryat tol'ko o sekse. Lico programmy — Elena Hanga, pervaya chernokozhaya vedushchaya otechestvennogo TV: URL: <https://namednibook.ru/pro-yeto.html> (data obrashcheniya: 21.09.2024).

24. Poslushajte Aleksandra Kuznecova, aktera Gogol'-Centra. S Gogol'-Centrom perestala sushchestvovat' i Rossiya // *ZLOJ SVOshnik*. Dzen: URL: <https://dzen.ru/video/watch/62beaf3c7ad65e278f8bdc01?f=d2d> (data obrashcheniya: 21.04.2025).

25. Pravilo 18, Stoglavyy sobor (Stoglav): URL: <https://orthodox-bible.ru/canons.php?id=32&canon=18> (data obrashcheniya: 23.03.2025).

26. *Pushkin A.S.* Sbranie sochinenij: V 10 t. T. 5. M.: GIHL, 1960.

27. *Rogacheva T.V., Malikova N.N., Zaharov M.A.* Seksual'naya kul'tura sovremennoj rossijskoj molodezhi // *Medicinskaya psihologiya v Rossii: Elektron. nauch. zhurn.* 2013. № 1 (18): URL: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2013_1_18/nomer/nomer12.php (data obrashcheniya: 24.04.2024).

28. *Semenova-Tyan-SHanskaya O.* ZHizn' «Ivana». Ocherki iz byta krest'yan odnoj iz chernozemnyh gubernij. M.: Lomonosov", 2010. 192 s.

29. *Sladkova A., Abakumova A.* Ne bylo nikakih ramok: Elena Hanga — o peredache pro seks, o rasizme i feminizme // *RT na russkom*:

URL: <https://russian.rt.com/russia/article/763245-veduschaya-pro-eto-intervyu> (data obrashcheniya: 21.04.2023).

30. *Sorokin P.A.* Dolgij put'. Avtobiograficheskij roman / Per. s angl. Syktyvkar: SZH Komi SSR, MP «SHypas», 1991. 302 s.

31. *Cerkov' poslednego zaveta* — Ruviki: Internet-enciklopediya: URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Cerkov'_poslednego_zaveta (data obrashcheniya: 04.03.2025).

32. *SHajdukova L.K.* Social'no-psihologicheskie i mediko-narkologicheskie aspekty gomoseksualizma // *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya*. 2016. № 26 (2). S. 86—90.

33. *SHejnov V.P.* Skrytoe upravlenie chelovekom (Psihologiya manipulirovaniya). M.; Mn.: ООО «Izdatel'stvo AST», Harvest, 2002. 848 s.

34. *SHirokalova G.S., Mansurov V.A.* Osobennosti issledovatel'skogo proekta ROS-2024 «Sem'ya i studenty» // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2024. № 10. S. 164—167. DOI: 10.31857/S0132162524100151.

35. *Yakovlev V.YU.* Problema osnovanij racional'nosti v ekzistencial'no-kul'turnom kontekste sovremennoj epohi // *Kostroma. Genus Loci: Al'manah* / sost. i otv. red. A.V. Zajcev. Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2020. Vyp. 3. S. 107—113.

С.Б. ПАВЛОВ

Социальный формат информационных технологий*

Аннотация. Предмет исследования — информационные технологии как средство, целеполагание их использования, эффект и последствия применения. Любая технология, используемая в обществе, соответствует системе экономических и социальных отношений, а говоря шире — менталитету и культуре. И если не сразу, то со временем непременно обретает это соответствие. Информационные технологии, начав свой путь развития десятилетия назад, в силу своей

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов С.Б. Социальный формат информационных технологий // *Философия хозяйства*. 2025. № 4. С. 231—250. DOI: 10.5281/zenodo.15698490.

эффективности и широкой применимости приобрели исключительное значение в настоящее время. Но общество не во всех сферах успевает направить использование информационных технологий в безопасное и общественно полезное русло. Потому что интересы тех, кто использует эти технологии, необязательно совпадают с общественными интересами. Тем не менее информационные технологии могут и должны соответствовать интересам обществом.

Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, цифровизация, формат, общество, киберпреступность.

Abstract. The subject of the research is information technologies as a means, the purpose of their use, the effect and consequences of their application. Any technology used in society corresponds to the system of economic and social relations, and more broadly, to the mentality and culture. And if not immediately, then over time it certainly finds this correspondence. Information technologies, which began their development decades ago, have gained exceptional importance today due to their effectiveness and wide applicability. But society does not manage to channel the use of information technology into a safe and socially useful channel in all areas. Because the interests of those who use these technologies do not necessarily coincide with the public interest. Nevertheless, information technology can and should be used in harmony with society.

Keywords: information technology, artificial intelligence, digitalization, format, society, cybercrime.

УДК 304.5
ББК 16.2

Не имея чести относиться ни к математическим, ни к техническим наукам, мы подходим к данной теме с точки зрения общественных наук, для которых любая технология, как и вообще любая часть материального мира, интересна в качестве средства. Задача настоящей работы исследовать применение информационных технологий (ИТ) в этом качестве.

Линейный прогресс как модель объяснения нас не удовлетворяет, потому что история последних 100 лет ставит в отношении

этого прогресса вопросы, начиная от его «цены» и заканчивая рисками, с ним связанными, и заставляет задуматься о проблеме если не полезного, то хотя бы безопасного его применения. В этом контексте имеет значение и общий вопрос: как вообще новые, более эффективные технологии усваиваются обществом, какова природа их, с позволения сказать, социализации?

Очевидно, новые технические возможности усваиваются обществом как средства достижения цели, что с гуманитарной точки зрения — главное. И уже цель определяет способ, характер, масштабы, сроки и т. п. в использовании новой технологии. Все эти свойства объединяет факт наличия у них пределов, границ или рамок, обобщенно именуемых словом «формат». Их логически связную совокупность применительно к одному объекту (предмету) можно назвать сложносоставным форматом, или просто форматом.

Из истории можно привести различные примеры того, как складывались форматы использования различных материальных средств и технологий. Одни материальные средства и технологии, по мере их открытия (изобретения), просто и безболезненно принимались обществом, другие — с коротким или длинным временным отставанием, третьи отвергались. Это всегда объяснялось соображениями выгоды, иногда отождествляемой с общественным благом, якобы объективно понимаемым. Хотя на тех же исторических примерах видно, что было бы ошибкой соглашаться во всех случаях с таким тождеством.

Причину притягивания или неприятия обществом новых материальных средств и технологий, полагаем, лучше всего определять понятиями марксизма — степенью соответствия или несоответствия их существующим производственным отношениям — но только с обратными от его утверждений выводами. Потому что исторический опыт опровергает представления марксизма о том, что растущее несоответствие характера и уровня развития производительных сил существующим производственным отношениям приводит к уничтожению этих отношений посредством социального взрыва (революции). Есть обратные примеры, когда интерес сохранения существующих производственных отношений приводит не только к остановке развития производительных сил, но даже к их деградации. (То, как это выглядит в настоящее время, представлено далее.)

Возьмем на себя смелость предположить, что цивилизации Древнего мира исчезали именно по этой причине. Это объясняет почему их население, сменив по нескольку раз национальную и конфессиональную идентичность, сохранялось, а развитые технологии их древности нет. Отсюда следует, что судьба новых, более эффективных технологий совершенно необязательно соответствует модели упомянутого постоянного поступательного развития, «прогресса»¹.

Информационные технологии развивались постепенно еще с середины XX в. и большую часть времени своего существования не попадали в центр общественного внимания. Сначала была математическая теория. Начало пути ее развития уходит в века. В актуально обозримой истории это выглядит как развитие математической дисциплины информатики, которая развивается настолько динамично, что само ее определение меняется. Если во второй половине XX в. ее определяли как дисциплину, изучающую структуру и общие свойства научной информации [6], то в настоящее время одно из множества ее определений гласит: «наука, изучающая законы и методы накопления, передачи и обработки информации с помощью ЭВМ; в переносном смысле область человеческой деятельности, связанная с применением ЭВМ» и т. д. [7].

Практическое применение ИТ стало возможным с развитием и совершенствованием ЭВМ. В 1956 г. появился термин «искусственный интеллект» (ИИ) — результат развития ИТ. Ведущими в этой сфере были ученые США и СССР. И хотя первым практическим применением ИИ в середине 1960-х гг. были шахматы, очень скоро к теме ИТ присоединились представители прикладных и естественных

¹ Обращение здесь к понятийному аппарату теории К. Маркса не должно никого смущать. Расхожая критика марксизма с позиций современного либерализма несостоятельна, во всяком случае по причине несостоятельности самого либерализма как логики познания. Распад СССР, казалось бы, отменил саму необходимость изыскивать аргументы против теории К. Маркса. Это совершенно неправильно, потому что опровергает теорию К. Маркса не крах СССР, а, наоборот, его создание. Потому что существование СССР, оказавшего решающее влияние на судьбы человечества XX в., совершенно не соответствовало ни одному положению Марксовой теории, начиная с географии: К. Маркс рассчитывал свою теорию исключительно в отношении «исторических наций» Западной Европы.

наук. Уже тогда специалистами этой сферы были не только математики и ученые в области системного анализа, но и радиотехники, электроники, специалисты автоматического управления.

Через 10 лет, в середине 1970-х гг., ИИ был воплощен в первые «электронные системы» — программы для ЭВМ, которые решали задачи в слабо структурированных и трудно формализуемых предметных областях. Это открыло широкие возможности практического применения. Тогда это было создание формул химических соединений на основе спектрального анализа, диагностика и лечение болезней, прогнозирование нахождения залежей подземных ископаемых и др.

Начали создавать первые «экспертные системы». В частности, в СССР были созданы одна из первых таких систем анализа текстовой информации, а также система оценки качества воды. Разработка экспертных систем стала самостоятельной областью знаний — «инженерией знаний».

Высокопроизводительные персональные ЭВМ, созданные в начале второй половины 1980-х гг., позволили создавать первые нейронные сети — программы по образу и подобию нейронов головного мозга человека. К настоящему времени они применяются не только в экспертных системах, но и вообще очень широко — от бытовых приборов, фотоаппаратов и голосовых помощников в ПК, систем распознавания речи и образов до ценообразования, логистики и продаж, проектирования телекоммуникационных систем управления производством, медицинской диагностики.

Потенциал ИТ в развитии экономики еще до конца неясен. Но во всяком случае цифровые ресурсы «потенциально способны обеспечить экономическую активность, на несколько порядков более высокую, чем на базе индустриальных ресурсов. Такая экономическая активность позволяет создавать большие объемы новых рабочих мест, что, в свою очередь, позволяет решать проблемы технологической безработицы» [12, 87—95]. И государство РФ только еще принаравливается к ним. Оно придало официальный статус новым ИТ в 2020 г., когда ввели в действие ГОСТ Р 59277-2020 Системы искусственного интеллекта.

Видимо, этот крайне беглый обзор неполон, и специалисты ИТ могут многое к нему добавить. Но вряд ли это отменит справедливость самого общего вывода о том, что все развивалось традиционно,

классически: сначала теория, потом с развитием технических средств практическое применение во все более растущем числе сфер.

Особенным здесь видится то, что развитие информационной отрасли происходит по историческим меркам необычайно быстро. Временной лаг между разработкой и применением короткий, потому что ИТ применяют в соответствии с заранее поставленными задачами и не нужны большие материальные перестройки. Единственное, что тормозило процесс, — это недостаток более мощных ЭВМ. Тем не менее, все развивалось очень быстро и сопровождается всплеском энтузиазма и оптимизма с последующими фантазиями о революционных преобразованиях жизни человечества и общими утверждениями о неотвратимости прогресса. Подобные восторги уже были, однако практический результат, как правило, оказывался скромнее ожиданий. Правда, следует признать, что цифровой энтузиазм и ажиотаж в современных обстоятельствах биржевых спекуляций сами по себе сделались важнейшим стимулом развития и внедрения ИТ.

Сфера ИТ в России развивается по историческим меркам стремительно, чему способствует чиновничье рвение. Во исполнение государственной воли, возложившей на ИТ большие надежды, их теперь пытаются внедрить где надо и где не надо. Еще немного, и ИТ назовут «кукурузой нашего времени» (аллюзия хрущевского начинания). Растут опасения, возникающие на печальном опыте предыдущих новаций, например использовании деления атомного ядра.

На пути своего раннего развития ИТ использовали исключительно на благо общества. Сами по себе ИТ не более чем средство, эффект их применения зависит от целеполагания людей. И в настоящее время мы видим, как ИТ стали использовать еще и во вред ему, причем в угрожающе растущих масштабах. Очевидно, ИТ не только решают проблемы, но и порождают их. Это не предвидели те, кто принимают решения — в одном случае, а в другом — их намеренно используют во вред.

Рассмотрим эти явления в государственном управлении. ИТ заменяют управленцев на рутинной работе, в результате наконец началось их сокращение, вполне и без того уместное, поскольку в современной России их больше, чем в СССР, в три раза. Предоставление так называемых государственных услуг, коммуникации граждан

с органами власти, как и финансовые услуги, тоже качественно выиграли: многое теперь проще, быстрее, дешевле — оформлять документы, предоставлять данные по коммунальным услугам, осуществлять платежи и переводы и т. п. Все простейшие, механические, массовые и типичные действия в этих сферах, для которых не требуются управленческие, административные и тем более судебные решения, упрощены и ускорены. С помощью ИИ можно создавать документы и сократить число чиновников еще больше. Очевидно, стоит ожидать большей эффективности в сфере управления и планирования, обороте информации.

Но вместе с этим обретает с помощью ИТ новые возможности и нездоровое стремление бюрократии подчинять себе, контролировать и регламентировать как можно большее количество общественных процессов. И на этой почве в обществе заговорили и начали опасаться образа будущего «цифрового концлагеря». Это древние опасения, возникшие еще до создания интернета. Достаточно привести в пример литературные произведения «Мы» Евгения Замятина и «1984» Джорджа Оруэлла. Но исторический опыт их подтверждает. Слежка за населением, будь то соответствующие реформы Шан Яна (IV в. до н. э., царство Цинь в Китае), культивирование доношительства в разных странах Европы со времен Средних веков, наконец, слежка одной половины населения за другой, организованная в Третьем рейхе, не оставляют сомнений в этом.

В настоящее же время прообраз будущего цифрового концлагеря осуществляется в Китае сначала в виде цифрового контроля над жителями Синьцзян-Уйгурского автономного округа с целью пресечения сепаратистских настроений, а с 2022 г. в виде так называемой системы социального кредита над всеми китайцами, с более сложной целью индивидуально-массового руководства поведением [2]. В других странах, где власти предпринимают попытки создания цифрового контроля за населением, цели не столь всеохватны и более гуманны, например в Казахстане².

² Министерством труда и социальной защиты населения Казахстана совместно с Программой развития ООН разработана методика определения социального благополучия семьи (лица). Она станет основой для проактивного предоставления гражданам мер социальной поддержки посредством цифровой карты семьи [10].

В современной России дело не пошло дальше кредитного рейтинга в интересах банков, систем слежения на улицах городов и портала «Государственные услуги». Не думаем, что в обозримом будущем пойдет дальше, потому что руководство нашего государства в настоящее время не расположено к подобному целеполаганию.

Но использование ИТ не только решает проблемы, но и создает новые. Электронный способ коммуникации граждан с органами власти по вопросам, более сложным, чем простые механические действия, оказывается не лучше традиционного очного и письменного, поскольку, обязывая исключительно к этому способу коммуникации, чиновники ограничили тематику, контекст обращений, предельно формализовали общение с гражданами и освободились от обратной связи с ними. Они отгородились от граждан и деперсонализировали ответственность, создав таким образом комфортные условия для произвола.

Предвидя такое развитие ситуации, президент России В.В. Путин на встрече с главами муниципальных образований 21 апреля 2025 г. предостерегал: «Единственное, о чем хочу попросить, — это чтобы не возникало никакого цифрового барьера, никакого цифрового забора между людьми и местными органами власти, чтобы обратная связь... всегда сохранялась, чтобы сохранялась живая связь с гражданами. Потому что цифровые платформы, действительно, они уникальны своими возможностями, повышают эффективность управления на всех уровнях, на всех направлениях нашей деятельности. Но это не должно подменять живого прямого общения с людьми. Это очень важная вещь» [13].

Однако не слишком заметно, что слова президента отразились на деятельности чиновников. В частности, с помощью ИТ можно было бы автоматизировать создание и выдачу гражданам различных справок. Но это даже не поставлено задачей — частный, но красноречивый пример того, как мало бюрократию интересуют интересы общества.

Качество статистики, в частности экономической и демографической в виде переписи населения, никак не выиграло от использования ИТ, хотя, казалось бы, могло. Посредством оборота информации можно было вовсе отменить переписи, но не сбылось.

Важно осознать, что в применении к неограниченному числу лиц одинаковых решений цена ошибки в использовании ИТ существенно выше, потому что она неизбежно умножается многократностью применения. А вопрос юридической ответственности для таких случаев вообще повисает в воздухе.

Наконец, в качестве издержек можно считать составление электронной документации, которую приходится делать вручную, равно как и бумажную, от которой во многих случаях нельзя отказаться. Это относится не только к сфере государственного управления. Все виды деятельности, подконтрольные государству, должны быть представлены ему электронной отчетностью. Вопреки иллюзиям об освобождении от пресловутой «бумажной волокиты», эти обязательства требуют времени на создание электронных документов еще больше, чем на создание бумажных. При этом материальные ресурсы для традиционных бумажных документов на порядок дешевле, чем для электронных. Цифровизация ложится тяжелым бременем на людей и организации, так что эффективность управления с помощью ИТ остается в теории.

Но много хуже ситуация в сфере образования, где преимущества от использования ИТ ничтожны в сравнении с масштабами наносимого ими вреда. В настоящее время образование в России продолжает трансформироваться в соответствии и в контексте глобализации вопреки национальным интересам и гражданским протестам. Надо отдать себе отчет в том, что снижение уровня образования, а по существу, обольванивание населения — глобальная тенденция.

В соответствии с этим советская система образования уничтожена полностью. Финансирование образования построено на принципе непосредственной материальной заинтересованности, основанной на вере в деньги как абсолютной ценности. Это несовместимо с задачами образования и прямо противоположно задачам воспитания. Практика ЕГЭ выхолащивает содержание преподаваемых предметов и селекционирует посредственность. Показатели качества образования вместо того, чтобы соответствовать общественной необходимости и задачам своего места и времени, сведены к зависимости от рейтингов иностранных организаций (Programme for International Student Assessment).

Цифровизация образования сначала в форме использования интернета внедрялась в России с начала 2000-х гг. с подачи Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании (ИИТО) — тогда это еще сопровождалось разговорами о прогрессе [5]. Спустя немного времени мы увидели циничные откровения Г. Грефа на Петербургском международном экономическом форуме в 2012 г. о недопустимости развития образования, которое делает людей думающими субъектами, не поддающимися манипуляциям [11]. Именно в этом контексте следует понимать смысл инициатив в сфере образования от руководимого Г. Грефом Сбербанка и, в частности, рекламируемого в настоящее время «умного телеграм-бота» на базе нейросетевой модели Сбера GigaChat MAX [1]. Только остается вопрос: по какому праву частный банк занят образовательной деятельностью? Вопрос без ответа.

Отношение общества к цифровизации образования наиболее ярко и однозначно проявилось во время борьбы с COVID-19, когда в школах и вузах началось массовое «дистанционное обучение». Последовал мощный протест — фактически против ИТ в образовании. Он не особенно отражался в СМИ, но власть получила импульс, с которым не посчитаться сочла невозможным. Поэтому оба министра образования и сам президент РФ несколько раз (каждый публично) выступали с уверениями о том, что дистанционное обучение не заменит и не вытеснит традиционного очного образования. (И не будучи приобщенными к инсайдерской информации в этой области, нам остается только задаваться вопросом: был ли, а может, и сейчас есть у кого-то в запасе реальный проект замены нормального человеческого образования цифровым в России?) Не только протесты граждан, но и исследования ученых и даже заключения государственных экспертиз однозначно свидетельствуют о вреде ИТ в образовании [8].

Если ИТ и тем более ИИ не касаются непосредственно процесса обучения и никак не взаимодействуют с учащимися, можно надеяться на их полезное применение. Это относится к простейшим элементам администрирования и функциям контроля и не более. Но ИТ внедряют именно в процесс самого образования и подступают к внедрению ИИ. Цифровая образовательная среда и дистанционное обучение, общение через чаты (в данном случае на примере Москвы) изолируют учителей от учеников и от их родителей. Интуитивно-подсознательная связь и взаимопонимание, необходимые в общении

для процесса образования, становятся невозможными. В результате связь «преподаватель — учащийся» превратилась в формальность. Даже простой контроль за учащимся стал невозможен, и выполнение заданий становится пустым ритуалом. Использование интернета освобождает учеников от чтения, самостоятельного решения задач.

Более того, в сфере образования ИТ открыло новые противозаконные возможности. Интернет благодаря анонимности используется для торговли всем, чем учащийся может заменить результат своего образовательного труда, — от шпаргалок и рефератов до курсовых и дипломных работ, а также результатов олимпиад любого уровня. Полная беспомощность власти противостоять этому не позволяет сомневаться в том, что с помощью ИТ, а в частности внедряемого ИИ, учащиеся вообще освободятся от необходимости думать. Следовательно, они утратят способность это делать вообще. Таким образом цифровизация образования ускоряет процесс его уничтожения в соответствии с глобальным трендом.

Разумеется, это препятствует решению современных задач развития России, а конкретно — тому, что сформулировал президент РФ В.В. Путин: импортозамещение, технологический суверенитет, конкурентоспособность страны. Население — без образования, с пониженным интеллектом и прямо оболваненное — не может решать задачи, для которых в растущих размерах нужны творчески мыслящие инженеры, конструкторы, архитекторы и проч.

Сама идея об умственно ограниченном населении, которым проще управлять, не только устарела, но показала свою несостоятельность уже современникам ее рождения. В Европе это, по меньшей мере, XVIII в., если не раньше, в России как целенаправленная практика — XIX в. Уже тогда можно было понять, что народное невежество — обоюдоострое оружие, хотя бы на примере Великой французской революции. Потому что с не меньшей эффективностью им пользуются противники режима внутри страны и враги извне. А в настоящее время невежество и умственная ограниченность все более растущей части населения с успехом используются для вербовки исполнителей терактов и прочей экстремистской деятельности с помощью того же интернета — продукта ИТ.

В производстве на древнем пути повышения эффективности труда с помощью машин и механизмов ИТ внесли новый вклад, дополнительно освободив человека от рутинного труда. Так появились

роботы, принимающие сообщения и отвечающие на телефонные звонки, беспилотные системы управления, особенно востребованные на войне (БПЛА). Это оправданно и, безусловно, соответствует общественным интересам.

Но инженерная мысль, работающая в этом направлении, «движется дальше», нацеливаясь на замену человека вообще везде, если не сказать, на отмену его. Для такого целеполагания надо ненавидеть человека в духе социал-дарвинизма или фашизма. На сегодня наиболее сложный вариант созданного ими человекообразного суррогата — дипфейк — пока только цифровой клон образа человека. Ожидалось, что это будет широко востребовано в кинематографе. Но несмотря на то, что этот суррогат создан с помощью новейших технологий, он не преодолевает недостатков всех суррогатов: они всегда хуже оригинала, поэтому пока не сбылось. (В данном случае мы не углубляемся в тему сопротивления этому сообществ актеров и зрителей с хорошим вкусом, но имеем их в виду.)

В сфере машиностроительного, промышленного и архитектурного проектирования ИТ уже давно эффективно помогает применять типовые, традиционные решения, которые используются повсеместно. По существу, это развитие уже скоро полвека совершенствующихся систем автоматизированного проектирования (САПР). ИТ давно эффективно применяются в деле механического выполнения чертежей и моделей. Эффективны они для контроля за соблюдением ГОСТов и рутинной части различных экспертиз и согласований. Но когда ИТ заменяют творческий труд проектировщика и генерируют принципиальные решения без участия человека, всякое развитие останавливается, потому что диапазон применяемых решений ограничен для соответствующей программы набором заданных вариантов и алгоритмом действий. Скорость проектирования увеличивается, а оригинальные решения становятся невозможны. Изобретательство прекращается.

Таким образом с помощью ИТ и ИИ можно вообще законсервировать уровень развития техники и технологий, остановить НТР, если возложить творческие задачи на них целиком. Это тем более возможно, что НТР специально остановлена во многих сферах материального производства в соответствии с интересами глобальных монополий.

Застой и явления, обратные техническому прогрессу, мы наблюдаем хотя бы на общедоступном примере товаров массового потребления и продуктов питания. Везде широко распространены в целях «сокращения издержек» суррогаты и заменители вместо качественных материалов, составляющих, компонентов и деталей, в пищевой промышленности — ингредиентов. С помощью ИТ создали новые суррогаты — ридеры вместо книг и много больше того — целый виртуальный мир вместо настоящего.

Качество намеренно понижают. Легковые автомобили производят так, чтобы они приходили в неремонтопригодное состояние как раз по истечении гарантийного срока, чтобы покупали новые. Чтобы обесценивать труд, опытных возрастных специалистов заменяют неопытными молодыми, которые дешевле. На этой почве созданы культ молодости и практика дискриминации старших, с опытом. Опять же для производства намеренно некачественной продукции больше подходит неопытный молодой специалист. Высококвалифицированный труд становится невостребованным. Таким образом техническое развитие в условиях извлечения прибыли исключительно путем сокращения издержек становится невозможным.

В этих обстоятельствах с помощью ИТ и ИИ консервируют технологии и заменяют труд человека, а следовательно, и удешевляют его. Все это будет называться именем прогресса, каковым прежде называли совершенствование техники и технологий с целью создания нового, качественного — дешевле и больше. И соответствующий выбор будут объяснять «объективными законами» экономики.

Тема, разумеется, сложнее представленной модели объяснения. И мы отдаем себе отчет в том, что в разное время разные общества концентрируют усилия на развитии разных сфер производства. Так же происходит и сейчас. Но в настоящее время очевидно, что избирательность развития обусловлена не общественными интересами, а частными интересами ведущей в технологический тупик системой отношений, основанной на извлечении прибыли.

Но самой уязвимой при использовании ИТ сферой является, на наш взгляд, безопасность — в непосредственном материальном смысле. Тотальная цифровизация в критически важных сферах жизнедеятельности может создать исключительно высокие риски, будь то управление транспортной инфраструктурой или системами жизнеобеспечения мегаполисов. Эти риски приводят к катастрофам. Так,

29 октября 2018 г. пассажирский самолет Boeing 737 MAX разбился в Индонезии (погибли 189 человек), а 10 марта 2019 г. — точно такой же в Эфиопии (погибли 157 человек). Причиной трагедий было программное обеспечение системы MCAS [3]. 28 апреля 2025 г. в крупнейших городах Испании была отключена электроэнергия, не работал интернет, мобильная связь и все, работающее на электричестве. Через 4 недели, 20 мая 2025 г., все повторилось, перестала работать и служба экстренной помощи 112. Как сообщала LBC, проблема коснулась всех основных операторов: Movistar, Orange, Vodafone, Digimobil и O2. Причина — неудачное обновление сети от Telefónica, телеком-монополиста Испании. Убытки превысили 1 млрд евро [4].

В этих случаях по общему правилу субъектом ответственности является то юридическое лицо, которое разработало программный продукт, приведший к катастрофе. Но данная ситуация ставит перед нами вопрос: а разве непосредственные создатели программ, от которых зависят благополучие и сама жизнь огромного количества людей, не должны быть обязаны каким-то особым контролем, лицензиями, классным уровнем, специальным допуском и т. п. к такого рода работе, помимо общих испытаний и внутрикорпоративных требований? Но каким конкретно образом следует удостоверить надлежащую компетентность создателей программ особой ответственности (назовем это так), могут понимать только сами программисты. Ибо специфика этой динамично развивающейся сферы никак не сочетается с жестко зафиксированными статусами государственной регистрации, хотя бы и временными. Тема традиционно сводится к некомпетентности, преступной халатности и т. п. И если это, опять же традиционно, уголовно наказуемо, то должна быть уголовная ответственность за это и в отношении создателей ИТ.

В настоящее время, в силу неизвестности путей развития и результатов действия ИТ, власть разумно пошла по пути временного правового регулирования этой сферы. Сейчас действует федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [14].

Тема преступности в сравнении с этим предельно очевидна. С помощью ИТ открыта ее новая эра. В силу изначального отсутствия правового регулирования и хронического отставания права от развития ИТ, а больше того — вследствие недостаточных технических возможностей — использование ИТ создает новые, прямо-таки

тепличные возможности для совершения преступлений. Одним из самых показательных примеров непредусмотрительности, отсутствия критического предвидения является, на наш взгляд, использование ИТ в телефонной связи. Оно создало широчайшие возможности для мошенничества невиданного прежде масштаба. Эти возможности следовало предвидеть уже на стадии разработки соответствующих программ. Следовало предусмотреть и разработать узко направленный функционал, исключающий преступное использование.

Киберпреступность нарастает лавинообразно как в форме увеличения разнообразия, так и количественно, и качественно. Никакой краткий обзор даже в общем не может дать обобщенного представления об этом. Это не только взлом аккаунтов и кража личных данных, с помощью которых злоумышленники крадут деньги с банковских счетов, и телефонные мошенничества. Это еще и многообразные варианты подмены в средствах коммуникации, начиная от так называемого спуфинга³ до воспроизведения чужого голоса и внешности, — фактически полная подмена образа личности человека. Это открывает широчайшие возможности для самой многообразной преступной деятельности. И теперь никто не может быть абсолютно уверен в том, с кем он имеет дело посредством того или иного мессенджера. Доверяя виртуальному миру, мы попадаем в полную зависимость от его создателей. Не будучи специалистом в деле управления, мы можем только предполагать, что его цифровизация создает широчайшие возможности для вредительства и злоупотреблений.

И не только правоохранительная система вместе с законодательством отстают от скорости развития и роста киберпреступности, вечно догоняющими являются и технические средства борьбы с нею. Они являются нам в виде новых служб и структур, в виде работы программистов, в виде примитивных мер в банковской системе и банальных рекомендаций гражданам. Все это само по себе может бесконечно нагромождаться одно на другое безо всякого практического смысла, потому что они всегда реагируют после события, никогда не действуют на упреждение и лишены возможности ликвидировать исходные возможности киберпреступности. Поэтому не только сама

³ Спуфинг — подмена сайта, URL адреса (единый указатель ресурса — единообразный определитель местонахождения ресурса в интернете, его адрес), адреса электронной почты, номера телефона и др.

киберпреступность, но даже простой количественный рост средств борьбы с ней могут вообще парализовать всякую деятельность, в которой задействованы ИТ. И тогда нормальная жизнедеятельность останется только там, где их не будет.

А если и когда ИТ и ИИ охватят все управление, проектирование и производство в пределах самодостаточных экономических систем (будь то страна-государство или их объединение), общество попадет в абсолютную зависимость от этих технологий. От них нельзя будет отказаться, а развивать технологии под их управлением невозможно. Это технологический тупик.

В частной жизни ИТ — это, в первую очередь, интернет. Его виртуальный мир стал своего рода символом глобализации и сферой, казалось бы, абсолютной свободы по причине своей нематериальности, анонимности пользователей и отсутствия ответственности. (Зависимость, принуждение и другие формы несвободы виртуального мира — тема отдельная.) Виртуальная свобода и отсутствие традиционных материальных ограничений создают ощущение абсолютной вседозволенности. (Безнаказанность — праздник подонка.) Поэтому в виртуальной сфере множится разнообразный токсичный контент, разбирать содержание которого здесь нет возможности. Интернет стал эффективным проводником технологий манипулирования сознанием в куда большей степени, чем традиционные СМИ, телевидение, кино или книги. Поведение людей направляется беспрепятственно кем угодно и в каких угодно целях, от рекламы до вражеской пропаганды, а с недавнего времени и для организации диверсий. Получающийся результат называют новой моделью человека — Homo Digital [9, 118—141]. Думаем, этот термин забудется так же, как все прочие наименования, типа homo economicus. Потому что вот уже примерно 200 000 лет существования современного человека все процессы его изменения выражаются исключительно в расогенезе.

Критическая оценка практического применения ИТ сводится к следующему: никакого «светлого цифрового будущего» не будет, эффективность и возможности ИТ и ИИ недостаточны для того, чтобы решать задачи на качественно более высоком уровне — они только упрощают работу экстенсивными методами.

На качественно новый уровень ИТ и ИИ вывели преступность. И сегодня вместо мнимого цифрового рая в перспективе видится бо-

лее реальным цифровой ад. Это примерно соответствует историческому опыту применения технологий и средств, которые общество не успело или не смогло заключить в формат. Все новоизобретенные технологии и средства если не отвергаются, то канализируются обществом в безопасное и полезное русло. Постепенно это происходит и с ИТ.

Следует ограничить области и формы применения ИТ. Соответствующие программы должны уже на стадии разработки исключать нецелевое, преступное использование. Надо сделать сферу создания и применения ИТ легальной и прозрачной методами самих же ИТ. Если киберпреступность всемогуща вследствие недостижимости своих творцов, их надо сделать такими же заметными, как людей на улице, только в цифровой среде.

Это возможно не только с помощью известной технология блокчейна. Может быть, можно создать своего рода цифровое клеймо-паспорт со всеми данными автора цифрового продукта и неотделимого от его личности, по которым он верифицируется и без наличия которого было бы невозможно его использование, а заодно и деятельность автора. Так, вместо того чтобы создавать «цифровой концлагерь» для людей, следует вывести из тени производителей ИТ и таким образом обязать их юридически отвечать за свою деятельность, по меньшей мере на равных с остальными.

Таким или иным путем будущее ИТ со всеми его производными видится нам вполне традиционным. Но одна только практика применения и культура не смогут спонтанно отобрать из ИТ полезное и сохранить его, задать формат использования, как они это делали со всеми новыми технологиями. Необходима государственная воля.

Литература

1. Абитуриенты, студенты и преподаватели вузов получают быстрые и точные ответы благодаря GigaChat // СберПресс: URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=e62ea288-4d62-4664-9701-e710a4fe760e&blockID=1303®ionID=77&lang=ru&type=NEWS> (дата обращения: 08.06.2025).

2. Амурская М.А., Куликов А.М., Вэнь Чжан. Система социального кредита в Китае и ее роль в социально-экономическом развитии страны // Экономические науки. 2023. № 4 (221). С. 432—436. DOI: 10.14451/1.221.432.

3. В Boeing признали ошибку в программном обеспечении 737 MAX // Первый канал: URL: https://www.1tv.ru/news/2019-04-05/363136-v_boeing_priznali_oshibku_v_programmnom_obespechenii_737_max; (дата обращения: 08.06.2025).

4. В Испании снова блэкаут: связь, Интернет и свет — всё легло // Подolyaka.ru последние новости и сводки: URL: <https://podolyaka.ru/v-ispanii-snova-blekaut-svyaz-internet-i-svet-vsyoleglo/> (дата обращения: 08.06.2025).

5. Интернет в образовании: Специализированный учебный курс. М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2006. 247 с.

6. Информатика // Большой энциклопедический словарь: URL: <https://gufo.me/dict/bes/ИНФОРМАТИКА> (дата обращения: 08.06.2025).

7. Информатика // Философская энциклопедия // Академик: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2375/ИНФОРМАТИКА (дата обращения: 08.06.2025).

8. Климова Е.К., Чернышева Т.Е., Миронов А.С. Образовательная политика в постсоветской России // Вопросы политической экономики. 2022. № 4 (32). С. 178—195. DOI:10.5281/zenodo.7522163.

9. Кожуховская А.А. Кто такой «Хомо Диджитал»? // Философия хозяйства. 2024. № 4. С. 118—141. DOI: 10.5281/zenodo.12188645.

10. Отдел занятости и социальных программ города Сарани // Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов: URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/social-saran/press/news/details/554820?lang=ru>. (дата обращения: 08.06.2025).

11. Откровения Грефа на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге // Яндекс Видео: <https://yandex.ru/video/preview/9745962191339818811> (дата обращения: 08.06.2025).

12. Павлов М.Ю. Выбор будущего российской экономической модели: между мальтузианством, реиндустриализацией и цифровизацией // Вопросы политической экономики. 2023. № 3 (35). С. 87—95. DOI:10.5281/zenodo.8320013.

13. Путин призвал не создавать «цифровой забор» между людьми и властями // РИА Новости: URL: <https://ria.ru/20250421/putin-2012588776.html> (дата обращения: 08.06.2025).

14. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 258-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 08.06.2025).

References

1. Abiturienty, studenty i prepodavateli vuzov poluchat bystrye i tochnye otvety blagodarya GigaChat // SberPress: URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?newsID=e62ea288-4d62-4664-9701-e710a4fe760e&blockID=1303@ionID=77&lang=ru&type=NEWS> (data obrashcheniya: 08.06.2025).

2. Amurskaya M.A., Kulikov A.M., Ven' CHzhan. Sistema social'nogo kredita v Kitae i ee rol' v social'no-ekonomicheskom razvitii strany // Ekonomicheskie nauki. 2023. № 4 (221). S. 432—436. DOI: 10.14451/1.221.432.

3. V Boeing priznali oshibku v programmnom obespechenii 737 MAX // Pervyj kanal: URL: <https://www.1tv.ru/news/2019-04-05/363136-v-boeing-priznali-oshibku-v-programmnom-obespechenii-737-max>; (data obrashcheniya: 08.06.2025).

4. V Ispanii snova blekaut: svyaz', Internet i svet — vsyo leglo // Podolyaka.ru poslednie novosti i svodki: URL: <https://podolyaka.ru/v-ispanii-snova-blekaut-svyaz-internet-i-svet-vsyo-leglo/> (data obrashcheniya: 08.06.2025).

5. Internet v obrazovanii: Specializirovannyj uchebnyj kurs. M.: Institut YUNESKO po informacionnym tekhnologiyam v obrazovanii, 2006. 247 s.

6. Informatika // Bol'shoj enciklopedicheskij slovar': URL: <https://gufo.me/dict/bes/INFORMATIKA> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
7. Informatika // Filosofskaya enciklopediya // Akademik: URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2375/INFORMATIKA (data obrashcheniya: 08.06.2025).
8. Klimova E.K., Chernysheva T.E., Mironov A.S. Obrazovatel'naya politika v postsovetskoj Rossii // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2022. № 4 (32). S. 178—195. DOI:10.5281/zenodo.7522163.
9. Kozhuhovskaya A.A. Kto takoj «Homo Didzhital»? // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 4. S. 118—141. DOI: 10.5281/zenodo.12188645.
10. Otdel zanyatosti i social'nyh programm goroda Sarani // Edinaya platforma internet-resursov gosudarstvennyh organov: URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/social-saran/press/news/details/554820?lang=ru>. (data obrashcheniya: 08.06.2025).
11. Otkroveniye Grefa na Mezhdunarodnom ekonomicheskom forume v Sankt-Peterburge // YAndeks Video: <https://yandex.ru/video/preview/9745962191339818811> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
12. Pavlov M.YU. Vybory budushchego rossijskoj ekonomicheskoi modeli: mezhdymal'tuzianstvom, reindustrializaciej i cifrovizaciej // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2023. № 3 (35). S. 87—95. DOI:10.5281/zenodo.8320013.
13. Putin prizval ne sozdavat' «cifrovoj zabor» mezhdymlyud'mi i vlastyami // RIA Novosti: URL: <https://ria.ru/20250421/putin-2012588776.html> (data obrashcheniya: 08.06.2025).
14. Federal'nyj zakon «Ob eksperimental'nyh pravovyh rezhimah v sfere cifrovyyh innovacij v Rossijskoj Federacii» ot 31.07.2020 N 258-FZ (poslednyaya redakciya) // Konsul'tantPlyus: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (data obrashcheniya: 08.06.2025).

V

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ, И.П. СМЕРНОВ

«Тернистый путь к знанию» У.Ж. Алиева*

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на автобиографический очерк казахстанского экономиста и ученого У.Ж. Алиева и делает акцент на эпистемологической связи научного творчества автора с тем, что было им до сегодняшнего дня пережито.

Ключевые слова: У.Ж. Алиев, эпистемология, ученическая автобиография, предмет ведения.

Abstract. The article is a review of an autobiographical essay by Kazakh economist and scientist U.Zh. Aliev and focuses on the epistemological connection of the author's scientific work with what he has experienced to this day.

Keywords: U.Zh. Aliyev, epistemology, scholarly autobiography, subject studies.

УДК 16; 82.4
ББК 87.2

Научные или, лучше сказать, ученические автобиографии, мемуары ученых представляют собой самостоятельный и нестандартный научный жанр. Есть среди них такие, которые, помимо личности мемуариста, сосредоточены на описании времени и событий: таковы воспоминания Д.С. Лихачева или записанные с диктофона итоговые размышления А.Я. Гуревича. Существуют другие автобиографии, подчеркнуто пропедевтического толка, занятые документально точным перечислением прослушанных лекций и прочитанных монографий, как, например, воспоминания М.М. Богословского. Их чтение увлекает проникновением в «творческую лабораторию» ученого,

*Рецензия на: Алиев У.Ж. Тернистый путь к знанию. Астана: Изд. университета «Туран-Астана», 2024. 163 с.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Смирнов И.П. «Тернистый путь к знанию» У.Ж. Алиева // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 253—255. DOI: 10.5281/zenodo.15698516.

раскрывая непосредственно «пошаговую» механику проделанного им мыслительного пути. Книга У.Ж. Алиева «Тернистый путь к знанию» являет образец удачного соединения, сплава двух названных начал. И сверх того содержит непередаваемый восточный колорит, по-своему близкий русскому человеку и неизменно им ценимый: страницы очерка переполнены не названиями книг (им тоже воздастся должное), а именами людей, которые встречались на пути автора и по-разному влияли на его интеллектуальную траекторию.

Урак Жолмурзаевич предстает в автобиографии не столько как экономист, сколько как науковед и эпистемолог, но, в первую очередь, как восточный мудрец, богатый и житейским, и жизненным, в широком смысле, опытом. Нисколько не удивляет, что становление ученого происходило через разного рода преодоления — как обстоятельств, так и себя. Болезненный ребенок из аула в казахстанской глубинке; школьник, бродящий по библиотеке и не понимающий титулов на корешках книг, поскольку не вполне владеет русским языком; командир танка («броня не любит слабых мускулов») и обремененный учеными регалиями профессор, автор 350 научных трудов, организатор науки — один и тот же человек, научившийся обращать минусы в плюсы, философски рассуждающий на эту тему и приводящий один из афоризмов Д. Карнеги: «Если тебе достался лимон, выжми из него лимонад».

Труды У.Ж. Алиева публикуются в Казахстане, России, Белоруссии, на Украине и даже в далекой от нас (в ментальном плане) Турции. Он, безусловно, убежденный евразиец. Неслучайно среди его многочисленных заслуг звание академика Международной гуманитарной академии «Европа—Азия» и медаль имени Л.Н. Гумилева, а научные работы посвящены актуальным общественным проблемам — «модернизации» — и Казахстана, и России. Теоретические взгляды У.Ж. Алиева отличаются основательностью и тщательной проработкой оригинальных идей, в их фундаменте лежат работоспособность и трудолюбие, что и отражает автобиографический очерк. Характерно, что дружеский кружок, оказавший влияние на эволюцию У.Ж. Алиева в юности, получил от известного в Казахстане поэта Рустема Жанаева прозвище «немцы» — именно за «скрупулезность и пунктуальность».

Эти качества мышления определяют научную деятельность профессора, обуславливают сделанный им вклад в науковедение и эпистемологию. Наиболее важными представляются его разработки в предметоведении, поскольку эта сфера знания в наши дни пренебрегается многими учеными. Специалисты, с одной стороны, все более узко «специализируются», с другой стороны, размывают предмет, своеобразие которого лежит в основе любой научной дисциплины; все чаще идентифицируют себя не по предмету, а по взятому на вооружение методу, который они готовы универсально применять к любому предмету. Таким образом, причины и следствия фактически меняются местами. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением У.Ж. Алиева: «Культура предметного мышления человека характеризуется тем, насколько он знает и понимает историю, теорию и методологию предмета своего исследования». Формула в полной мере относится, в частности, к экономической науке, поэтому не может не вызывать сочувствия постановка проблемы в монографии У.Ж. Алиева «Предмет и метод теоретической экономики (Основы предметоведения)», в которой автор говорит об их «противоречивом единстве».

Однако не только «скрупулезностью и пунктуальностью» отличается авторский стиль мемуариста, но и особым, живым вниманием к творчеству. Вот одно из, на первый взгляд, парадоксальных, но весьма глубоких и остроумных наблюдений, облаченное им в форму «закона творчества»: «Творческая способность человека обратно пропорциональна его эрудиции». Думается, у сформулировавшего закон автора значение этой дроби стремится к единице. Мы рады видеть У.Ж. Алиева среди деятельных участников не менее творческого сообщества, объединяемого Академией философии хозяйства и одноименным журналом.

Ю.М. ОСИПОВ

Наши пишут!

(о новых книгах от наших)*

Аннотация. Представлен отклик на новые книги профессоров Московского университета, действительных членов Академии философии хозяйства — учебное пособие д.хим.н. Л.А. Асланова «Цивилизации. Междисциплинарный анализ» и монографию д.филос.н. Ф.И. Гиренка «Ценности и смыслы в галлюцинозе русского сознания».

Ключевые слова: иное, цивилизации, междисциплинарный анализ, сознание, смыслы, ценности, галлюциноз.

Abstract. The article presents a response to new books by professors of Moscow University, the members of Academy of Philosophy of Economy: a textbook by Doctor of Chemistry L.A. Aslanov «Civilizations. Interdisciplinary Analysis» and a monograph by Doctor of Philosophy F.I. Girenok «Values and Meanings in hallucinosis of Russian Consciousness».

Keywords: the Other, civilizations, interdisciplinary analysis, consciousness, meanings, values, hallucinosis.

УДК 101; 316
ББК 87.5; 87.6

Кто они, эти «наши»? Разумеется, коллеги, все доктора наук и профессора из ближнего размыслительного круга, все из МГУ, даже и действительные члены нашей общей ученой академии.

В общем, товарищи-друзья, однако это не всё, еще и «друзья-мальчиши», а все потому, что мыслят и пишут они на потребу...

*Отклик на: Асланов Л.А. Цивилизации. Междисциплинарный анализ: Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2025. 288 с.; Гиренок Ф.И. Ценности и смыслы в галлюцинозе русского сознания: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. 464 с.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Наши пишут! (о новых книгах от наших) // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 256—261. DOI: 10.5281/zenodo.15698548.

э-эх... знать бы!.. мало, что самим себе, так ведь еще и... назовем это «Х» (иксом), то бишь какой-то Неизвестности и чего-то Иного (можно и наоборот)... да так мыслят и пишут, что попробуй-ка, собрав ум свой в кучку, отрецензировать любую из книг с присущим ученой братии глубокомыслием.

Здесь не рецензировать надо, а попросту брать книгу и... нет, не просто читать ее, ибо с такой книгой, которая при этом и писание, и послание, и загадка, пусть, может, не из сакральных текстов, но, знаете ли, явно не из рядовых, отчего брать надо книгу и... общаться с нею, раздумывая над каждой ее строчкой.

Речь сейчас о двух книгах двух моих «друзей»-авторов: химика Леонида Александровича Асланова с егоopusом «Цивилизации. Междисциплинарный анализ» (М., 2025), а также философа Федора Ивановича Гиренка с его творением «Ценности и смыслы в галлюцинозе русского сознания» (М., 2024).

Выше уже было замечено, что безусловно объединяет эти совершенно разные книги, а именно не что иное, как заход авторов в Неизвестность вкупе с Иным, разумеется, это по моему частному мнению, хотя первый, будучи естественником, стремится если не к точной правильности выхода из своего небезрискового захода в тайну, немало и в неправильность, но явно со стремлением к чему-то ей подобному, то второй, уже чистый гуманитарий, волен обходиться где-то засевшей в бытийно-небытийных нетях неправильностью ровно так, как она сама обходится с ним и ему подобными гуманитариями... э-э... вполне произвольно, можно сказать, что незнамо как, как-то по-своему, по-неизвестному.

А теперь слово самим авторам, благо пусть сами за себя и отвечают.

Берем книгу Асланова, посвященную не химии вовсе, а цивилизациям, и ничтоже сумняшеся вытаскиваем из нее разъяснительный кусок, аккурат из конца книги под названием «Заключение».

«Цивилизация есть результат самоорганизации людей. Она служит самосохранению их социума. Цивилизация есть информация, управляющая, согласно утверждениям кибернетики, поведением человека ради достижения цели — самосохранения в составе социума. Цивилизация есть совокупность наследуемой и приобретенной информации. Носителями наследуемой и приобретенной информации

являются геном, эпигеномы и нейродинамические сети нейронов соответственно. Иными словами, в управлении поведением человека принимают участие, будучи информацией, культура и менталитет, т. е. обе составные части локальной цивилизации. Локальные цивилизации имеют информационную сущность. Аттрактором любой цивилизации является замкнутый цикл, образованный культурой и менталитетом.

Человек биологически эволюционирует гораздо медленнее, чем растет объем знаний и технологий. По мнению биологов, умственные способности современного человека мало отличаются от способностей тех людей, которые жили в начале существующих цивилизаций, среди которых китайская или индийская наиболее древние. Весь период существования цивилизаций отмечен борьбой людей за самосохранение посредством создания и совершенствования социальной структуры, обеспечивающей социумам наилучшие условия существования. Дальнейший прогресс возможен преимущественно посредством социальной организации, и то общество, которое создаст наилучшие условия для благотворных контактов между людьми ради их самосохранения, окажется конкурентно способнее» [1, 284].

А вот с Ф.И. Гиренком и его книгой поступим иначе: возьмем кусок из начала книги под названием «Предисловие».

«О чем эта книга? О русской философии, о России. Я понимаю ее (книгу) как продолжение ранее начатого мной разговора в “Патологии русского ума и картографии дословности”. Но есть одна проблема, которую когда-то сформулировал Гуссерль и которую приходится сейчас решать. В 1986 году журнал “Вопросы философии” опубликовал доклад Гуссерля под названием “Кризис европейского человечества и философия”. Этот доклад он сделал в Вене в 1935 году. На какой вопрос попытался ответить Гуссерль в этом докладе? На вопрос: в чем состоит сущность ядра Европы? На взгляд феноменолога, это ядро определяется рождением “европейского мира” из духа философии. Сам же этот дух состоит в “исторической телеологии бесконечной цели разума”. Если все это перевести на русский язык, то мысль Гуссерля состояла в следующем. У человека есть, по крайней мере, два состояния. Одно из них является естественным, другое — историческим. В первом он папуас, ибо у него

нет философии, а во втором — он европеец, ибо у него есть философия. Более того, философия — это не что иное, как универсальная форма европейской культуры. Европейской, но не русской или индийской. Поэтому всякий раз, когда заходит речь о философии, нам, с точки зрения Гуссерля, приходится решать один и тот же вопрос: мы папуасы, у которых нет философии, или мы папуасы, которые придумали свою философию и назвали ее русской? Решение этой проблемы состоит в следующем. Философия уже в XX веке перестала быть универсальной формой культуры Европы. Она стала универсальной формой самостояния любого человека в мышлении. Для того чтобы самому стоять в мышлении, русскому человеку нужно уяснить себе сущность духовного ядра России. Европейское человечество полагает, что в его основе лежит такой взрыв галлюцинаций, который оно называет духом философии. Европейское человечество возникло в осевое время из духа универсального разума. А вот, например, индийская культура возникает из духа семьи, из галлюциноза родственных отношений. Мы, русские, возникаем не из духа философии и не из духа семьи. Мы рождены из грез крестьянского обществения. Кризис в России — это кризис крестьянской цивилизации. Итак, о чем моя книга? О галлюцинозе и русском сознании. Хотя мир состоит из тел, галлюциноз состоит не из тел. Он состоит из ценностей и смыслов, из образов и заготовок для них. Одни философы преувеличивают роль материи в жизни человека, другие преувеличивают роль сознания. Книга обращает внимание на галлюцинации. Это и не материя, и не сознание. Человек — это точка, в которой мир не может отличить себя от галлюцинации, а человек — отличить себя от своего “я”. В галлюцинации бытие совпадает с мыслью о бытии. В момент тождества мир показывает себя таким, какой он есть. Но об этом мире сказать ничего нельзя. Его можно только увидеть. Чем больше мы о нем говорим, тем меньше мы его понимаем. Галлюциноз — это почва сознания. В нем у человека формируется чувство самого себя, чувство времени, чувство реальности, ощущение присутствия Бога. В галлюцинозе отношение к природе опосредовано отношением человека к самому себе. В нем мы впервые отделяем себя от природы. Посредством сознания человек воздействует на себя, учреждая образы желанного и нежеланного. Ставит цели, учится навигации во времени, пытается понять различие между добром и злом, безобразным и прекрасным. В галлюцинозе все связано со всем,

сущее связано с не-сущим. В биоценозе все отношения — это отношения в природе. В галлюценозе — это отношения к объектам своих мыслей и чувств. Природа — это только наша часть. Сознание отделяет сущее от не-сущего и наделяет смыслами бессмысленное. Галлюценоз чувствует и предчувствует. Сознание говорит и договаривает, понимает сказанное и пытается уловить сверх сказанного. Между сознанием и галлюценозом могут возникнуть разные отношения. Галлюценоз один — сознание может быть разное. Сознание одно — галлюценозы могут быть разные. Знания и убеждения, вера и суеверие, рассудок и предрассудки, чувство и предчувствия образуют различные фигуры связей между галлюценозом и сознанием.

Попытка человека рассказать о том, какой есть мир сам по себе, составляет коллективный внутренний мир человека. Общая галлюцинация дает нам знания, но лишает нас очевидности. В стремлении к знанию человек лишает себя очевидного. В стремлении к очевидному он лишает себя сознания. Преодоление разрыва между знанием и очевидным ведет нас к художественным галлюцинациям, к воображаемому, в котором вещи узнаются раньше, чем человек встретится с ними в своей жизни. В воображаемом ум обнаруживает свое родство с безумием.

Эта книга об уме и безумии, о ценностях и смыслах. Если она об уме, то почему в ней ум называется софийным, а не логическим? Если она о человеке, то почему человек называется безумным? Ведь принято считать, что в мире есть Логос, а человек — существо разумное. Все дело в том, что человек существует в мире, который он может обжить. А обжить можно конечное, а не бесконечное. Бесконечное можно помыслить, но в нем не живут. Разве не об этом нам рассказывал Достоевский в “Сне смешного человека”? Если мир един, то он логичен. Если мир сингулярный, то в нем есть разрыв между мыслью и бытием. Вообще-то природа не делает скачков. В ней многое можно получить логически однородными преобразованиями. Многое, но не все. И этому замкнутому на себя миру нужна София-посредница. Для чего? Для того чтобы преодолевать разрывы, перепрыгивать через невозможное посредством абсурда. Например, природа не грезит, а человек грезит. Это фундаментальный разрыв в универсуме сущего. Убрать его — не будет человека. Оставить — означает обречь человека на слепоту, на безумие. Ум вообще предвзряет работа по преодолению безумия человека. Иными словами,

мысль о разумности человека ошибочна: человек — мыслящее существо, но неразумное. Чем более мы разумны, тем менее мы способны к мысли. В галлюцинозе сказок мы узнаем о том, что единственным свойством сознания является придание смысла бессмысленному. Сказки лишают человека сущности, и поэтому ему ничего не остается, как заполнять зияющую пустоту бытия смыслами.

Исследование духовного ядра России в книге начинается с софиологии и анализа идей критиков философии всеединства. Затем тема ума и безумия уводит нас в русскую философию и литературу. Русские сказки замыкают телеологию мира на себя. Завершается путешествие по русскому сознанию галлюцинозом войны и мира, лада и распри. В нем рассказывается о смысловых галлюцинациях и зеркальных свойствах любых ценностей, учрежденных человеком» [2, 7—10].

Для чего все это нами проделано? Да всего лишь чтоб знали, читали и думали, господа хорошие, товарищи дорогие. И становились хоть на йоту ментально *иными*, не совсем такими, как «щас»!, не столь уж и правильными.

Не реклама тут, не пропаганда, даже не левитановского пошиба воззвание из «Совинформбюро», а всего лишь оповещение: все у нас, господа-товарищи, есть, у русских-то, разве усидчивости за книгой-писанием ныне не хватает, особенно явившейся от *своих* же, от ближних!

Литература

1. Асланов Л.А. Цивилизации. Междисциплинарный анализ: Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2025. 288 с.
2. Гиренок Ф.И. Ценности и смыслы в галлюцинозе русского сознания: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. 464 с.

Referensec

1. Aslanov L.A. Civilizacii. Mezhdisciplinarnyj analiz: Uchebnoe posobie. M.: MAK S Press, 2025. 288 s.
2. Girenok F.I. Cennosti i smysly v gallyucenoze russkogo soznaniya: Monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2025. 464 s.

Я.Д. ЯКОВЛЕВ

О планетарном эволюционизме Н.Б. Шулевского*

Аннотация. Материал посвящен монографии Н.Б. Шулевского «Планетарный эволюционизм», в которой всесторонне раскрывается теория планетарного эволюционизма — от истоков до переложения ее на окружающую нас действительность. Теория выдвигает концептуально новый тезис о способности Земли к эволюции и ее активному воздействию на человечество. Принимая такое утверждение, мы обрекаем себя на неминуемое переосмысление всего предшествующего исторического процесса. Однако прежде чем его осуществлять, необходимо вникнуть в суть планетарного эволюционизма, что и позволяет сделать труд Н.Б. Шулевского.

Ключевые слова: планетарный эволюционизм, Н.Б. Шулевский, Земля, прогресс, эволюция, законы эволюции.

Abstract. The article gives a brief review of N.B. Shulevski monograph «The Planetary evolutionism». The study reveals the theory of the planetary evolutionism and thoroughly analyses it. The theory offers qualitatively new thesis of the Earth's ability to evolve and directly affect humanity. By accepting this statement we make ourselves obliged to conduct reassessment of the whole historic process. However, firstly we have to get to the bottom of the theory of planetary evolutionism. N.B. Shulevski's work enables us to do it.

Keywords: planetary evolutionism, N.B. Shulevski, Earth, progress, evolution, laws of evolution.

УДК 101
ББК 87

*Рецензия на книгу: Шулевский Н.Б. Планетарный эволюционизм. М.: Зерцало-М, 2015. 400 с.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Яковлев Я.Д. О планетарном эволюционизме Н.Б. Шулевского // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 262—267. DOI: 10.5281/zenodo.15698561.

Рецензию на монографию Н.Б. Шулевского стоит начать с общей характеристики. Работа посвящена концепции планетарного эволюционизма (говоря кратко, концепции того, что Земля, равно как и человек, является субъектом своего развития и динамики — т. е. эволюции — и эволюционирует независимо или даже вопреки воле людей). Для неподготовленного читателя, не знакомого ни с терминами «диалектика» и «метафизика», ни с доктринами дарвинизма и христианства, будет довольно непросто разобраться в теме исследования, поэтому рекомендуется получить некий историко-философский «бэкграунд» перед прочтением работы. Тем не менее сам авторский стиль довольно понятен, изложение подробно и даже обладает метафоричными иллюстрациями из современной жизни (в качестве примера можно привести описание парадоксов «Ахилл» и «Лжец»), которые позволяют читателю лучше понять суть рассуждений и выводов автора. В тексте значительно помогают ориентироваться различные средства выделения главных мыслей — полужирный шрифт, крупные буквы и курсив. Без них неподготовленному читателю можно было бы легко потеряться в авторских размышлениях.

В первой части своей работы «Предыстория планетарного эволюционизма» Н.Б. Шулевский приводит подробный анализ происхождения концепции планетарного эволюционизма. Причем в первой главе даются общие толкования философских понятий (например, парадигмы), которыми автор оперирует позднее, что облегчает восприятие и усвоение материала. Во второй главе дается исчерпывающая характеристика различных видов эволюционизма (микро-, макро-, глобального, планетарного, универсального). Она вносит ясность в объект исследования. В третьей главе дается подробное толкование понятия «судьба». Далее Н.Б. Шулевский устанавливает схожесть «судьбы» и «экономики» и критикует вектор развития последней. Однако довольно трудно согласиться с утверждением автора, что экономика и судьба схожи по природе — все-таки экономика — дело рук человека, и человек может ею управлять: перейти от рыночной к плановой или наоборот, девальвировать курс денежной единицы, привязать ее к золоту или отказаться от золотого стандарта. «Рычагов давления» на судьбу же у человека нет: различные ритуальные, религиозные практики основаны на пустой вере в то, чего

человек не может познать до конца (например, на вере в бога). Влияние же человека на экономику очевидно. Поэтому предположу, что сравнивать судьбу с экономикой не слишком правомерно: первая находится над человеком, вторая — под ним.

В четвертой главе автор задается вопросами: «Куда идет эволюция? Кто ее ведет?». Ответить на них помогает концепция планетарного эволюционизма. Любопытен вывод: мы поклоняемся прогрессу, а тот ведет нас к гибели. Это действительно так. Примеры можно почерпнуть из истории: в развитой Античности в сражениях гибли тысячи воинов, с приходом же «варварского» Средневековья (т. е. с отступлением прогресса) войны стали вестись горстками профессиональных воинов — жертв стало меньше. Более близкий пример — Первая и Вторая мировые войны. Чем выше прогресс, тем выше число жертв. Однако значит ли это, что прогресс ведет нас к гибели? Здесь стоит полностью согласиться с выводом Н.Б. Шулевского, что прогресс технический обязательно должен сопровождаться прогрессом этическим, моральным. Лишь духовно развитые люди могут держать под контролем необузданные процессы технологического развития. В заключительных главах первой части исследуются истоки планетарного эволюционизма, связанные с древнегреческой и христианской мифологией.

Вторая часть «Планетарного эволюционизма» представляет из себя смысловое ядро всего исследования, его основную часть. К сожалению, она очень трудна для восприятия неподготовленными умами, не только незнакомыми с другими работами Н.Б. Шулевского, но и не оперирующими серьезными философскими понятиями. Кроме того, подробный разбор второй части монографии был бы настолько объемным, что его не представляется возможным поместить в рамки текущего материала. Поэтому приводимая ниже характеристика будет весьма краткой и лапидарной.

Автор выводит четыре содержательно-смысловых измерения планетарного эволюционизма Земли — вертикальное, горизонтальное, диагональное и элементное. В вертикальном измерении Н.Б. Шулевский выводит «составляющие» эволюции: взаимодействие, движение, становление, развитие. Особый интерес вызывает оригинальная авторская концепция «незримой голубой диктатуры». В рамках ее раскрытия Н.Б. Шулевский справедливо указывает на то,

что сознание Запада существует тогда, когда существует его идеологический враг. До относительно недавнего времени им был СССР, с распадом которого Запад также погрузился в катастрофическую неопределенность и безумие. В связи с этими рассуждениями возникает ряд вопросов: что поддерживало сознание советских людей; был ли это идеологический враг в виде Запада; повторил ли бы СССР судьбу США, сложись ситуация наоборот (победи СССР в холодной войне), или советский человек оставался в здравом уме и без внешнего врага? Ответы на эти вопросы выходили бы за рамки приводимой авторской концепции, однако услышать их было бы в высшей степени любопытно.

Далее выводятся законы эволюции: мера (баланс), единоречие (гармонизация противоречий), познание противоречий по схеме «противоречие — проблема — задача — вопрос», творчество. Довольно любопытна теория автора о «тайном суде Земли». Например, Н.Б. Шулевский называет экологические проблемы приговором человечеству за действия, «несовместимые с биосферой и сакральностью Земли». Интересно, что в следующем параграфе «Творение и творчество в планетарном эволюционизме» автор пишет следующее: «Теория эволюции подтверждает во многом правоту православия. Она признает, что мир до человека развивался, а после человеческих проделок утратил эту способность, и новые виды теперь не возникают, а исчезают даже старые и бывалые виды» [1]. Однако не само ли христианство (в лице православия, к примеру) стало катализатором или даже причиной этих «проделок»? Этих «несовместимых с биосферой и сакральностью Земли» действий? Христиане вырубали священные языческие рощи, основывали скиты и монастыри в удаленных местах, обживая их, подстраивая под свой быт. Даже убийство язычников — это ведь тоже нарушение биосферы. Не выходит ли, что Земля наказывает нас в том числе и за христианство? Выступает в роли некоей третьей силы?

В следующей главе, посвященной горизонтали планетарного эволюционизма, автор поясняет, что горизонтальными единицами измерения эволюции являются различные формы динамики, и выводит законы горизонтального развития: восхождение от простого к сложному (усложнение целостности, парадигмы, а не простой линей-

ный рост); рост многообразия качеств, форм, законов (создание нового, но и сохранение старого); углубление реальности в самое себя (рефлексия и раскрытие внутреннего потенциала); метаморфозы реальности (резкие качественные изменения, а не плавное перетекание); вечное повторение и возвращение (цикличность); кризис и самосуд реальности над собой (целостность старается уничтожить дисбаланс); преображение мира, человека, разума, экономики; творчество новых видов развития (творчество самого развития).

Далее анализируется логосная диагональ эволюции. Согласно автору, для появления планетарного эволюционизма нужны определенные условия и предпосылки, т. е. данная концепция подчиняется причинно-следственным связям, а затем превращается и в системную причинность. Далее эволюция концепции идет по пути ее превращения в целостность (парадигму) и «творящую» онтологию мира. В конце главы Н.Б. Шулевский подвергает критике виртуальный креационизм, который стремится подменить планетарный эволюционизм, подменить реальность виртуальностью.

Завершает вторую часть работы глава, характеризующая общенаучные и культурные формы планетарного эволюционизма: ноосфера Вернадского, пассионарность Гумилева, коэволюция и т. д. Критике подвергается концепция синергетики — самоорганизация всего из хаоса.

В заключительной части «Планетарного эволюционизма» производится анализ современного положения дел. Автор критикует информационную парадигму, экспансию информации, ее бездушность. В широком плане критикуются виртуальность и глобализм, навязывающий ее миру (стремящийся к той самой голубой диктатуре). Н.Б. Шулевский предостерегает о цифровом тоталитаризме и об античеловеке, который утрачивает связи с Землей в пользу виртуальности. Констатируется кризис человека (субъекта), у которого отчуждаются знания, который теряет целостность своей личности и способность к самоанализу [1].

Подводя итоги, следует отметить, что работа Н.Б. Шулевского заслуживает внимания. Автор не только представляет глубокий анализ концепции планетарного эволюционизма, но и объясняет его происхождение, его предысторию, а также соотносит его с сегодняш-

ними реалиями. Более того, ученый выдвигает различные уникальные и оригинальные тезисы, подкрепляя их примерами и анализируя. Они дают читателю пищу для размышлений. Однако из-за отягощенности текста множеством философских терминов, запутанности некоторых развернутых метафор и т. д. воспринимать его довольно трудно. Данная монография, на мой взгляд, будет интересна, прежде всего, читателям, хорошо знакомым с базовыми философскими понятиями.

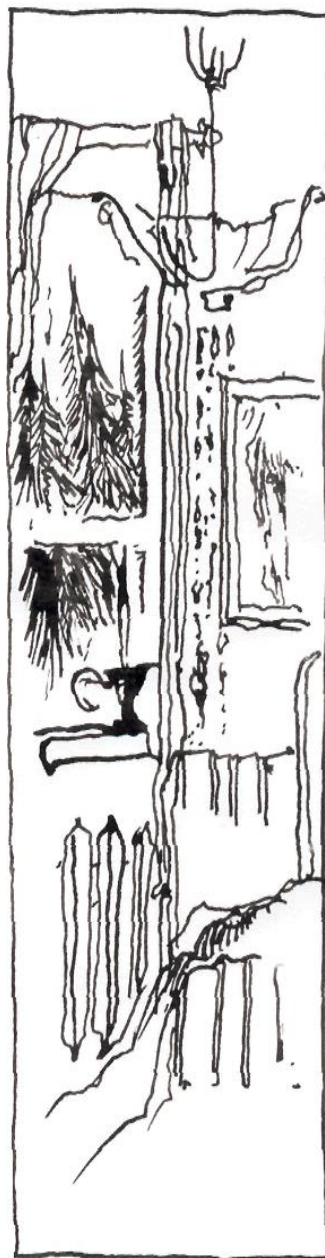
Литература

1. Шулевский Н.Б. Планетарный эволюционизм. М.: Зерцало-М, 2015. 400 с.

References

1. SHulevskij N.B. Planetarnyj evolyucionizm. M.: Zercalo-M, 2015. 400 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

80-летие Урака Алиева

Всегда молодому и энергичному большому нашему другу *Ураку Алиеву* из Астаны, в молодости побывавшему танкистом-тридцатьчетверочником, и уже долгое время — профессором и основателем известного в Казахстане и за его пределами университета «Туран», ни с того ни с сего «стукнуло» 80, с чем мы, конечно, очень-то не согласны, но что все-таки принимаем как вдруг хлынувшую сверху добрую данность. Урак ведь не просто профессор-экономист, еще и мудрец — казахский, тюркский, евразийский, он много знает такого, чего не знают другие, отчего 80 лет, пожалуй, самое для Урака оно — вершина, с которой много чего ему видится из прошлого, настоящего и будущего, однако... т-сс... мудрецкое тайнозрение любит всего более тишину, отчего и мы, затаив дыхание, умолкаем. Многая тебе, дорогой мудрый друг, лета!

* * *

20 февраля 2025 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Постэкономика как фантастическое достояние современности» (в смешанном формате). Выступили 14 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, К.В. Молчанов, С.Н. Турищев, К.А. Хубиев, И.Г. Шевченко; кандидаты наук О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск); президент ООО «Белый кот» Т.В. Воеводина.

Е.С. ЗОТОВА

**О постэкономике как фантастическом достоянии
современности
(дискуссия на экономическом факультете)***

Аннотация. Представлен обзор дискуссии, состоявшейся 20 февраля 2025 г. на экономическом факультете МГУ в смешанном формате на теоретическом семинаре «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Постэкономика как фантастическое достояние современности».

Ключевые слова: экономика, постэкономика, финансомика, цифровая экономика, хозяйство, философия хозяйства, стоимость.

Abstract. The article presents an overview of the discussion hold on February 20, 2025 at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in a mixed format at the theoretical seminar «Discussion Problems of Modern Social Science and Economic Thought» on the topic «Posteconomy as a Fantastic Property of Our Time».

Keywords: economy, posteconomy, financiomics, digital economy, economics, philosophy of economy, value.

УДК 330
ББК 65

20 февраля 2025 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Постэкономика как фантастическое достояние современности» (сокращенное изложение см. в [1]). Организаторы — лаборатория философии хозяйства и Научный совет «Центр общественных наук МГУ» — сформулировали вынесенные на рассмотрение аудитории проблемы следующим образом:

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. О постэкономике как фантастическом достоянии современности (дискуссия на экономическом факультете) // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 272—284. DOI: 10.5281/zenodo.15698583.

«Пора уже избавиться от иллюзорных представлений о об угнездившемся в мире призраке, называемом по образовательной и диссертационной инерции экономикой. Да, название сие (оно же и “позывной”) сохранить можно, но что же она в действительности, эта самая “экономика”, уж не постэкономика ли, то бишь в основе и не экономика вовсе?».

Открывая заседание, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) заметил, что «тема и концептуальный замысел семинара грешат не просто оригинальностью, если не вычурностью, но и бросают кое-какой вызов всей экономической науке, разумеется, со стороны философии хозяйства, которая исходит из иного видения и ведения реальности, чем это принято в экономической науке, и иного понимания хозяйства и экономики.

Если для философии хозяйства, признающей идеальность и трансцендентность бытия, в том числе и самого хозяйства, рассматриваемого как целостное жизнеотправление всего, к чему приложимы феномены-понятия “жизнь” и “отправление», а в данном случае жизнеотправление человека с его сознанием и разумом, как и с бессознанием, и, разумеется, много еще с чем, к примеру, с теми же руками, воображением, фантазийностью, трудом, предвидением, как и, конечно же, с проектированием и творчеством, то бишь с созиданием того, чего нет в доставшейся человеку от Бога или мироздания природе, то “экономика” для философии хозяйства есть человеческое хозяйство (жизнеотправление), опосредуемое наличием и действием, а в немалой степени и управлением, рождающейся в сфере сознания (в головах людских) идеальной субстанцией — стоимостью, выраженной на практике в идеальных же деньгах и ценах и никогда сферы сознания (и, соответственно, людских голов) не покидающей, ну, а в совсем уж “реальной” реальности, выраженной не просто в деньгах и ценах, а в имеющих экономическую измерительную функцию общепризнанных идеально-трансцендентных цифрах (числах, величинах), и никакой иной, кроме цифр, счетно-расчетной выраженности не имеющей.

Никакой содержательно-функциональной недооценки “экономики” здесь нет — стоимость способна управлять и господствовать в хозяйстве, а по мере развития экономического хозяйства она на самом деле все более и более им управляет и в нем господствует,

даже превратив со временем саму экономику в финансомику, заменив “экономику снизу”, когда стоимость рождается и зависит от мира экономических субъектов, на “экономику сверху”, когда стоимость рождается уже вне мира или над миром хозяйствующих субъектов и на них — этих субъектов — сверху попросту изливается в ею незнамо как оцененных виртуальных деньгах и с такими же ценами на ряд краеугольных (судьбоносных) товаров-благ, превращая самих хозяйствующих субъектов в данников господствующей финансовой (банковско-эмитентной) системы.

Эти, с моей стороны, философско-хозяйственные относительно феномена экономики выкладки не новы, но, несмотря на их вроде бы ясность и даже бесспорность, ученая экономическая среда их никак не принимает, хотя ни один воистину “здравомыслящий экономист” не скажет определенно, что же, собственно, есть “экономика”, а что “хозяйство”, и сие “недомыслие” продолжается уже не один век.

Готовясь к семинару, я обратился к определению экономики, данному в “Экономической энциклопедии” 1980 г. Вот это определение:

“Экономика (от греч. *oikonomikē* — искусство управления домашним хозяйством). 1. Совокупность производственных отношений исторически определенного способа производства, экономический базис общества; 2. Народное хозяйство страны, включающее соответствующие отрасли и виды производства, или его часть; 3. Отрасль науки, изучающая функциональные и отраслевые аспекты экономических отношений” [4, 438].

Мало того, что в этом определении “экономика” синонимична “хозяйству”, так без обращения к хозяйству, которое тоже ведь никак не определено, ничего в определении “экономики” вообще не получается. Да, экономика всегда хозяйство — хозяйство со стоимостью, по крайней мере, да вот хозяйство, согласно философии хозяйства, вовсе не всегда и не везде экономика! Любопытно, что в приведенной выше каждой определительной фразе возникает вопрос за вопросом, отчего выходит, что сие определение всего лишь коряво сбитое из кусков чего-то неопределенного... ничто.

Короче говоря, нравится это кому-либо или нет, но экономическая наука во всех своих ипостасях так и не определила, что есть экономика, а лишь создавала разные об экономике мифы, да и само

понятие “экономика” употребляется мало что вольно, так еще и применительно к какому-то не существующему для сего понятия адекватному ему объекту, тоже, кстати, мифологическому.

Ничто тут и ни о чем! Тут получается миф на миф: субъективный миф на миф объективный — вульгарная, вполне и обывательская, тут мифология, более ничего!».

С момента возникновения термина «экономика» под ним подразумевался процесс управления хозяйством, подчеркнул к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск), причем в системном плане. Однако, по мере складывания и развития в производительной силе общества эффекта разделения труда, закономерно последовали усложнение распределения и развитие обмена. В результате, экономика как категория обрела узкий смысл в жизненном цикле движения продукта, опосредованного товарно-денежными отношениями. А управление хозяйством превратилось в волнообразный процесс противоречивого синтеза самоорганизации хозяйствующих субъектов с подсистемой вертикального централизованного регулятивного управления. В этом плане под термином «постэкономика», скорее всего, может пониматься такое качество хозяйственной системы, при котором синтез самоорганизации (конкуренции) и вертикальной регулятивной организации (монополии как корпоративной, так и государственной) превратится в иное — третье — однородное состояние системы управления, что возможно только тогда, когда логика развития научно-технического прогресса в производительной силе приведет к полному отмиранию эффекта разделения труда, до чего пока далеко. Но развитие однозначно — объективно — движется в этом направлении. Мелкотоварное производство (конкуренция) — капиталистическая конкуренция — монополистическая конкуренция (государственно-монополистический капитализм) — мирохозяйственная современная борьба между синклитом ТНК и трансформирующейся системой государств крупных стран (и не только) наглядно демонстрируют нам логику как современного, так и будущего алгоритма развития. Поэтому человечество в XX–XXI вв. объективно находится в переходном состоянии от экономики к постэкономике.

Продолжая обсуждение, д.э.н., профессор **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) отметил, что в постэкономике утрачивается различие между фиктивной (виртуальной) и

реальной (производительной) стоимостью. Так, производство долларов как международной расчетной единицы отождествляется с производством товаров как носителей вновь созданной стоимости. В существующей конфигурации мировой резервной валюты в долларах США выражаются цены всех стратегических товаров и подавляющая доля долговых инструментов, торгуемых на мировом рынке. Для того чтобы получить доступ к доллару как международному средству обмена товарами и платежа по долговым обязательствам, страны вынуждены поставлять на глобальный рынок определенную часть своей вновь созданной продукции, обедняя на эту величину национальную экономику. В свою очередь, участие США в международном обмене не предполагает отчуждения на мировой рынок части добавленной стоимости, созданной в американской экономике, учитывая привилегированный международный статус доллара. В результате имеет место неравный обмен. Перенакопление долларов как фиктивного товара привело к формированию перевернутой глобальной финансовой пирамиды, в основании которой мировой ВВП, а на последующих уровнях производные от него денежные суррогаты — банковские депозиты, долевы и долговые ценные бумаги, производные финансовые инструменты и в перспективе — цифровые финансовые активы. Вся эта финансовая надстройка создает необычайное давление на производительный базис общества, поскольку темпы роста фиктивных активов (вследствие их более высокой доходности) многократно превышают темпы роста производства. «Выход из сложившейся ситуации видится в создании более равноправных и взаимовыгодных механизмов международного обмена, основанных на коллективном разделении издержек глобализации и способных предотвратить несправедливое перераспределение вновь созданной стоимости между участниками международного обмена», — заметил А.В. Кузнецов.

Капитализму удалось использовать одновременно технологический, организационный, информационный и финансовый леверидж, считает д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХиГС при Президенте РФ). Это дало взрывной эффект производства, потребления и доходности инвестиций, но привело к истощению природных ресурсов, ухудшению экологии и началу биологической деградации человека.

Средняя скорость увеличения общественного богатства за последние 2000 лет составляет 0,4%. За два века господства капитала средняя скорость роста богатства была на порядок больше. Так как средние величины достаточно консервативны, можно ожидать, что в ближайшие 200 лет общественное богатство будет сокращаться. Сочетание истощения ресурсов и циклического падения величины общественного богатства приведут к рационализации потребления и сокращению паразитарных форм хозяйствования.

Поскольку человеческая природа несовершенна, критерий паразитарности будет изменчив и субъективен, а процесс рационализации потребления будет в значительной степени проходить методом проб и ошибок. Основной проблемой в данной ситуации является несовершенство человеческой природы, которое может быть скорректировано либо внешним, техническим путем (за счет использования нейроинтерфейса), либо с помощью системы воспитания человека на основе традиционных ценностей религиозного сознания. Первый путь даст быстрый результат, но в долгосрочной перспективе превратит человека в домашнее животное. Второй путь является весьма длительным и трудно реализуемым, но дает человеку шанс сохраниться в качестве формы разумной жизни — таков вывод профессора Шевченко.

Вопрос о постэкономике не нов, заметил д.э.н., профессор **К.А. Хубиев** (экономический факультет МГУ). В разных вариантах он поднимался и прежде. Достаточно вспомнить формулу коммунизма, которая появилась в связи принятием новой программы КПСС по инициативе Н.С. Хрущева. Более свежий пример — ноономика, где все блага, необходимые людям, будет создавать совершенная техника, человек будет вытеснен из процесса производства и исчезнут экономические отношения. Все это, включая нынешнюю постановку вопроса, очень умозрительно, и трудно нащупать предмет для сколь-нибудь полезного обсуждения. Но если даже поверить, что когда-то и наступит такой период в развитии экономики и общества, то бесспорным является то, что движение к нему начнется с нынешнего состояния. С его исследования надо начинать и определять этапы движения к этому «светлому» будущему. А у нынешнего положения страны столько рисков и угроз, что может возникнуть вопрос: а дойдет ли Россия до постэкономики, если даже она и существует в далеком для нее будущем? В этой связи следует обратить

внимание на работу экономистов, изучающих характер и масштаб угроз, ресурсы выживания в современных условиях, источники роста, геополитический контекст. Даже занимаясь постэкономикой, методологически следует двигаться от реалий настоящего к перспективам далекого будущего, а не наоборот, подчеркнул профессор Хубиев.

В своем выступлении «Изоморфическая парадигма восприятия и искажения постэкономической действительности как механизм удержания глобальной власти» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) отметил важную особенность российской экономической науки. Ее специфика — тяга к подобию, стремление быть как западная, забывая, что онтология мира стремительно меняется, а значит, должна меняться и гносеологическая его картина, методология исследования. Принцип подобию — перенос старых идей в настоящее и эталон-моделей западных стран в иную среду — не работает, неэффективен, не дает необходимой теоретической адекватности. Он специально используется для формирования глобализма, хотя его формы меняются: цифровой, новый континентальный. Они дополняют и заменяют классический — финансовый, но цель остается прежней — сохранение планетарной власти.

Формирующаяся линия доминантности «новый центр — новая периферия» также требует унификации периферии. Причем западная наука сознательно искажает идущие изменения, тормозит осмысление складывающегося мирового порядка, его тоталитарности. Экономикс сохраняется, он более отвечает рыночной мифологеме, навевая иллюзии рыночной свободы, справедливости и равенства возможностей по всему миру. США для себя формируют новый, одновременно и социальный, и тоталитарный строй, основа которого, с позиций догматики, парадоксальна — суверенный национальный транснациональный капитал и суверенное национальное планетарное государство, создающие симбиоз корпоративных и государственных интересов. Для РФ это означает необходимость выживания в новом мире и наличие собственной теоретической мысли. Западные экономические парадигмы и теории в этом вряд ли могут помочь — они остались в прошлом, застыли в идее свободного рынка А. Смита и в современном ее отражении в различных версиях неоклассики. Нужен реальный гносеологический поиск на основе

собственного социального мировоззрения, подчеркнул профессор Ковалев.

В свете дискуссии «экономика — неοэкономика — постэкономика — цифровая экономика», считает д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ), важно различать количественные и качественные ее изменения. В XX в. социализация, глобализация и цифровизация экономики — это преимущественно ее количественные изменения, а на рубеже XX—XXI вв. преобразование экономики в нейросетевую, с искусственным интеллектом — это уже ее фундаментальное качественное изменение, превращение как бы в свою противоположность. И теперь экономика ли это? Признаки экономики — экономические субъекты, производство товаров, деньги, мы же имеем дело с виртуальными работниками (ИИ), виртуальными деньгами, виртуальным капиталом, местоположение и происхождение которых неизвестны. По сути, товар, стоимость, деньги, капитал — это уже призраки экономики, находящиеся только в голове, а это уже нечто иное, чем традиционная экономика, со множеством больших неизвестностей. И самая большая *неизвестность* — это сам *человек* в сообществе этих призраков. Поэтому познать это *иное* возможно только через раскрытие тайны самого человека — кто он и зачем, заключил профессор Гузев.

Обратившись к опыту своей недавней поездки в Китай, президент ООО «Белый кот» **Т.В. Воеводина** (г. Москва) пришла к выводу, что глубокое проникновение в обиход искусственного интеллекта, возможно, уже подкосило естественный, ведь любые умственные операции без тренировки угасают (как и мышечные навыки). Искусственный интеллект делает ненужными мелкие, простые, но повседневные умственные усилия. По этой причине способность думать постепенно отмирает по причине неупотребления.

Продукция искусственного интеллекта будет прогрессивно глупеть по легко понятной причине. ИИ не может обратиться к реальности — он имеет дело только с текстами, которые пережевывает с невообразимой скоростью в неимоверном количестве. И чем дальше, тем больше среди этой текстовой жвачки будет попадаться изделий самого ИИ, а потом и вторичных, третичных и т. д. изделий. Иными словами, движение будет встречное: естественный интеллект

будет прогрессивно слабеть ввиду неупотребления, а ИИ будет прогрессивно глупеть ввиду поглощения вздора, им же и произведенного.

Современная капиталистическая «экономикс-цивилизация», завершая очередной цикл развития, вышла на плато своих возможностей, заявил к.т.н., профессор **П.П. Жуликов** (Московский финансово-промышленный университет «Синергия»). Впереди стагнация и неизбежный коллапс экономического хозяйства, который в современной пространственно-временной субстанции предотвратить невозможно, но вполне реально отодвинуть на некоторый срок — лет пять-семь, для разработки иной, более социальной модели развития. Попытка отодвинуть коллапс по сценарию поглощения крупного донора (как СССР) грозит ядерной войной, смена формации по типу Революции 1917 г. с еще большей вероятностью приведет к ядерной катастрофе. Нужны другой путь, иная модель устойчивого дальнейшего развития мирового хозяйства, и на ее разработку как осмысленного реального проекта потребуется не менее двадцати лет.

Для устойчивого развития мирового хозяйства была предложена справедливая модель развития капитализма, в которой блага должны распределяться в пропорции 25% для 5% «элиты» и 75% для 95% населения (организменная модель Ф. Кенэ). Проблема — как донести до всех слоев мирового сообщества, что существующая модель экономикса, в которой 95% благ принадлежит элите, а 5% — населению, не сможет удержать мировое хозяйство от хаоса, развала и взрыва, а под его обломками исчезнут все — и богатая элита, и бедный народ.

Чтобы выжить без ядерной войны, надо договариваться. Условно локальные конфликты и маневры, типа поглощения Гренландии, могут снизить угрозу глобального кризиса на 3–4 года и дать время для разработки социальной модели капитализма. Главная проблема в этой модели — как изменить в сознании элиты представление о безграничности своей власти, а в сознании народа — представление о счастье бесконтрольного потребления. Начинать такую работу с разрозненным человеческим сообществом надо с модернизации образования и, как всегда в последние четыреста лет, начинать ее придется России.

«Постэкономика — это состояние хозяйства, вызванное утратой его частью — экономикой — функции содержания и превращения ее в форму проявления общественного сектора другой части хозяйства, — считает д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (г. Ростов-на-Дону). — Поэтому, наряду с постэкономикой, необходимо различать постобщественный сектор.

Подобные взаимопереходы форм и содержания — экономики и общественного сектора, — вызываемые кругооборотом доминантности между факторами производства, происходят в человеческой истории периодически. Так, нынешний постэкономизм вызван перемещением доминантных свойств от капитала к предпринимательству на основе новых и информационных технологий».

Постэкономика нужна постчеловеку XXI в., сказал к.т.н. **О.В. Доброчеев** (АНО «Институт ВЭБ»). Этот постчеловек уже не сельский житель и не городской, а планетарное явление, тесно связанное со всеми людьми на Земле, достигшее огромной производительности труда и мощи, сопоставимой с природной, как об этом написано в статье (в соавторстве с А.Н. Клепачем) «Призрак нового человека» [3]. Эти его качества в совокупности даже с имеющимися математическими и вычислительными возможностями позволяют реализовать материальное обеспечение жизни каждого человека на Земле не хуже, чем голландцы устроили для своих коров.

Задачей человека в этих условиях становится создание условий полноценной, творческой жизни человека, не посягающего на собрата на другой стороне планеты. Такая сверхзадача регулирования общественной жизни требует уникального инструментария, реализующего максимум Ю.М. Осипова «Отображением жизни может быть только жизнь». Первая попытка такой философско-математической модели описана в нашей — совместной с А.Н. Клепачем — статье «Ведение в волновую теорию...» [2]. Представляется, что в трудах Ю.М. Осипова и публикациях журнала «Философия хозяйства» собрано достаточно материалов, чтобы продвинуться к следующему приближению — «инструментальной метафизике», которая может стать научной основой своеобразной машины разума под названием «поисковая система счастья», упрощенными алгоритмическими имитаторами которой сегодня выступают различные версии ИИ.

Спор о том, какая сейчас экономика (виртуальная, цифровая, пост-, нео- и др.), заметил д.мед.н., профессор **С.Н. Турищев**

(г. Москва), скорее, терминологический, ситуационный. «С позиций естественника, считаю, что экономика (хозяйствование) — это жизнеобеспечение биосистем (мира, региона, страны, семьи...)». Термин «экономика» — базисный, консенсусный. Независимо от дискуссий, реальная экономика объективно существует. Важно понимать внутреннюю конфигурацию, преобладающие конструкты функционирования в тех или иных регионах, сообществах. Следует учитывать состояние и удельный вес формирующих экономику взаимодействующих факторов: геополитических, идеологических, технологических, ресурсных и др. Можно постулировать: экономика и политика — родные сестры; какая власть — такая и экономика, подчеркнул С.Н. Турищев.

Завершая обсуждение, **Ю.М. Осипов** отметил: «В своем вступительном слове я обратил основное внимание на то, что есть и не есть экономика вообще. Теперь же коснусь проблемы, что есть и не есть экономика сегодня, во всяком случае в нарастающей тенденции.

Ранее я подчеркнул, что в своей конечной выраженности экономика есть особого функционально-назначенческого рода денежные и ценовые, вполне себе и виртуальные (идеально-трансцендентные) цифры, рождаемые в сфере человеческого сознания (если хотите, в ноосфере) и сию сферу-среду никогда не покидающие. Так что экономика была всегда и есть сегодня нечто оцифрованное, причем таким образом, что цифра оказывается главным строительно-представительским материалом экономики, ее реальным при всей своей виртуальности, идеальности и трансцендентности носителем.

Ныне ученый мейнстрим увлечен так называемой “цифровой экономикой”, что, во-первых, звучит как оксюморон, ибо экономика всегда, повторяю, была цифровой, а во-вторых, не соответствует реальности, ибо если уж что и происходит, то не цифровизация экономики, в чем она не нуждается, а отмена самой экономики как все еще социального явления с заменой ее на иную, уже и на не экономическую (стоимостную), а вполне себе техническую цифрономику, что как раз подтверждает высказанный мною еще в 1997 г. (в третьем томе моей “Теории хозяйства”) тезис о движении экономики к “постэкономике”, за которой как раз и маячила, по моему мнению и выражению, самая настоящая “техномика”.

Что ж, пришло время реального подтверждения моих тогдашних предположений: технонейроцифроизм ведет дело как раз к постэкономике, обходящейся уже без феномена стоимости в силу ее отмены и замены абсолютно техническим счетом-расчетом. Можно сказать и так: социально-экономическая цифра, пережив фазу своего “личного” господства в образе финансомики, уступает место технонеэкономической цифре, не имеющей уже никакого отношения к экономике как таковой и выбрасывающей в жизнеотправление (уже, пожалуй что, постчеловека) вместо экономики (остаюсь при своем мнении и выражении) не что иное, как технику.

Это уже не частная победа цифры в пределах экономики, как было и есть хотя бы с явлением финансомики, когда еще можно было толковать об экономике, стоимости, деньгах, ценах и т. п. экономических-де вещах-вестях, а победа цифры уже над самой экономикой, сопровождаемая ликвидацией экономики и заменой ее цифрогенной техникой, а может, еще чем-то, на что пока нашей ученой фантазии не хватает.

Так что, не пора ли, коллеги, задуматься над тем, что реально происходит вокруг, да и, весьма подрасставшись с политэкономией вкупе с постмодерновой экономической теорией, заняться... нет, вовсе не иллюзорной эконометрикой, а самой настоящей — пусть и неведомой еще нам вполне — цифрометрикой. Так-то оно станется и честнее, и правдивее, даже, если хотите, и научнее».

Литература

1. Зотова Е.С. Постэконоика как фантастическое достояние современности // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2025. Т. 16. Вып. 2. С. 116—127. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-2-116-127.
2. Клепач А.Н., Доброчеев О.В. Введение в волновую теорию космопланетарного хозяйства, или Начала природоподобной экономики // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 31—49. DOI: 10.5281/zenodo.12188534.
3. Клепач А.Н., Доброчеев О.В. Призрак нового человека // Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма) / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Н.П. Недзвецкой. М.: Экономический факультет им. М.В. Ломоносова, 2020. С. 83—87.

4. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980.

References

1. Zotova E.S. Postekonoika kak fantasticheskoe dostoyanie sovremennosti // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal. 2025. T. 16. Vyp. 2. S. 116—127. DOI: 10.38050/2078-3809-2024-16-2-116-127.

2. Klepach A.N., Dobrocheev O.V. Vvedenie v volnovuyu teo-riyu kosmoplanetarnogo hozyajstva, ili Nachala prirodopodobnoj ekonomiki // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 3. S. 31—49. DOI: 10.5281/zenodo.12188534.

3. Klepach A.N., Dobrocheev O.V. Prizrak novogo cheloveka // Rossiya i ideologiya (opyt prakticheskogo filosofsko-hozyajstvennogo konceptualizma) / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj, N.P. Nedzveckoj. M.: Ekonomicheskij fakul'tet im. M.V. Lomonosova, 2020. S. 83—87.

4. Ekonomicheskaya enciklopediya. Politicheskaya ekonomiya. Т. 4. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980.

* * *

11 апреля 2025 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках международной научной конференции «Настоящее и будущее социально-экономического развития: потенциал ИИ и новые вызовы» (Ломоносовские чтения — 2025) состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства на тему «Технонейрореволюция и судьба человека», на котором выступили 14 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, К.В. Молчанов, М.Ю. Павлов, И.Ю. Фомичев (Тюмень); кандидаты наук В.Е. Гаврилова, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.С. Мерзляков, И.П. Смирнов, Р.Е. Соколов, Г.В. Фадейчева; научный сотрудник Т.С. Сухина; ведущий инженер И.Г. Морозов; аспирант И.З. Гелисханов.

Т.С. СУХИНА

**Технонейрореволюция и судьба человека
(Ломоносовские чтения — 2025)***

Аннотация. Представлен обзор работы секции «Технонейрореволюция и судьба человека» в рамках экономической секции Ломоносовских чтений — 2025 «Настоящее и будущее социально-экономического развития: потенциал ИИ и новые вызовы», состоявшейся на экономическом факультете МГУ 9—11 апреля 2025 г. На заседании были представлены доклады, в которых авторы с разных позиций охарактеризовали и проанализировали в различных аспектах процессы и изменения, происходящие с человеком и социумом под влиянием стремительного развития цифровых технологий и систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: философия хозяйства, технонейрореволюция, человек, социум, экономика, социально-экономическое развитие, искусственный интеллект, ИИ.

Abstract. This article presents the review of the session «Technoneurorevolution and Human Destiny» within the economic section of the Lomonosov Readings — 2025 «The Present and Future of Socioeconomic Development: the Potential of AI and New Challenges», which was held at the Faculty of Economics of Moscow State University on April 9—11, 2025. The session included papers in which the authors characterised and analysed from different perspectives the processes and changes occurring in human beings and society under the influence of the rapid development of digital technologies and artificial intelligence systems.

Keywords: philosophy of economy, technoneurorevolution, man, society, economy, socio-economic development, artificial intelligence, AI.

УДК 330
ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Технонейрореволюция и судьба человека (Ломоносовские чтения — 2025) // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 285—293. DOI: 10.5281/zenodo.15698603.

9—11 апреля 2025 г. на экономическом факультете МГУ в рамках работы экономической секции «Настоящее и будущее социально-экономического развития: потенциал ИИ и новые вызовы» состоялось три сессионных заседания секции 12.1. «Технонейрореволюция и судьба человека» под руководством заведующего лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ д.э.н., профессора Ю.М. Осипова.

Открыв заседание и поприветствовав участников, **Ю.М. Осипов** выступил с докладом «Технонейрореволюция и судьба человека». «Развернувшаяся технонейрореволюция должна обеспечить трансгрессию естественного (Богом и Природой данного) человеческого разума в искусственный, уже и по сути не или не-совсем-человеческий техногенный разум, призванный вроде всего лишь дополнить долженствующий-де сохраниться естественный человеческий разум, однако все равно его немало не только заместить, но и преобразовать. Что станет тогда с человеком как существом и в целом с человечеством? Кто из людских особей это наверняка знает, — что оптимистов, что пессимистов, что нейтралов? Впереди грозная Неизвестность, возможно, для Господа и известность, однако какая? Есть о чем не без тревоги поразмышлять все еще гуманитарному человеку!»

В докладе «Человек информационный как порождение человека экономического: мутация в российской среде» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (СПбГЭУ, г. Санкт-Петербург) подчеркнул, что «одна из коренных черт современного мира — его тотальная цифровизация, становление нового планетарного цифрового капитала как части совокупного мирового капитала, становление цифрового неоимпериализма. Соответственно, новому планетарному порядку нужен и новый “цифровой” человек — человек как искусственный социальный и производственный продукт, приспособленный жить, воспроизводиться в цифровом мире и своей деятельностью обеспечивать его функционирование, но при этом отчужденный от многих нравственно-культурных ценностей, нацеленный на голый рационализм, становящийся частью цифрового мира, а последний — внутренним для человека, вторым Я». Для РФ в сложившихся условиях «форсированный переход к информационному обществу означает усугубление зависимости от иностранных корпораций, мировых разработчи-

ков и производителей IT-технологий. Нужно вырабатывать стратегию компромисса: удержаться на передовых позициях в критических для выживания страны без ввязывания в глобальную конкуренцию в сферах массового применения цифровых технологий, не форсировать их масштабное перманентное внедрение, обновление, не обеспечивать сверхдоходы иностранным производителям. И при этом обеспечивать конкурентоспособность в ключевых приоритетах информационного развития, робототехники, искусственном интеллекте в реальном производстве, в военной сфере».

К.э.н., доцент **В.Е. Гаврилова** (экономический факультет МГУ) в докладе «Фальшивомонетчество в эпоху цифровых денег» обратила внимание, что «фальшивомонетчество как мошенничество на принципиально новом технологическом уровне является элементом экономической жизни и представляет угрозу безвозвратных потерь как на уровне личности и государства, так и в общемировом масштабе». Разнообразие существующих криптовалют привело к созданию оригинального индекса страха и жадности (FGI), который призван анализировать настроения, движение «китов», данные поисковых систем, но, «к сожалению, слабо помогает в сокращении объемов и видов криптовалютного мошенничества, среди которых следует отметить фишинг, фейковое ICO, инвестиции в доверие и др.». По мнению автора, «в качестве мер защиты от фальшивомонетчества в условиях цифровизации следует обратить внимание на хорошо известные экономические истины: если гарантируется ежедневная, еженедельная, ежемесячная или годовая сверхдоходность, отсутствие волатильности, гарантия возврата средств по первому требованию без соответствующего подкрепления в виде нормативно-правового акта РФ, то следует рассмотреть более традиционные инвестиционные инструменты».

В докладе «Применение искусственного интеллекта в качестве помощника современного исследователя» д.э.н., профессор **Н.А. Шапиро** (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург) отметила, что «речь, прежде всего, об экономических исследованиях, поскольку состояние их дискурса автору известны и понятны более всего, что не исключает справедливости ряда выводов в отношении других социально-гуманитарных наук». Автор предложила обсудить вариант, в

котором искусственный интеллект может быть помощником естественному интеллекту или человеку-исследователю, ведущему научный поиск в социально-гуманитарных науках. Повсеместное развитие цифровых технологий, последовавшие за ними нейросети и искусственный интеллект продвигают научные исследования, освобождая исследователя от рутинной работы по представлению обзоров уже существующего знания, но увидеть новые грани исследуемого предмета, предложить новый вариант рефлексии он не может, потому что, в отличие от человека, не обладает инструментарием, дающим абсолютные истины. Об этом свидетельствует весь опыт научного знания, который привел к отказу от воплощения гипотезы о представлении экономического знания как одной большой теории. Состояние фрагментации — это не результат ошибок, а доказательство ограниченности человеческого познания, где сама ограниченность многолика и изменчива, поскольку многолик и изменчив окружающий мир. Искусственный интеллект не преодолевает этой ограниченности, он работает лишь с ее результатами. Но технократические, цифровые и прочие достижения становятся для него лишь помощниками». По мнению Н.А. Шапиро, «искусственный интеллект ускоряет получение таких результатов, которые являются предваряющими новое исследование, которое под силу только человеческому интеллекту».

К.э.н., профессор **Г.В. Фадейчева** (Академия труда и социальных отношений) в докладе «Человек как результат процесса общественного воспроизводства и его адаптация к реалиям технотрансформации» показала, что «новые вызовы общественному развитию со стороны победного шествия технотрансформации актуализируют вопрос о месте и роли человека в процессе общественного воспроизводства и, в более широком плане, в социуме, а также требуют исследования возможности адаптации человека к новым реалиям. Технотрансформация оказывает влияние на жизнедеятельность человека и всю систему общественных потребностей, но есть сферы, где применение технологий ИИ имеет негативные последствия: всевозможные цифровые мошенничества, запуск троянов, асоциализация. Технологии ИИ активно внедряются в творческие, интеллектуальные сферы человеческой деятельности, вытесняя оттуда человека-творца. Назревает и философско-антропологический вопрос: в каком каче-

стве нужен человек ИИ и нужен ли вообще? По мнению Г.В. Фадейчевой, «с точки зрения построения солидарного общества, ориентированного на гармонизацию интересов отдельного человека и общества в целом, технологии ИИ должны в части воздействия на человеческий интеллект контролироваться этическими нормами и соответствующим законодательством. Поставить технологии ИИ на службу общества — новый вызов государству и, возможно, — новая функция государства в условиях развертывающейся технотрансформации».

И.З. Гелисханов (экономический факультет МГУ) в выступлении на тему «Цифровые платформы: стратегии трансформации рынков и отраслей» представил результаты исследования, целью которого было систематизировать выводы из более чем 100 научных работ, опубликованных в период с 2013 по 2025 г., чтобы понять, как платформы меняют экономику, и оценить последствия для бизнеса, общества и регуляторов. «Ключевые вызовы связаны с регулированием, этикой и устойчивостью. Отсутствие четких правовых рамок для платформ создает риски для экономической и финансовой стабильности. Социальные проблемы включают проблемы конфиденциальности данных, проблемы с трудовым статусом платформенных работников, технологический контроль и многие другие. Цифровые платформы не просто меняют рынки, а перестраивают саму логику экономических взаимодействий. Их потенциал для роста огромен, но устойчивое развитие требует баланса между регулированием, социальной ответственностью и инновациями. Как показывает анализ, будущее будет определяться способностью общества адаптироваться к новым реалиям, сохраняя конкурентность и справедливость. Анализ трендов указывает на дальнейшую эволюцию платформенных экосистем. Для минимизации рисков и максимизации преимуществ необходимы совместные усилия бизнеса и регуляторов в рамках регулирования платформенной экономики. Одновременно необходимо проведение более глубоких академических исследований влияния цифровых платформ на занятость, неравенство и различные составляющие».

К.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) в выступлении на тему «Технотрансформация как завершающий этап десоциализации и деградации человека» подчеркнул, что «в течение по-

следних ста лет в мировом хозяйстве достаточно рельефно обозначился контрпроцесс ускоренной десоциализации общества и человека с целью сохранения и укрепления перспектив господства крупного капитала, в том числе посредством гибкого использования возможностей научно-технического прогресса. В центре процесса десоциализации оказались такие формы и институты самоорганизации человека и общества, как профсоюзы, партии, общественные и образовательные организации, государство и т. д. Стремительно текущая сегодня технотехнологическая революция создает механизмы окончательной десоциализации и необратимой деградации общества и, что особенно важно, человека. Проблема состоит в том, что вне самоорганизации человека в социуме он перестает быть способным к развитию и тем более к его инициации и генерации. Этот сложный процесс происходит в мировом хозяйстве асинхронно и противоречиво, но линейно. Поэтому, как бы это ни странно звучало, судьба человека находится всегда, в том числе и сегодня, в его руках и состоит в инициации и генерации социализации во всех ее формах и смыслах, реализуемой посредством самоорганизации».

Д.ф.н., к.э.н., к.соц.н. **К.В. Молчанов** (экономический факультет МГУ) в докладе «Технотехнологическая революция — новые вызовы и решения» обратил внимание на важную проблему «формализации и типизации рассудочных функций человека и ее следствие — сужение творческого потенциала людей, что редко учитывается при анализе ИИ. Создание унифицированных ИИ не только упрощает работу людей, но и “упрощает” самих людей, что может привести к их деградации. Однако существующее законодательство почти бессильно перед напором высокотехнологичного ИИ и его рисками». По мнению К.В. Молчанова, для «эффективного правового регулирования и глубокого понимания технологий ИИ необходимо, во-первых, создать новую методологическую основу исследований и системный подход к развитию ИИ, иначе все попытки его регулирования будут носить хаотичный и неэффективный характер, что в лучшем случае приведет к запоздалым и необоснованным решениям, а во-вторых, требуется переосмысление и изменение подходов к законодательству в сфере AI, при этом не ограничиваться лишь юридической сферой, но охватить также концептуальные и философские аспекты. Такие подходы позволят не только адекватно реагировать на новые вызовы, но

и активно развивать правовые и социальные институты, соответствующие перспективным разработкам в области ИИ. Но, в-третьих, самое главное — необходимо ориентировать развитие ИИ на благо общества, принимая во внимание социально значимые аспекты его развития. По нашему мнению, это утверждение может стать основополагающим принципом для отечественного ИИ, который должен служить развитию страны».

И.Ю. Фомичев, д.социал.н., профессор (Тюменский индустриальный университет), в выступлении на тему «Человек как природа и судьба» отметил, что «любой человек — носитель особой внутренней природы с некоторыми уникальными и всеобщими чертами, которые в определенной степени детерминируют его судьбу. Культурная и цивилизационная оболочка современного человека может быть представлена разными качествами, но в глубинной основе своей он остается все тем же архаичным типом, вобравшим в себя все атрибуты первозданной архаики. Подсознательно большинство людей строят свою картину мира на базе одной реальности — реальности собственного “я”, а прочие внешние факторы (в том числе и окружающие люди) конструируются индивидуальным сознанием на базе сложившегося миропонимания, на той самой неразлучной троице животного, зверя и беса (Ю.М. Осипов). И этот барьер очень трудно преодолеть — да, как правило, никто и не стремится. Из истории смутно помнится восстание луддитов в Англии начала XIX в., которые подозревали, что механизация производства испортит им жизнь и крушили фабричные станки. Так и вышло, но постепенно пережили напасть, с прогрессом пришли новые проблемы и т. п. Под стать этим станкам искусственный интеллект с перспективной возможностью скопировать себя на жесткий диск. Другое дело — архаическая константа. Кармическая природа людей вряд ли загадочным образом изменится, как и все их судьбы в соответствии с ней».

Р.Е. Соколов, к.э.н., доцент (Всероссийская патентно-техническая библиотека), в докладе «Технонейрореволюция и библиотеки будущего на примере ВПТБ ФИПС» представил результаты исследования возможности и перспектив применения цифровых инструментов на примере Центра «Всероссийская патентно-техническая библиотека» Федерального института промышленной собственности. «Смысл происходящих изменений в рамках цифровой трансформа-

ции сводится к созданию информационной системы, ориентированной на пользователей информационных и иных библиотечных услуг. ВПТБ выступает методическим экспертом в области патентно-технической информации центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ), которые являются частью инновационной экосистемы России, созданной для предоставления услуг, информации и налаживания сотрудничества в области интеллектуальной собственности. ЦПТИ как элемент инновационной инфраструктуры помогает в вопросах патентования и регистрации интеллектуальной собственности и является соединительным мостом изобретателей, рационализаторов, бизнес-сообщества, научной молодежи, юных техников».

Д.э.н., доцент **М.Ю. Павлов** (экономический факультет МГУ) представил доклад «Технонейрореволюция, нейрохимия и экономика счастья: что общего?», в котором отметил, что «технонейрореволюция означает новый вызов для междисциплинарных научных исследований. Каким при этом должно стать оптимальное соотношение искусственного и естественного интеллекта. По данному вопросу можно выделить три позиции. 1 — технократическая, в наиболее радикальном выражении которой человек — лишь промежуточное звено эволюции, и ему на смену должен прийти более совершенный искусственный разум. При этом до сих пор еще не реализован так называемый “сильный ИИ”. 2 — гуманистическая, для которой характерно развитие креатосферы и создание условий для всестороннего развития человека, а также невозможность замены человека машиной. 3 — неопределенная, т. е. гибридное общество, в котором будут сосуществовать люди и роботы, причем возможна весьма серьезная конкуренция между ними. На данный момент эта позиция наилучшим образом отражает реальность».

Также М.Ю. Павлов заметил, что «сегодня ученые лишь подходят к пониманию того, что мозг человека не только передает сигналы, но еще и меняет свою биохимию (нейрохимию), причем именно химические вещества определяют субъективное ощущение счастья или, напротив, делают человека несчастным. Таким образом, особенно важно сегодня развивать естественный интеллект, развивая концепцию “экономики счастья”. Особый интерес представляет позиция философии хозяйства, в которой на первом месте человек и человеческий разум».

К.ф.н. **С.С. Мерзляков** (экономический факультет МГУ) в докладе «Искусственный интеллект: к проблеме формирования среды обитания человека» представил весьма оптимистичный взгляд на будущее: «Вероятно, наша новая среда обитания будет включать в себя в качестве основы именно культурные основания цивилизации — ее ключевые моменты. А это значит, что, возможно, мы будем жить не в мире машин, каким мы его видим сегодня, но в мире “победившей” культуры — апофеоза развития цивилизации. И в этом случае это будет не мир машин, а “золотой век” человечества — мы все будем погружены в тысячелетнюю культуру. В этом новом мире мы будем создавать образы и идеи, а машина в качестве нашего инструмента будет их реализовывать. Впервые сущность человека будет в центре мира. Да, это возможно — тропинка в “технологический гуманизм”».

В выступлении на тему «Человек в информационном мире: поиск равновесия» **Т.С. Сухина** (экономический факультет МГУ) отметила, что «в XXI в. технологии не только облегчают жизнь, но и радикально трансформируют самого человека, его когнитивные способности и социальные роли. Цифровая трансформация несет как возможности, так и угрозы. Несмотря на то, что существуют риски развития искусственного интеллекта (ИИ), есть также много возможностей — как известных, так и неизвестных. Игнорировать преимущества ИИ может быть такой же большой ошибкой, как и игнорировать его риски. Нет недостатка в опасениях по поводу рисков и сложностей развития и использования ИИ: конфиденциальность и безопасность данных, права интеллектуальной собственности, предвзятость, точность информации, угрозы человечеству со стороны более продвинутого ИИ и потребление энергии. Но при целенаправленных усилиях технологов, исследователей, философов можно достичь гармонизация развития ИИ».

АНОНСЫ — 2025

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2025

Всероссийский научный симпозиум

«Отцы и дети: кто куда?»

Как бы отцам не впасть в технотронное детство, а детям не попасть в электронно-сетевые отцы! Впрочем, чего на свете и в тебе не бывает: прогресс, он и есть прогресс!

Сентябрь — октябрь 2025 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура»

Секции:

Секция 1. Социум в борьбе с антисоциумом.

Секция 2. Хозяйство и кабала: постэкономики.

Секция 3. Культура под прессом антикультуры.

3—5 декабря 2025 г.

(экономический факультет МГУ, смешанный формат)

3 декабря — пленарное заседание «Событийный калейдоскоп и столбовая дорога перемен» (смешанный формат).

4 декабря — работа секций (смешанный формат).

5 декабря — панельная дискуссия на тему: «Камо грядеши: 2025-й и далее» (смешанный формат).

Информация о конференции будет размещена на сайте лаборатории философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, кафедра кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (*markovius@gmail.com*).

ШТАЙН ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия (*shtaynshtayn@gmail.com*).

МОХАММАД АРШАД НАДИР ШАХ,

младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия (*mns.arshad@outlook.com*).

КАПКАНЩИКОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе, Севастополь, Россия (*kapkansv@mail.ru*).

ГОРДОК ПАВЕЛ ЮРЬЕВИЧ,

ассистент, кафедра социальной философии, Департамент философии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия (*pavel.gordok@urfu.ru*).

СМАГИНА ВИКТОРИЯ ИГОРЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики труда и управления человеческими ресурсами, Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия (*vismaguina@gmail.com*).

ЮДИН ИГОРЬ ОЛЕГОВИЧ,

аспирант, Институт креативных индустрий, экономики и предпринимательства, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия (*ig.yudin2010@yandex.ru*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА,

кандидат экономических наук, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

КАМАРА МАРИАМ,

аспирантка, экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия (mariam20.camara22@gmail.com).

ЗОЛОТАРЕВА ВЕРА ПЕТРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (zotareva2005@mail.ru).

АСМАНОВ РУТЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, Нальчик, Россия (r3bizengin@mail.ru).

КУЧУКОВ МАГОМЕД МУСАЕВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра истории, политологии и философии, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, Нальчик, Россия (kuchukovm@mail.ru).

ТРОФИМОВ СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, профессор, Академия военных наук, Москва, Россия (tennist91@mail.ru).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (girenok@list.ru).

БЕЗМАТЕРНЫХ СОФЬЯ СЕРГЕЕВНА,

студентка 3 курса, философско-социологического факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия (philosmatem@mail.ru).

ПАТЫРБАЕВА КСЕНИЯ ВАДИМОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия (philosmatem@mail.ru).

МАРТИН ЭЛЛЕН (ИОГАНСОН ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА),

кандидат исторических наук, публицист, Лондон, Великобритания (ellenmrtn@gmail.com).

МЕРЗЛЯКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат философских наук, научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент, Национальный исследовательский технологический университет МИСиС, Москва, Россия (merzlyakovss@mail.ru).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Приволжский филиал Института социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Нижний Новгород, Россия (*shirokalova@list.ru*).

ПАВЛОВ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра СГН1 истории, факультет социальных и гуманитарных наук, МГТУ имени М.Э. Баумана, Москва, Россия (*sbpavlov@rambler.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

ЯКОВЛЕВ ЯРОСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ,

студент 2 курса, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*yara.yakovlev@yandex.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

MARKOV ALEKSANDR VIKTOROVICH,

Doctor of Philology, Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*markovius@gmail.com*).

SHTAYN OKSANA ALEKSANDROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia (*shtaynshtayn@gmail.com*).

MOKHAMMAD ARSHAD NADIR SHAKH,

Junior Researcher, E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*mns.arshad@outlook.com*).

KAPKANSCHIKOV SERGEY GENNAD'EVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Sevastopol, Russia (*kapkansv@mail.ru*).

GORDOK PAVEL YURIEVICH,

Assistant Professor, Department of Social Philosophy, Department of Philosophy, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia (*pavel.gordok@urfu.ru*).

SMAGINA VIKTORIYA IGOREVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Labor Economics and Human Resource Management, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia (*vismaguina@gmail.com*).

YUDIN IGOR' OLEGOVICH,

Postgraduate Student, Institute of Creative Industries, Economics and Entrepreneurship, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia (*ig.yudin2010@yandex.ru*).

NEDZVETSKAYA NATALIYA PAVLOVNA,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

KAMARA MARIAM,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia (*mariam20.camara22@gmail.com*).

ZOLOTAREVA VERA PETROVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Doctoral Student, Department of History of National Economy and Economic Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*zolo-tareva2005@mail.ru*).

ASMANOV RUTENIY KONSTANTINOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Management, V.M. Kokov Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russia (*r3bi-zengin@mail.ru*).

KUCHUKOV MAGOMED MUSAEVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of History, Political Science and Philosophy, V.M. Kokov Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russia (*kuchukovm@mail.ru*).

TROFIMOV SERGEY EVGEN'EVICH,

Candidate of Economics, Professor, Academy of Military Sciences, Moscow, Russia (*tennist91@mail.ru*).

GIRENOK FEDOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

BEZMATERNYKH SOFYA SERGEEVNA,

Student, Philosophical and Sociological Faculty, Perm State National Research University, Perm, Russia (*philosmatem@mail.ru*).

PATYRBAEVA KSENIA VADIMOVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Perm State National Research University, Perm, Russia (*philosmatem@mail.ru*).

MARTIN ELLEN,

Candidate of Historical Sciences, Publicist, London, UK (*ellenmrtn@google-mail.com*).

MERZLYAKOV SERGEY SERGEEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, National Research Technological University MISiS, Moscow, Russia (*merzlyakovss@mail.ru*).

SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher, Volga Branch of the Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).

PAVLOV SERGEY BORISOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor, Department of SGN1 History, Faculty of Social Sciences and Humanities, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia (*sbpavlov@rambler.ru*).

SMIRNOV IGOR' PAVLOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*post123_2000@mail.ru*).

YAKOVLEV YAROSLAV DMITRIEVICH,

Student, Faculty of History, Moscow State University, Moscow, Russia (*yara.yakovlev@yandex.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAFIMOVNA,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

SUKHINA TAT'YANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. **Подписку** на журнал (6 номеров в год) можно оформить в Агентстве «Урал-Пресс». Индекс — 83115. **ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА (ural-press.ru)**. Со всеми вышедшими с 1999 г. номерами журнала можно ознакомиться в редакции.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагать другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.